Лора Флоранд

Француженки не крадут шоколад

«Читать ее книги – словно угоститься плиткой элитного французского шоколада».
RT Book Reviews

Лучший роман по версии Publishers Weekly

В этой книге – рецепт счастья

SHOUT
SHARE IT

Annotation

Восхитительный, нежный, соблазнительный шоколад, такой разный и такой неизменно желанный! Американка Кэйд Кори трудилась над изготовлением этого чуда высокой кулинарии с детства, унаследовав семейную империю «Шоколад Кори» по праву рождения. Единственное, что предки не смогли ей передать, – это вдохновение. А поскольку Кори привыкла получать все лучшее, она отправилась в Париж к знаменитому шоколатье Сильвану Маркизу.

У нее есть крайне заманчивое предложение для него. Но если он не согласится ее учить и если старинные французские рецепты не удастся купить, то она найдет другой способ их позаимствовать…

- Лора Флоранд
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26

- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Эпилог
- Рецепты
  -
  - Фирменные конфеты ручной работы с вяленой вишней
  - Торт «Похитительница шоколада»
  - Лимонные корзинки с суфле
  - Кофейное парфе
  - Меренги «Облака над Парижем»
  - Цукаты в шоколаде

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29

- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73

- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117

- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161

- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185

Лора Флоранд
Француженки не крадут шоколад

Mille mercis[1] Жаку Генину и Мишелю Шодану, двум шоколатье из Парижа, они любезно пригласили меня в свои лаборатории и терпеливо отвечали на все мои вопросы.

Также выражаю благодарность шеф-повару шоколатье в кондитерской Жака Генина, Софи Видаль, которая была воплощенным терпением.

Laura Florand
Chocolate Thief

Copyright © 2012 Laura Florand

Перевод с английского *М. Юркан*

Художественное оформление *Е. Енeнко*

Глава 1

Ноябрь вернул на парижские улицы холодную погоду. Но в своей laboratoire[2] Сильван задавал для шоколадных изысков любую желаемую температуру. Он распластал шоколадную массу по мраморной столешнице. Под его ловкими руками слои темного, разогретого шоколада накладывались друг на друга, сливались воедино и вновь растекались на мраморе. Сильван Маркиз знал, чего хотят женщины: шоколада. Более того, достигнув зрелости, он научился мастерски управлять женскими желаниями.

В это время в магазине при его кондитерской элегантная блондинка, каждое движение которой свидетельствовало о высоком статусе и богатстве, купила коробочку шоколадных конфет и тут же, не удержавшись, попробовала одну. Сильван наблюдал за ней через большое внутреннее окно, позволявшее покупателям видеть, как мастер изготавливает свою фирменную продукцию. Он заметил, как ее безупречные белоснежные зубки погрузились в шоколадную конфетку размером с наперсток, и предвкушал, какое слабое сопротивление окажет нажиму шоколадная глазурь, какую волну удовольствия породит в ней мягкая, тающая на языке начинка. С легкой улыбкой Сильван склонил голову, вновь сосредоточившись на процессе изготовления шоколада. От его внимания ускользнул тот момент, когда в магазин вошла очередная покупательница.

Но, как оказалось, она сама не собиралась оставаться незамеченной.

На дождливую улицу украдкой просачивался запах шоколада. Пытаясь выяснить его источник, прохожие в длинных темных пальто нерешительно оглядывались, замедляя шаг. Одни останавливались полюбопытствовать, другие продолжали путь. Кэйд решила войти в магазин.

Аромат какао обволакивал ее как теплое одеяло, защищая от холода. Какао завладело всеми чувствами. Она обрадовалась, потому что этот аромат словно вернул Кэйд домой, хотя ее глаза ясно видели, что сейчас она не могла бы быть дальше от стальных чанов семейной фабрики, от шоколадных потоков, извергаемых непрерывно и ритмично из желобов в формы, и от миллиардов идеально одинаковых плиток в роскошных фирменных обертках, которые составляли для нее смысл жизни.

Странное внутреннее напряжение внезапно исчезло, спина Кэйд распрямилась, и трепет освобождения волной прокатился по телу.

Шоколад, отлитый в формы огромных половинок какао-бобов, красовался в витринах и добавлял очарования каждому уголку магазина. Кэйд представила создавшую их руку – большую, мужскую, с сильными длинными пальцами, способными к ювелирной точности. Фотографию этой руки она поместила в своем ноутбуке в качестве фонового изображения.

Каждому шоколадному бобу соответствовали пейзажи разных стран, производящих какао. А на поверхности лежавших в витринах бобов в избранных дизайнером местах расположились шоколадные конфетки.

Кэйд обвела взглядом магазин. Темневшие кое-где по углам торговых ящиков названия брендов свидетельствовали о том, что их доставили из заморских стран. Настоящие какао-бобы, высыпавшиеся из этих ящиков, демонстрировали посетителям сыры, прибывшие из экзотических стран. Кэйд бывала в этих странах. Темные этикетки вызвали в ее памяти их ароматы и пейзажи, образы далеких друзей, звуки мачете на стволах шоколадных деревьев, запахи проходящих ферментацию какао-бобов.

Маркиз разбросал дробленые бобы какао по всему залу, подобно шеф-повару, украшавшему тарелку несколькими каплями соуса. Здесь и там в прихотливом порядке были разложены кучки стручков ванили и трубочек корицы – débauche[3] необработанной экзотической роскоши.

Любой, даже самый незначительный элемент интерьера подчеркивал дивную природу шоколада, благодаря чему еще более выразительным становился триумф его изначальной изысканности: крохотные конфетки, chocolats[4] от Сильвана Маркиза стоимостью полторы сотни долларов за фунт[5].

Сильван Маркиз… Его считают лучшим шоколатье Парижа. «А он и правда такой», – подумала Кэйд. Увидев на стене знакомую ей до боли фотографию его руки, она поняла, что сам он в этом уверен.

Конфеты укладывали в коробки древесного цвета и обвязывали фирменными тесемками. На них красовалось его имя – «СИЛЬВАН МАРКИЗ» – жирный шрифт поблескивал изысканным цветом черного шоколада.

Кэйд глубоко вдохнула, черпая храбрость из этих ароматов и образов. Ее охватило опьяняющее возбуждение, но при этом странным контрапунктом его сопровождал страх, словно ей предстояло пройти обнаженной по сцене перед множеством зрителей. Хотя страх оправдать было трудно. Ведь она сама трудилась над изготовлением шоколада, унаследовав семейную империю по праву рождения. Ее отец часто шутил, что шоколад течет в ее жилах. Значительная доля глобальной экономики компании зиждилась на шоколаде, выпускаемом семьей Кори. Она могла сделать Сильвану Маркизу очень выгодное предложение. Однако Кэйд настолько боялась сделать первый шаг, что с трудом подавляла панику.

Мысленно она видела самые знаменитые, выпускаемые ее семьей плитки молочного шоколада, завернутого в фольгу и бумажную обертку, на которой была выписана ее фамилия – в продаже за тридцать три цента в «Уол-март». Эти тридцатитрехцентовые плитки принесли на банковский счет ее семьи больше денег, чем большинство людей могло вообразить. И уж определенно больше, чем мог представить лучший шоколатье Парижа. И тем не менее душа Кэйд съеживалась при мысли, как в столь изысканной обстановке она извлечет из сумочки одну дешевую плитку.

– Bonjour[6], – обратилась Кэйд к ближайшему продавцу.

Она сумела преодолеть языковой барьер. Впервые произнесла что-то по-французски перед настоящим парижанином! Большую часть своей жизни Кэйд изучала испанский и французский языки, поэтому легко общалась на них, посещая плантации шоколадных деревьев. В прошлом году, решив совершенствоваться, она также оплачивала домашние уроки с носителями французского языка и, занимаясь с ними по часу в день, просиживала вечера за домашними заданиями, сосредоточившись на словах, которые ей придется сегодня использовать, – samples, marketing, product lines[7]. И chocolat. И вот, наконец, она готова. Говорит. Готова рассказать о совершенно новой продукции, задуманной для их компании, о своеобразной «la cerise sur le gâteau». «Вишенке на торте»… Может, они смогут сотрудничать, взяв за основу эту идею в качестве одной из новых форм продукции…

– Je m’appelle[8] Кэйд Кори. Я возьму пять коробок. Будьте добры, уложите в них все возможные сорта ваших конфет.

Только одна из купленных коробок предназначалась лично

для нее. Остальные следовало отправить обратно в головной офис компании «Шоколад Кори» в городок Кори, штат Мэриленд.

– И пока вы будете их упаковывать, я хотела бы встретиться с Сильваном Маркизом.

Ее французский звучал так красиво, что она не могла подавить едва заметную горделивую улыбку. Слова легко слетали с языка, Кэйд лишь чуть-чуть запнулась вначале. И все благодаря усердно исполненным домашним заданиям.

– Yes, мадам. – Молодой человек в накрахмаленной форме ответил ей по-английски, уколов ее подчеркнутой равнодушной вежливостью.

Она удивленно прищурилась, воздушный шар ее счастья слегка сдулся, проколотый одним словом на ее родном языке.

– Господин Маркиз занят, мадам. Он занимается изготовлением шоколада, – сообщил он все так же по-английски, вынудив Кэйд стиснуть зубы.

Вот уж мерси… Или благодарю покорно, ее французский звучал гораздо лучше его английского. Молоденькая продавщица начала наполнять коробки заказанными Кэйд конфетами, а парижский сноб провел ее через дверь в заднюю часть кондитерской.

Вступив в волшебный мир, она почти забыла об «английской» пощечине, поскольку воздушный шар ее счастья вновь раздулся до должного объема. В одном углу комнаты тощий очкарик с утонченным лицом поэта или ученого зануды щедро разливал по формочкам ковши белого шоколада. В другой стороне женщина с волосами, покрытыми бумажной шляпой с оборочкой, обмахивала кисточкой шоколадных совят. Еще две заполняли коробки маленькими конфетками. Другие аккуратно накладывали пластиковые листы с тонкими украшениями на сгруппированные по дюжине конфеты и, слегка надавливая, переносили украшение на каждую конфетку.

За центральным столом со столешницей из розового мрамора кондитер орудовал большим венчиком, колдуя над кастрюлей в пароварке, на вид весившей не менее сорока фунтов[9]. Оттуда, окружая его, поднималось облачко белой пыли. Напротив него другой тощий кондитер с аккуратной темной бородкой выдавливал шоколадную массу из кондитерского мешка в формы, из которых торчали палочки леденцов. В лучах льющегося из окон света у него на пальце поблескивало обручальное кольцо.

Все здешние работники отличались худобой. Удивительно для людей, целые дни проводивших рядом с соблазнительным шоколадом. Только один высокий здоровяк выделялся небольшим брюшком, хотя при этом казался вполне довольным собственной

комплекцией. Все были в белой униформе и бумажных поварских шапках разных фасонов. В этом мире царила строгая иерархия, заметная для любого наблюдателя. Над раковинами висели кухонные кисточки, лопатки и мутовки. На мраморной столешнице стояли большие электронные весы и огромный миксер. По одному краю рабочего стола располагались контейнеры и миски разных размеров. Заполненные изюмом, цукатами, сахарным песком, они окружали работавших на этом просторном мраморном островке. Люди мельком взглянули на вошедшую особу, но большинство вновь сосредоточились на работе. Лишь один мужчина, мастерски пластовавший шоколад на мраморе, подарил ей долгий взгляд, выражавший особую властность и, вероятно, некоторое пренебрежение.

Высокий и худощавый брюнет с ниспадающими волнистыми волосами. Небрежно заправленные за одно ухо, они позволяли хорошо видеть идеально соразмерные черты его лица. Белый поварской колпак минимизировал риск попадания его волос в конфеты невезучих клиентов. Спереди на его поварской куртке темнели размазанные шоколадные пятна. Он был красив.

Кэйд судорожно сглотнула, почувствовав, что во рту пересохло. Витавшие здесь ароматы, сосредоточенная работа кондитеров, осознание того, что лучший шоколатье Парижа оказался в реальности более привлекательным, чем на фотографии, – все это кружило ей голову, порождая еще более сильное волнение. Она попала сюда: сбылась ее мечта!

А вот Сильван Маркиз выглядел раздраженным.

Наверное, она перенервничала. Может, не так уж он великолепен? Ладно, на своих фотографиях он смотрелся потрясающе, и снимок его руки постоянно являлся ей во снах, но Кэйд всегда старалась относиться ко всему этому критически.

Однако сейчас, при личной встрече, она ощутила исходящую от него энергию и власть, страсть, укрощенную самодисциплиной. Это увеличило ее волнение, провоцируя на чрезмерную чувствительность. Кэйд вдруг представила себя упавшей банкой кока-колы, взорвавшейся пенной струей.

– Bonjour, monsieur, – старательно произнесла она, следуя советам своих французских наставников, и самонадеянно шагнула вперед, протягивая руку.

В ответ, обескуражив ее, он выставил локоть. Удивленно взглянув на предложенную часть руки, Кэйд посмотрела на шеф-повара.

Он выразительно приподнял брови и произнес:

– Hygiène. Je travaille le chocolat. Comment puis-je vous aider, mademoiselle Coree?[10]

Она мысленно перевела его слова с французского, еще больше разволновавшись оттого, что смогла понять их, что ее учеба дала хорошие плоды. Он выражался так изысканно, что ей захотелось в восторге буквально обнять сам его голос. Вместо этого она неловко коснулась его локтя, невольно заливаясь румянцем. Как, черт возьми, можно пожать чей-то локоть?

Его рука опустилась. С сосредоточенным видом он коснулся пальцем разогретой шоколадной массы. А о Кэйд, похоже, уже забыл. Странно. Он же знал, кто она такая. Она ведь явилась не с неожиданным визитом. Шеф-повар должен сознавать, что она может существенно повысить его доходы. Почему же он не обращает на нее внимания?

Но он, видимо, считал ее визит менее важным, чем процесс пластования шоколада.

– Не могли бы мы побеседовать с вами в более уединенной обстановке? – спросила Кэйд.

Его брови сошлись у переносицы.

– Это важный момент, – отозвался он. Имея в виду шоколад.

Неужели Сильван Маркиз полагает, что она зашла сюда просто из любопытства, как турист, интересующийся производством любимых шоколадок?

– Мы ищем партнера для создания новой линии шоколадной продукции, – спокойно произнесла Кэйд, мысленно прибавив: «Так что же для вас важно, Сильван Маркиз, процесс или результат?»

Много раз она репетировала со своим французским учителем эту речь, и теперь, произнося ее вслух в этой кондитерской, Кэйд испытывала головокружение от успеха.

– Мы будем выпускать шоколад высшего качества и полагаем, что будет очень изысканно, очень по-парижски, если на нем будет значиться ваше имя.

«Наконец-то он обратил на меня внимание!» – самодовольно подумала Кэйд, заметив, как пристально Маркиз взглянул на нее, а его длинная узкая лопатка замерла на шоколадной массе. Ей показалось, будто она буквально видит, как вспыхнули в его мозгу денежные знаки. Или он просто добавил несколько нулей к концу своего банковского счета?

– Pardon, – медленно и настороженно произнес он. – Вы хотите поместить *мое* имя на *вашу* продукцию?

Кэйд кивнула, довольная тем, что все-таки потрясла его. Ее волнение вновь взлетело к небесам с напором струи гейзера «Верный старик» из Йеллоустонского парка. Новая линия шоколада для гурманов станет ее подарком семейному делу. Она сама будет заниматься его производством и обеспечит новую

продукцию всеми изысканными достоинствами выпускаемого в Париже шоколада, какими ей только захочется.

– Вероятно. Именно это я и хотела бы обсудить с вами.

Его рот открылся и закрылся. Кэйд торжествующе усмехнулась. Что, интересно, почувствует его рука, когда они скрепят рукопожатием такую сделку?

Сердечное тепло. Силу. Уверенность. Полноту энергии и власти, способной превратить сырые необработанные ингредиенты в некую совершенную чувственную редкость. В Кэйд вновь забурлили пузырьки восторга. Она окинула взглядом эту скромную laboratoire, чудо мастерства и творчества, разительно отличавшуюся от знакомых ей с детства просторов шоколадных фабрик.

– Vous…[11] – Сильван Маркиз оборвал начатую фразу, решительно сжав губы. Что-то вспыхнуло в его глазах, разбив маску холодного самообладания.

Ярость, гнев?

– Вы хотите поместить мое имя на вашей продукции? – повторил он, с трудом контролируя свой голос и пытаясь сохранить невозмутимое выражение лица, хотя глаза его практически полыхали. – Мое имя? – Он жестом показал на пару боковых столов, где коробка за коробкой с соблазнительным оттиском его имени заполнялись, закрывались и связывались. – Имя Сильвана Маркиза?

– Я…

– На «Шоколад Кори»?

По тридцать три цента в «Уол-марте». Кэйд покраснела до корней волос и, опустив руку в дамскую сумочку, сжала заветный прямоугольник в яркой золотисто-коричневой обертке, воспользовавшись им словно талисманом и одновременно смущенно засовывая его поглубже.

– Это же будет совершенно иная продукция. Для гурманов…

– Мадемуазель… – Его губы сурово сжались, заморозив бутылочку с ее пенистой «колой» так быстро, что Кэйд почувствовала надвигающийся взрыв. – Вы тратите мое время. А я трачу ваше. Я никогда не соглашусь сотрудничать с компанией, выпускающей «Шоколад Кори».

– Но вы лишь взгляните на список наших предложений…

– Au revoir[12].

Он точно застыл. Стоял над своим остывающим шоколадом, пронзая ее глазами цвета очищенных какао-бобов и заставляя ее – одним своим взглядом, вкупе со словами и властью в собственном заведении – развернуться и удалиться.

Сделав пять шагов к входной двери, Кэйд задрожала от

замешательства и ярости, осознав, что именно позволила ему сделать. Она позволила ему сохранить абсолютную власть в его мире, а выгодное предложение вышвырнуть вон. Кэйд не принадлежала к людям, готовым безропотно подчиняться. Ей следовало бы остаться и отстоять свои предложения.

Она попыталась собраться с духом, чтобы развернуться и вновь отважно встретить это унижение, но дверь находилась уже в трех шагах. Кэйд сжала «Плитку Кори» в своей сумочке и постаралась с презрительным видом пройти эти три шага. Но невозможно отступать с достоинством. Никого не обманет спина с презрительно вздернутой головой.

«Ну и черт с вами, Сильван Маркиз! – в отчаянии думала она. – В Париже найдутся и другие шоколатье, вероятно, получше вас. Вы – всего лишь минутная прихоть крупной корпорации. И вы еще пожалеете!»

Кэйд вышла из лаборатории в магазин, громко хлопнув дверью, чем заработала неодобрительные взгляды как от клиентов, так и от продавцов, выразительно показавших мнение о невоспитанности американцев слегка опущенными уголками губ.

Америка могла купить и продать этих снобов с потрохами без проблем. Если бы только они захотели заработать деньги, наклеив на себя товарный ценник.

Решительной походкой она направилась к стеклянной двери на улицу.

– Мадам, – обратилась к ней девица, сидевшая за кассовым аппаратом, рядом с большим пакетом древесного коричневого цвета, украшенным фирменным логотипом «Сильван Маркиз». – Ваш заказ.

На лице этой француженки было такое выражение – нейтралитет, подкрепленный скрытым убеждением превосходства, – что Кэйд внезапно захотелось дать ей пощечину. Кэйд колебалась. Ее кредитную карту также могли воспринять в штыки, поэтому, еще больше разозлившись, Кэйд высокомерно вытащила свою кредитку и вручила ее кассирше. Оглянувшись, она заметила, что Сильван Маркиз наблюдал за ней из-за окна, изгиб его тонких губ выражал изумление, раздражение, презрение. Кэйд сжала зубы с такой силой, что не удивилась бы, если бы они хрустнули и сломались. Но он тут же вернулся к своей работе. Наверняка уже выбросил ее визит из памяти.

Она подтвердила оплату со своей кредитки, обогатив его банковский счет почти на тысячу долларов за пять ничтожных коробок шоколада, и решительно вышла на улицу.

Ей отчаянно захотелось эффектно умчаться в шикарном

лимузине или таинственно раствориться в сумерках парижского заката. Но она лишь сделала десять шагов, перейдя через улицу, скрылась за темно-зеленой дверью парадной и, войдя в крошечный лифт, осознала истинную причину стройности француженок. Клаустрофобия. Пакет с коробками конфет вдавился в ее ноги. Скрипучая кабина подъемника остановилась на шестом этаже. Кэйд оказалась в комнатке по размеру в половину меньше ее домашней спальни, бросила пакет с коробками на кровать и сердито взглянула в окно на сияющие внизу витрины магазина Сильвана Маркиза. А как она обрадовалась, сняв эту маленькую квартирку напротив его шоколадной кондитерской. Подобная близость казалась гораздо более реальной, более подходящей для осуществления задуманного ею проекта, чем далекий роскошный отель на Елисейских Полях. Это можно назвать своеобразной жертвой, как и факт, что Кэйд собиралась выяснить, как пользоваться прачечной самообслуживания, но цена неудобств казалась разумной.

До нынешнего момента. Сейчас же она стояла в крохотной квартире, торчала под крышей дома над этой кондитерской как идиотка. Она могла еще, положим, перебраться в отель. Но тогда в чем смысл ее присутствия в Париже, если она просто переедет в отель, словно прикатила сюда в обычную командировку?

Украдкой взглянув на брошенный на кровать пакет с шоколадными конфетами, Кэйд решительно сказала себе: «Ни за что». Она вновь покосилась на пылавшую внизу вывеску «Сильван Маркиз». Из коробок уже просачивался запах шоколада. Ее родной городок пропах шоколадом насквозь. Хотя и не таким шоколадом. Не такого отборного качества, созданного фантазией и руками одного мастера.

Может, попробовать одну конфетку? Чтобы убедиться, насколько его перехваливают. Когда ее язык ощутил вкус полнейшего искушения, вся ее злость исчезла, она беспомощно уткнулась лбом в оконное стекло, пытаясь удержать на губах презрительную усмешку. Что было трудно сделать с тающей во рту шоколадной вкуснятиной.

Маркиз произвел на нее сильное впечатление. Прискорбно, что при этом он оказался редкостным идиотом.

Глава 2

«Gonflée»[13], – презрительно скривив губы, подумал Сильван, закладывая остывший шоколад обратно в пароварку для разогрева.

На самом деле мнение этой самозванки о собственной персоне было настолько раздутым, что у него просто руки чесались проколоть его. Он надеялся, что сумел пронзить ее взглядом. Сильван взрослел, практикуясь в подобных взглядах, способных уязвить самомнение любого индивида. Во Франции искусство испепелять взглядом оттачивалось веками и передавалось от поколения к поколению.

Он вылил на холодный мрамор треть порции шоколада, проводя по нему длинной эластичной лопаткой, захватывая, ловко складывая и вновь распластывая горячие слои перемешиваемой массы. Расстроился, что приходилось повторять этот этап. Хотя на него не похоже, чтобы мелкое происшествие, типа появления наглой миллиардерши, заставило его прервать процесс изготовления шоколада.

Поглаживая массу, Сильван вдруг вообразил обнаженные плечи посетительницы, мысленно сняв с нее пальто и кашемировый свитер. Его рука скользнула дальше, искусно улучшая качество будущего шоколада.

Сильван немного покраснел. В юношеском возрасте он часто вспыхивал маковым цветом, когда в самые неуместные моменты ему вдруг представлялись обнаженные женщины. Несколько воспоминаний о краске смущения, заливающей его во время разговоров с учительницами или симпатичными подружками, еще слегка терзали душу. Как унизительно! Но Сильван уже научился владеть собой. Хотя считается, что воздержание зачастую неподвластно большинству мужчин.

Странно и поистине неудачно, что женский ум организован иначе – слабому полу свойственны поверхностная сексуальность

и непосредственность.

Американская посетительница, вероятно, не воображала его обнаженным. Она лишь вообразила, что может купить дело и достижения всей его жизни, словно они являлись милой парой туфелек в витрине магазина и она могла забрать их домой как сувенир из Парижа.

Сильван скрипнул зубами в приступе гнева.

Чему их только учат в заокеанской стране?

– Я предупреждал тебя, что это варварская страна, – заметил в телефонном разговоре Джеймс Кори, дед Кэйд, которого все члены большой семьи в шутку называли дедушкой Джеком. – Разве я не рассказывал тебе, как однажды попытался наняться в компанию Линдта, чтобы научиться делать их драже? Не смог даже собеседование пройти. А ведь я владел крупнейшей шоколадной компанией в Штатах… Об этом я, разумеется, никому не сообщал. Зато заплатил одному местному парню, чтобы тот помог мне сочинить хорошее резюме, но не смог устроиться туда даже на обжарку очищенных какао-бобов. Швейцарцы – снобы, – добавил он, с привычным удовольствием смакуя и подчеркивая свою антипатию к жителям этой страны.

– Да, я все помню, – отозвалась Кэйд.

Два года назад они отметили восьмидесятилетие дедушки – грандиозное празднование тянулось целый месяц – от шоколадного фестиваля по всей стране до сельской ярмарки в их городке Кори. И теперь, в восемьдесят два года, он еще твердо стоял на ногах. Правда, увлекшись воспоминаниями, постоянно рассказывал старые истории. И ее отец, фанатично преданный делу, выделил дедушке Джеку целую лабораторию на фабрике для его причудливых вкусовых экспериментов. Перед отъездом Кэйд он занимался тем, что пытался придать шоколаду вкус шпината. Рабочие с фабрики решили разыграть ее и не предупредили, когда она отправилась искать деда, что ей придется попробовать плоды этих стараний.

Вспомнив тот вкус, Кэйд поморщилась.

– И тогда я решил подкупить одного из местных рабочих, уже узнавших их секреты, – горестно заявил дед. – Однако… – он вздохнул, – мне больше понравилось бы оказаться там. Просто пройтись по цехам тех швейцарских фабрик. Не с одним из тех глупых формальных визитов, когда прячутся любые секреты, но самому увидеть настоящую творческую кухню. Однажды мне почти удалось сговориться с одним парнем, да только Линдт пронюхал об этом, и сотрудники службы безопасности компании в мгновение ока злобно выставили меня оттуда.

– Да, но…

– А мой папаша – твой прадед Кори, милочка, – на какие только авантюры он не пускался, надеясь раздобыть секретный рецепт молочного шоколада. Маскировка, подкуп, шантаж – ты еще не слышала от меня о том шантаже, Кэйди, – попытки проникновения во вражеский тыл. Да, вот было времечко, доложу я тебе.

– Но это совсем другое, дедушка. Сейчас я пытаюсь сговориться с маленькими кустарными кондитерскими. Я предложила одному из владельцев миллионную сделку. – Она представила, как поморщился дед.

– Я не стал бы бросаться миллионами ради скромных перемен. Ты шутишь?! Мне никак не удавалось научить тебя ценить деньги.

– Дедушка! Ты приставал к папе, не позволяя нам заработать даже десять центов в день на уборке наших комнат. Позволь напомнить тебе, что подготовительная школа тянулась очень долго.

– Баловство, – нежно проворчал он. – Нет уж, позволь мне напомнить, что вам с сестрой это пошло только на пользу.

– Да уж, дедуля, мы не могли позволить себе ничего купить, даже перекусить не могли!

– Вам следовало брать из дома наши шоколадки, – заявил он. – Моим внучкам нет нужды покупать дрянные батончики «Марс» в уличных автоматах.

Кэйд закатила глаза. Она, конечно, перепробовала за долгие годы все виды сладостей фирмы «Марс», но чисто с познавательными целями. Еще испытывала тоскливое желание, замечая в закусочных автоматы с пакетиками фирмы «M&M» и сознавая, что никогда не позволит себе купить их. (Единственный раз, когда она сломалась во время уединенной командировки, был ее маленькой тайной.) За все свое детство Кэйд попробовала эти драже несколько раз. Даже подруги не могли угостить ее на вечеринках, поскольку их родители боялись обидеть наследницу компании Кори.

– Я лишь упомянула о возможных миллионах. А он мог бы вести себя со мной более вежливо и любезно.

– О, нет! – Голос деда стал встревоженным. – Не хочешь же ты, милая, чтобы какой-то француз расточал тебе любезности? От них может заледенеть твоя душа. И уж никогда не оттает. Вот швейцарцы на редкость бестактны и грубы, если они и бывают вежливы, то этого не удается заметить. Но французы… они в этом деле мастера. От французской «вежливости» можно сигануть с Эйфелевой башни.

Кэйд огорченно постучала по лбу костяшками пальцев.

– Ну, дедуля, мне просто хочется осмотреться здесь. Понимаешь? Узнать, какая у них тут жизнь. Приобщиться к духу Парижа. И завладеть их шоколадными конфетами.

– Еще как понимаю, – со вздохом произнес дед. – И полагаю, что это наша роковая ошибка. Не трать попусту силы на этих снобов. Они могут лишь обидеть тебя, и ты еще, чего доброго, потеряешь веру в себя.

– Я не собираюсь позволять ему обижать меня, – солгала Кэйд.

– Ладно, милая. Запомни одно: они могут сколько угодно изображать снобов, но в далеком сорок пятом именно наши солдаты раздавали наши шоколадки, и тогда французы их уплетали за обе щеки с удовольствием.

Кэйд усмехнулась. Они производили крупные партии того старого пайкового шоколада к годовщине начала высадки союзных войск в Нормандии, и эти плитки не отличались изысканным вкусом – военные особо настаивали лишь на максимальной питательной ценности.

– Может, поэтому они были так агрессивны и грубы?

Не говоря уже о других странностях деда и его увлеченных экспериментах по внедрению в шоколадные плитки шпината.

Дед раздраженно фыркнул:

– Ну, когда-то им было не до гордости!

Кэйд попыталась взять на вооружение старые бодрящие разговоры об участии американцев во Второй мировой войне: «Разве тогда они кичились своим превосходством?» Но вдруг живо вспомнила брезгливое выражение на лице Сильвана Маркиза, и ее плечи вновь печально поникли. Вот уж не думала она, что придется пользоваться заслугами событий, произошедших почти семьдесят лет назад. Что же делать, чтобы изменить его отказ на тот восторженный прием, о котором она мечтала?

«Мерзавец. Эгоцентричный, заносчивый идиот».

Но, боже, Сильван делает удивительно вкусные шоколадные конфеты. Едва попробовав их, Кэйд уже не могла остановиться. Она даже видела их во сне той ночью. Роскошная нежность совершенного шоколада подействовала на нее наркотически, тончайшие оттенки вкусов обволакивали ее, порождая фантазии, завлекая к опасному источнику, скрытому за занавесом в недрах своеобразного и таинственного опиумного притона…

Вырвавшись из мечтательной дремы, Кэйд спрыгнула с кровати и пошла в ванную принять освежающий душ.

К сожалению, «освежающий душ» превратился в битву с

гибким шлангом и полуржавой насадкой в ванне, растопырившей щербатые львиные лапы. Кто мог спроектировать такую ванну? Без всяких держателей для душевой насадки, без занавески?! В итоге Кэйд забрызгала не только всю ванную комнату, но и захваченную с собой чистую одежду. Взирая на древность подмокших, украшенных цветочками бумажных обоев, она размышляла, не завлекли ли ее в своего рода ловушку, чтобы заставить оплатить ремонт в этой квартире, сделав ее немного более… удобной. Недурно. Может, изначально в этой ванне имелась занавеска, но когда Кэйд сняла эту квартирку, владелец отыскал ее данные в «Гугле» и сообразил, какие тут открываются возможности?

Натянув одежду, она обнаружила, что водные брызги испещрили ее тонкий черный свитер и элегантные черные брюки. День едва начался, а она уже выглядит нелепо. «Твой наряд скоро высохнет, – строго сказала себе Кэйд. – До того, как ты предстанешь перед парижанами. Пора заняться макияжем». Волнующий, привлекательный и утонченный облик – как раз такой ей сейчас и нужен. Ведь за окнами Париж! И к концу этого дня она станет обычной молодой и уверенной в себе женщиной. Вполне самодостаточной, чтобы гордиться своими достоинствами – светло-каштановой шевелюрой, гармоничными чертами лица, ясными серо-голубыми глазами. И поверьте, она превратит себя в запоминающуюся особу! Да, Кэйд не сомневалась в своих способностях достичь желаемого эффекта, она уже давно и умело пользовалась косметикой. Но теперь попала в Париж.

В своем родном городке Кори Кэйд чувствовала себя свободно и независимо. Возможно, даже владела значительной долей первоклассного мирового бизнеса. Но в Париже она не ощущала себя свободной. Пока нет.

Итак, ей придется конкурировать с парижанами и, более того, с еще более заносчивыми парижанками. Придется выделиться на фоне этого яркого и романтичного города, на красоту которого веками устремлялись взоры всех иноземцев.

Она вышагивала по улочке, поеживаясь от осеннего холода и нервной дрожи, порожденной страхом, что вчерашняя неудача может стать не последней. Возле одного из ближайших домов прямо на улице под своей вывеской сидел пекарь, и холодный ветер донес до Кэйд запах выпечки. В остальном улица выглядела тихой и безлюдной. Начиналось утро хмурого дня. Кэйд выделила себе часок на прогулку по Парижу перед встречей со вторым городским шоколатье из топ-списка. А на самом деле он мог быть даже самым лучшим. Вероятно, Сильвану Маркизу просто повезло в тот день, когда мэр Парижа наградил его званием «Лучший

шоколатье Парижа». И вообще, что может понимать в шоколаде какой-то мэр?

Кэйд подошла к пекарне в тот момент, когда из двери как раз выходил покупатель с пакетом в руке. Ее глаза встретились с глазами Маркиза, и она смущенно застыла.

Именно в этот момент поэтично настроенный ветер взметнул конец ее красного шарфа и игриво смахнул на лицо волнистую прядь. Часть волосков тут же прилипла к слабо мерцающему блеску для губ, который Кэйд нанесла в попытке соперничества с парижскими красотками. Прилипла, точно приклеилась. Она попыталась откинуть ее обратно затянутой в перчатку рукой. Блеск остался на перчатке, а прилипшие волосы еще и умудрились залезть в рот. Сдернув кожаную перчатку, Кэйд отбросила с лица непослушную прядь, ощущая на себе невозмутимый взгляд Сильвана Маркиза. Воплощение элегантности. Поглощенный собой и готовый погрузиться со всей страстью, таившейся под его невозмутимостью, в тот богатый мир, в какой закрыл для нее двери. Целый день Сильван Маркиз будет трудиться над душой шоколада, а Кэйд будет бродить по тротуарам, пытаясь найти того, кто позволит ей заняться тем же самым.

При желании она тоже могла закрыть для него доступ в свой мир. В мир богатства и власти. Не считая, конечно, того, что трудно закрыть доступ в мир человеку, не имеющему желания попасть в него. Она-то могла, но подобное закрытие доступа утрачивало смысл.

– И сегодня ответ тот же, – сказал он, отступая в сторону и пропуская Кэйд в магазин.

Интересно, если бы она начала душить его, то продолжал бы он хранить свое невозмутимое высокомерие даже с побагровевшим от удушья лицом?

– А сегодня я вам уже ничего не предлагаю! – бросила Кэйд, пытаясь проскользнуть мимо него в булочную.

Их легкое соприкосновение, несмотря на отделяющие слои материй шерстяных пальто, свитеров и рубашек, все-таки породило в ней всплеск жаркого волнения. Кэйд сосредоточилась на выборе выпечки, способной завладеть вниманием самого взыскательного клиента. Боже мой, до чего же повезло парижанам! И как они умудряются оставаться такими грубыми и хмурыми, когда на каждом углу в городе их ждет радушный приют и изобилие?

Коробки и подносы заполняла золотистая выпечка: припорошенные сахарной пудрой пухлые прямоугольные пироги, рулетики, рогалики, круглые булочки подмигивали глазками

миндаля, изюма и шоколада. Красные ягодки возлежали на перинках бледного заварного крема, окаймленного по кругу золотистой корочкой пирожного идеального размера, чтобы уместиться в руке любого сладкоежки. Уложенные веером дольки яблок завершали десерт, удостоенный названия tarte normande[14]. Миниатюрные, облитые шоколадом шу – заварные пирожные – уютно устроились на шоколадных подушках вместительного заварного гнездышка, подобно пухлым, одетым в темные фраки снеговичкам. Мечтой нимфоманки тянулись ряды длинных продолговатых эклеров – кофейных, шоколадных и фисташковых оттенков.

Нахмурившись, Кэйд покосилась на Сильвана Маркиза. Господи, с каких пор ей стали видеться фаллические символы в благопристойных эклерах?

Если бы Сильван Маркиз не крутился рядом, она могла бы спокойно выбрать и тут же слопать несколько пирожных. Вместо этого смущение склонило ее к самоограничению. Что же выбрать? Круассаны надоели, к тому же на них набрасываются именно туристы. Pain au chocolat[15] – такую она могла есть и дома. Кэйд украдкой взглянула на пакет в его руках: что же выбрал он? Croissant aux amandes?[16] Нет уж, она не так примитивна, чтобы есть круассан с миндалем.

«Провалиться мне на этом месте, если я стану подражать ему!» – подумала Кэйд.

Не сумев понять остальных названий, она опасалась, что в очередной раз предстанет перед ним невежественной американкой. Положившись на удачу, Кэйд вдруг осознала, что показывает продавцу на симпатичное пирожное, обильно усыпанное свежей малиной. Достойный выбор! В такую холодину следует включать в рацион больше фруктов.

– Pour le petit-déjeuner?[17] – изумленно спросил Сильван Маркиз.

– Разве я спрашивала вас, что мне следует съесть на завтрак? – резко произнесла она.

Пекарь бросил на нее грозный взгляд. Господи, может, они – лучшие друзья? Здорово. Теперь свое пребывание здесь она будет задаваться вопросами: не плюнул ли кто-нибудь на выбранные ею пирожные или не поваляли ли по полу ее багеты? А не подыскать ли другую квартиру? С нормальной занавеской в ванной. Подальше от места обитания Сильвана Маркиза.

– Américains[18], – усмехнулся Сильван Маркиз, тряхнув роскошной шевелюрой черных волос. – Видимо, вы можете есть что угодно и когда угодно, не так ли?

Кэйд незаметно, спрятав руку в рукав пальто, сжала кулак. В

ней уже пылала чистая ненависть к этому снобу. Слава богу, что она успела оценить его характер, прежде чем подписать контракт и позволить Сильвану Маркизу заработать миллионы на ее слепом восхищении парижскими шоколатье.

– А что вы здесь делаете? – поинтересовался шоколатье, забыв о том, что его поведение не располагало к дружескому общению. – Мой магазин откроется не скоро. Или вы надеетесь улучить момент, чтобы выкрасть мои рецепты?

Неужели он читал историю их семьи? Обвинения в краже рецептов против ее прадеда так никогда и не доказали. Главным образом потому, что чрезмерная бдительность охраны тех швейцарских фабрик не дала ему ни малейшего шанса, и пришлось заново искрить, изобретая очередное шоколадное колесо: множество экспериментов, пара взорвавшихся котлов и один сгоревший дотла амбар.

– Я направляюсь на встречу с Домиником Ришаром, – сухо ответила Кэйд, забирая у пекаря свою маленькую малиновую причуду. – Удивлены? Неужели вы мните себя единственным лучшим шоколатье Парижа?

Его брови изогнулись. Ах, это задело мсье за живое? Отлично! Она прошествовала мимо него, покинула пекарню и быстро направилась дальше по улице, чтобы в одиночестве успеть насладиться по крайней мере одним очком, выигранным у него во время этой случайной встречи. Кэйд надеялась, что на сей раз ее спина гораздо лучше выражала презрение.

Она, разумеется, терпеливо вышагивала по улице и, лишь завернув за угол и скрывшись из вида, торжествующе откусила кусочек tartelette[19].

Вкус ее разочаровал. Не слишком сладкий, ягоды не так уж свежи и ароматны, а слой сладковатого заварного крема тонковат. Что плохого в таком скромном завтраке? Уж наверняка он мог бы знать, что ягодная тарталетка более полезна, чем его croissant aux amandes! Жаль, что она не могла ему растолковать этого, поскольку тогда ей пришлось бы повернуть обратно, пройтись по той же улице и поговорить с ним. А подобное излишнее внимание окончательно закрепило бы за ним победу.

Глава 3

Сильван испытывал тревогу, завидя эту высокомерную капиталисточку, слонявшуюся в семь утра вблизи от его кондитерской, – как будто она задумала купить его с потрохами, – но попытался отмахнуться от неприятных мыслей. По крайней мере она не осмелилась вновь навязываться к нему с предложением продажи фирменного имени.

Что, в сущности, досадно. Она могла бы хоть немного побороться! Вдобавок, неуместно было спорить с привлекательной особой, питавшей слабость к малине, выбравшей лакомство в попытке скрасить хмурый денек. К тому же с купленной малиновой тарталеткой она выглядела просто mignonne[20]. Пусть завтрак выглядел нелепо, однако ему понравилось, что она выбрала такое пирожное. «Наслаждайтесь ароматами и вкусами, которых вам не хватает в жизни», – так он обычно думал. К тому же Сильван невольно представил, как ее зубки впиваются в нежный тонкий слой сладкого заварного крема, как ее губы вбирают идеальную красную малину и как внезапный порыв ветра сбрасывает прядь волос на лицо, доводя его до умопомрачения.

Сильван представил, как спасает ее, смеясь и отбрасывая *ее* волосы своими пальцами, чтобы она смогла в итоге откусить пирожное.

Воображение опять пытается втянуть его в беду. Пусть ветер доведет ее до безумия! Доминик Ришар? Кстати, Доминик Ришар может запросто прикончить ее, если она предложит ему сделку. Неужели она намекала, что Доминик Ришар так же хорош, как он? Или хотя бы близок к нему по мастерству? Imbécile de capitaliste américaine. Putain de nerve[21]. Можно подумать, что Доминик Ришар и без того недостаточно самоуверен, чтобы какой-то идиотке удалось ему польстить и извлечь выгоду из его самолюбия.

Когда он вернулся в свою лабораторию, его злость, как обычно, ослабела. Теобромин! Наркотик богов. Его теобромин, его шоколадные конфеты, его шедевры, за которыми сластены выстраиваются в очередь и готовы заплатить уйму денег.

Для достижения подобного успеха выросший en banlieue[22] парнишка, чьи родители, всю жизнь посвятившие сельскому труду, хотели видеть сына учеником фермера, прошел длинный путь. Да, ему пришлось одолеть очень долгий путь ради того, чтобы шикарные дамы, которые выглядели на миллион долларов… весьма похожие, кстати, на эту американскую капиталисточку, испытали непреодолимое желание купить шоколадные конфетки его изготовления. Долговязый, угловатый юнец с лохматой шевелюрой, он еще в подростковом возрасте понял, чего хотят женщины.

Шоколад! Если вы намерены соблазнить женщину, которая в ином случае не удостоила бы вас взглядом, то хороший шоколад подействует лучше любого любовного зелья. Во времена отрочества ему не удавалось превратить очаровательных любительниц шоколада в своих подружек, но он по крайней мере добился права войти в их круг и терзался от их недосягаемой близости. Зато не теряя времени постепенно осваивал собственные разнообразные подходы. Сильван соблазнял их шоколадом, и изредка одна из них соблазняла его самого. Обычно отдавая дань прихоти или сиюминутному желанию. В качестве утешительного приза и пребывая в ожидании своего благородного любовника, она снисходила до единичного общения с le bâtard[23]. Лишь разменяв третий десяток, он умудрился сойти с той наезженной колеи одиночества и отчаяния.

Этому поспособствовал, наверное, и период напряженного, укрепляющего мускулы ученичества в chocolaterie[24], научивший Сильвана управлять и владеть чувствами и применять свои силы. А может быть, он просто вырос и возмужал? Ключом к успеху стало его профессиональное мастерство. Доступ к телу женщины открылся благодаря тому, *что именно* она с восторгом укладывала к себе в рот. Когда женщина позволяла фирменному шоколаду Маркиза растаять на своем язычке в присутствии мастера, Сильван воспринимал, что благодаря его таланту и частичке его вдохновения сладкоежка познала наслаждение и эйфорию.

Внезапно лицо Сильвана озарилось улыбкой. Интересно, сколько конфет из пяти коробок уже растаяло на языке Кэйд Кори? Сколько она поглотила частиц его души? Его рука вдруг замерла на холодном мраморе столешницы, и, стоя один в своей лаборатории ранним утром, Сильван осознавал, как жар

смущения заливает его с ног до головы.

Глава 4

По гравиевой дорожке Люксембургского сада метались опавшие листья. Кэйд позволила ветру выдуть из своих мыслей Сильвана Маркиза и, гордо вздернув подбородок, наслаждалась прелестями прогулки. Перед дворцовым зданием семнадцатого века по глади пруда безупречной восьмиугольной формы прокатывались легкие волны, хотя сегодня на них не покачивались игрушечные парусники, которые обычно оживляли этот пейзаж на иллюстрациях туристских справочников. Солнечные лучи нежно просеивались сквозь облака, подсвечивая густые кроны деревьев и дворцовые стены.

Парк был почти пуст. Несколько прохожих, спрятав руки в карманы, видимо, использовали садовые аллеи для сокращения пути и, стойко снося удары осеннего ветра, спешили в столь ранний час добраться до теплых домов. Парочка бегунов, маячившая на дальних аллеях, выглядела неуместно и даже нелепо в этом классическом окружении и даже нелепо в своих современных легкоатлетических костюмах.

«Вот я и наслаждаюсь жизнью в Париже», – подумала Кэйд, останавливаясь на берегу пруда и окидывая взглядом изысканный пейзаж. Ее руки в карманах слегка сжались, так сильно она волновалась.

Париж.

Она освободилась от обиды на Сильвана Маркиза, занеся его отказ в разряд временных неудач. Отныне этот город войдет в ее мир, и она достигнет успеха, выпустит новую продукцию. В ее жизни будет своя лаборатория, мастерская, наполненная сложной шоколадной алхимией и взыскательными мастерами, способными создавать шедевры. И это тоже станет ее миром.

В этих размышлениях душа Кэйд словно созревала и крепла, становясь все больше и больше, все глубже и богаче, обретая размах подобно этому городу со всем его содержимым, таким же

драгоценным, как темная шоколадная начинка. Сердце шоколада – нежное, насыщенное новыми, неведомыми Кэйд ароматами и вкусами, волнующими и оригинальными, и сокровенным теплом жизни.

Она почувствовала странное жжение в глазах, вероятно, от холодного ветра или от внезапного постижения красоты момента. Кэйд могла бы еще долго смаковать момент, если бы в него не вторгся разрушивший очарование запах мочи. К ней приближался грязный небритый бродяга, просительно протягивая руку. Она дала ему двадцать евро и, подчинившись внезапному порыву, присовокупила к ним «Плитку Кори» из своей коллекции талисманов. Привезя с собой большую коробку фирменного шоколада, она поставила ее в глубине кухоньки снятой квартиры и могла по мере надобности брать оттуда плитки, учитывая, что привыкла раздавать их вместе с милостыней на улицах. Обычно Кэйд представляла, какое удовольствие получит человек. И сейчас вздохнула с облегчением. Она продолжила прогулку, чувствуя себя сильнее и смелее, почти освободившись от воспоминаний о возмущении и превосходстве Маркиза Сильвана. Ее пронизывала радость, даже когда Кэйд увернулась от парня, бросившего окурок в ее сторону, пока его собака, тужась посередине дорожки, вываливала кучку дерьма. Да, Париж. Она уже в Париже. Этот славный город принадлежал ей одной.

Глава 5

Доминику Ришару не понравилась идея Кэйд. Он не отнесся к ней так же отрицательно, как Сильван Маркиз… или скорее Кэйд сама не приняла его ответ близко к сердцу. Мэтр Ришар не привлекал ее физически, не породил в ее воображении соблазнительную картину, которая невольно всплывала в мозгу, когда она думала о месье Маркизе: искусные руки ласкают на мраморе не шоколадную массу, а стройное женское тело. Кроме того, месье Ришар не обладал тем же даром использовать минимум средств, но задеть побольнее, показать, что американка недостойна даже презрительной усмешки. Доминик оказался грубым, агрессивным, его «нет» прозвучало бесцеремонно. Он нахально пялился на Кэйд и буквально раздевал ее глазами. Будто она лезет с наглым предложением, но, если не устояла перед его обаянием, то «великий Доминик» не против заняться с ней сексом в своем кабинете. Так и быть.

Как ни прискорбно, но это было лучше, чем безоговорочный отпор Сильвана. На дурацкое поведение Ришара ей было наплевать, а вот обида, нанесенная Маркизом, засела под кожей точно заноза и горела там неугасимым распаляющим огнем.

Менее чем за сутки ее великолепную бизнес-идею отвергли дважды! Кэйд загорелась мечтой о собственной линейке шоколада еще в средней школе, продолжала лелеять ее в колледже, а после четыре года вынашивала в душе планы реализации, распаляясь от собственных идей и методично накапливая опыт работы в компании, прежде чем выдвинуть предложение «прорыва», как обычно называл это ее отец. То есть сокровенные мечты она лелеяла как минимум десять лет. Ей всегда казалось, будто на пути к их воплощению стоит только ее семья, компания и ее нерешительность. И Кэйд никогда не приходило в голову, что сама мечта может отвергнуть ее.

Парижане нашли чертовски обескуражившим способ ее

разочаровать! Неужели не могли хотя бы притвориться, что им жаль ей отказывать? Им не следовало морщить нос и кривить губы, словно от ее предложения исходил дурной запашок.

Глубоко засунув руки в карманы пальто, Кэйд вышагивала по Люксембургскому саду, стараясь вернуть себе хорошее настроение и отвагу, сосредоточиться на порядке, царившем вокруг, на будущем, которое сулило новые удовольствия, новые встречи. Какая-то женщина упорно отвлекала своего неуверенно стоявшего на пухленьких ножках малыша от попыток залезть в воду большого округлого пруда, гладь которого рябила под порывами холодного ветра. Прямо перед ней парочка туристов, остановив случайного прохожего, просила их сфотографировать.

Кэйд приветливо кивнула клошару[25], который слопал уже половину ее подарка, «Шоколада Кори».

– C'est de la merde[26], – сообщил он. – Неужели вы думаете, что парижские клошары готовы лопать любую гадость?

Она двинулась дальше, бессильно сжимая кулаки и с горечью осознавая, что запросто отдала свой талисман поганому французу, не имевшему даже крыши над головой, а он воспринял ее дар с откровенным презрением. Глаза Кэйд наполнились жгучими слезами. Она сглотнула соленый комок и мысленно вернулась в свою квартирку, тесный клоповник, где она все-таки сможет обдумать свои дальнейшие действия. Да, через несколько часов она, спрятавшись от всех, откроет свой любимый ноутбук, найдет в списке третьего из десятки лучших шоколатье Парижа и разработает новый план.

Тепло окутало ее, едва она втиснулась в кабинку лифта. Конечно, отопление на лестнице не работало, зато не дул пронизывающий ветер. Оказавшись в своей крошечной комнатке среди старомодных и выцветших обоев в цветочек, Кэйд с горечью посмотрела на пластиковую столешницу в крохотном кухонном закутке, где громоздилась здоровенная коробка «Плиток Кори», неизменно сопровождавшая хозяйку во всех ее путешествиях.

Захватив горсть шоколадок из коробки, Кэйд уселась на узкую кровать у окна, разложила плитки по покрывалу и стала реветь в голос. В ее плач ворвался пронзительный телефонный звонок.

– Кэйд, – резко произнес отец, пока она изо всех сил пыталась загнать слезы обратно, чтобы не издать ни единого всхлипа. – Ты не могла бы изучить отчеты Дженни и Рассела? Я уже послал их тебе. Проверь свою почту, пожалуйста. У меня не сохранились копии твоих отчетов, сделанных по итогам ревизии наших универмагов, и я не уверен, что Дженни и Рассел сделали правильные выводы.

– А сам ты не сумеешь приструнить их? Пап, проучи их сам, и хорошенько!

– Да, но… мы чувствовали бы себя гораздо увереннее, если бы ты высказала свое мнение. Наверное, ты обнаружишь в своей почте еще пару писем. И я буду признателен, если ты тщательно изучишь и их тоже. А вообще, милая, как там твои дела? Развлекаешься?

– Еще как! – восторженно соврала Кэйд. – Дивное знакомство с шикарными шоколадными кондитерскими. Здесь мы можем многому научиться.

– Да-да, – промямлил отец, относившийся к идее дочери очень сдержанно. – А разве сам город не великолепен? Мы с твоей мамой провели там наш первый медовый месяц. Эх, как сейчас помню…

Пока не умерла Джули, мама Кэйд, они с ее отцом, Маком Кори, каждую годовщину своей свадьбы устраивали себе «медовый месяц».

– Да, великолепен, – признала она.

– Париж ей всегда нравился. Ты помнишь, как однажды мы взяли тебя с собой? А Джули любила просто бродить по этому городу. Там она в первый раз ступила на мощеные улицы, да и таких на редкость красивых старых особняков ей раньше видеть не приходилось.

Кэйд улыбнулась, вспомнив искренность и непосредственность мамы. Вот уж кто всегда высказывался абсолютно откровенно!

– В общем, ангел мой, мы тут без тебя уже скучаем. Жду не дождусь твоего возвращения. Надеюсь, ты не останешься в Европе до конца света, как хотелось бы твоей сестре. Но пока ты там, постарайся наслаждаться каждым моментом жизни. Ладно?

– Конечно, – произнесла Кэйд, всхлипнув, – уж я постараюсь.

Тем более что такие моменты можно перечесть по пальцам. Ее младшая сестра Джейми, видимо, вознамерилась сбросить с себя иго семейных обязанностей ради спасения этого мира, поэтому Кэйд не могла позволить себе поступить так же. Вскоре ей суждено вернуться в Кори, штат Мэриленд.

Не прошло и двадцати минут, как Кэйд вновь встала с кровати, поправила прическу и макияж, чтобы соответствовать столице моды, и набросала план атаки на очередного шоколатье.

Кэйд с сомнением взглянула на высокие каблуки своих сапог: после утренней прогулки ноги побаливали. Но это же ее по-настоящему первый день в Париже, и пока она не имела права сдаваться и менять обувь на более удобную. Ведь парижанки ходят на каблуках целый день – значит, и она сможет.

Денек выдался прелестный!

Не считая того, что мучительно ныли уставшие ноги. И еще она вляпалась в собачье дерьмо. А какой-то прохожий внезапно нагло облапал ее. Другой прохожий умудрился обжечь ей руку сигаретой. Но, по крайней мере, он не ухмыльнулся, а мгновенно остановился, чтобы поддержать Кэйд, и извинился в искреннем порыве раскаяния. Она проводила его взглядом, размышляя, не было ли это предзнаменованием – ей даже захотелось догнать незнакомца и назначить свидание. В расстроенных чувствах Кэйд присела за столик в ближайшем кафе, пошевелила онемевшими в сапогах пальцами и заказала чашечку горячего шоколада. Напиток оказался темным и крепким, не таким, как традиционное какао с симпатичным зефирным снеговичком, какое делали ей в детстве в кафе родного городка. Рядом с чашкой на блюдечке лежал узкий пакетик сахара, но полагалось ли высыпать его в шоколад? Или если она так сделает, то снова будет выглядеть как тупая туристка? Может, официант и положил его, заподозрив, что Кэйд приезжая. Он мог в любой момент заговорить с ней по-английски. Все тут начинали говорить с ней по-английски. А ведь она усердно изучала французский и в школе, и в колледже, да еще оплачивала частные уроки французского, но французы предпочитали демонстрировать собственные знания и лопотать с ней на очень корявом английском.

Парочки, сидящие за соседними столиками, оживленно болтали, размахивая сигаретами над недопитыми чашками и бокалами. Может, книгоиздателям следовало бы продавать проклятые сигареты в комплекте с парижскими путеводителями, чтобы туристы имели шанс адаптироваться? Разве в Париже курение в кафе не противозаконно? Кэйд пристроила свое пальто и перчатки на соседний стул и, грея ладони на чашке шоколада, впитывала его тепло. Ноги заныли еще сильнее, когда на них уменьшилось давление.

Плечи Кэйд поникли под тяжестью жуткой усталости. Неужели именно так ощущается поражение? Ей еще не приходилось испытывать подобного чувства, и она не желала признавать, что оно подавляет ее сейчас. Смелее, девочка! Пора ставить новые цели, только и всего.

Она бродила целый день. Мимо великолепных фонтанов, бросая мимолетные взгляды на укромные дворики, на витрины магазинов, за которыми красовались произведения искусства. Здания, улицы, булыжные мостовые, испортившие ей каблуки, – все окружение выглядело так, так… по-парижски. Кэйд прогуливалась вдоль Сены, и холодной, и грязно-бурой, и…

великолепной. А над ней вздымалась громада собора Парижской Богоматери, и… и…

Кэйд должна была зайти к очередному шоколатье в ее списке. Раз так, она сумеет собраться с силами – ее дух будет крепнуть с каждым шагом – и войдет в очередную кондитерскую. И опять аромат и вид шоколада одурманят ее изысканной и сказочной исключительностью, и…

Она получила отказ очередного шоколатье. Симон Кассе бросил на нее быстрый проницательный взгляд синеватых глаз и посоветовал обратиться… к Сильвану Маркизу. Однако легкий изгиб его поджатых губ свидетельствовал о том, что он просто желает подстроить пакость Сильвану, не имея искреннего намерения помочь Кэйд в поисках. Следующий в списке, Филипп Лиони, буравил ее синими глазами, мгновенно потемневшими, как штормовое море, и буквально зарычал на нее. Львиным рыком разъяренного Аслана[27]. В ее ушах еще стоял звон, когда она покинула его магазин.

Иногда ей откровенно грубили, словно считали наивной дурочкой, не заслуживающей лучшего обхождения. Иногда окидывали озадаченным взглядом, похоже, размышляя, где американцы умудряются набраться таких диких идей. Порой Кэйд встречало дикое раздражение, будто парижанам изрядно надоели как сами американцы, так и их идиотское поведение. Один тип отверг ее предложение кокетливо, намекая, что она могла бы уговорить его, выбрав правильный подход. Кэйд отметила этого флиртующего шоколатье в списке возможных вариантов. Она почти не сомневалась, что шестидесятилетний ловелас обманывает ее, но надо же было отметить в этом списке хоть кого-то.

Кэйд не понимала, почему все ей отказывают. Разумеется, они дорожили своими секретами, индивидуальными творческими подходами к изготовлению своих шоколадных шедевров. Но именно наличие уникальных методик, проверенных годами и заслуживших признание, и привлекло ее сюда; именно в мир элитного шоколада она страстно мечтала попасть.

Почему никто не пожелал поделиться своим опытом и заключить с ней выгодную сделку? Все вели себя так, словно подобная сделка могла как-то разрушить их мир. Они напоминали упрямую старую аристократку, обосновавшуюся в унаследованной от прадедов усадьбе с любимым вишневым садом, которая отказывается иметь дело с властной строительной корпорацией, угрожавшей сровнять ее владения с землей. Но ведь Кэйд даже не мыслила ни о каком разрушении!

Наверное, она выбрала неверный подход. Видимо, следовало задействовать команду юристов, исполнителей и помощников, чтобы ошеломить парижских снобов. Мог ли иной подход принести желаемый результат? Перед мысленным взором Кэйд возник образ непреклонного, чувственного и надменного Сильвана Маркиза, и у нее возникло подозрение, что его реакция на юристов могла быть еще более взрывной и непредсказуемой.

В любом случае она не собиралась привлекать никого из кадровых помощников компании. Ей хотелось рискнуть, попытаться самостоятельно устроиться в Париже. Хотелось независимого и личного общения с людьми, хотелось продолжать… жить мечтой. Новый рецепт шоколада – вот единственный способ воплощения ее снов в реальность, только добыв его, Кэйд оживила бы крону фамильного древа, взращенного поколениями.

Субботний день клонился к вечеру, а Кэйд так и не приблизилась к цели. Она не заказала столик в роскошном парижском ресторане, где могла бы оживленно обсуждать планы с каким-нибудь пылким шоколатье и потом, прислушавшись к его советам, попробовать лучшие блюда из списка в меню, завершив ужин изысканным шоколадным десертом. Увы, ей предстоял очередной одинокий вечер. Она не могла припомнить, когда в последнее время проводила целых два дня и два вечера в одиночестве. Всегда сама решала, пойти ли в клуб с друзьями или провести вечер в одиночестве. Одиночество приносило облегчение от суетных, заполненных общением с людьми дней. Но сегодня не Кэйд выбрала такой удел и потому не испытывала радости, лишь горечь поражения. Стоило закрыть глаза, как она видела закрывающиеся двери, за которыми утопал во мраке некогда светлый мир ее сказочно счастливого будущего.

Вернувшись в свою квартирку, Кэйд открыла дверцу холодильника, наполненного коричневыми, бежевыми и бирюзовыми коробками, все с именами и логотипами лучших городских шоколатье. Нет, сегодня вечером она не собиралась торчать дома, поедая сладости.

Кэйд еще колебалась, поглядывая на свой фирменный смартфон «Блэкберри», но потом решительно отвергла его услуги. Она не станет звонить никому из знакомых, которые были бы рады вывести ее в свет ради расширения круга своих деловых знакомств и новых перспектив. Это ее приключение! Ее шанс! А не какой-то там очередной день, хоть и проведенный в заграничном городе.

Нет, она будет ужинать одна. А затем отправится к Эйфелевой башне и увидит тот сверкающий каскад огней, о

котором родители только и твердили. Потом спустится к Сене и сядет на последний из знаменитых речных трамвайчиков, курсирующих по реке, обеспечивая туристам еще более впечатляющий ракурс на романтический город. Выйдя на дальней остановке, прогуляется по ночным набережным, понаблюдает за танцорами и барабанщиками, о которых прочла в путеводителе.

Несмотря на протесты разбитых ног, Кэйд, прихрамывая, намеренно шла окольными путями, чтобы избежать очередной случайной встречи с Сильваном Маркизом. Специально не захватила с собой ни «Блэкберри», ни ноутбук и вышла в город даже без путеводителя. Она в Париже. И сумеет сама найти приличный ресторан.

Кэйд вдруг заметила, что очутилась на пешеходной, вымощенной булыжником улице, заполненной неторопливо прогуливающимися людьми, останавливающимися перед стойками с меню, имеющимися у каждого бара и ресторана. Радостными людьми, довольными своей городской жизнью. Некоторые из них даже не смотрели на специальные предложения, написанные мелом на темных досках, установленных на тротуарах, а просто заходили в свои любимые ресторанчики, как к себе домой.

Кэйд остановилась перед рестораном с зеленым фасадом и полом, выложенным старыми гладкими огненно-красными плитками. В маленьком нижнем зале сгрудилось пять столиков, а в бельэтаж вела черная железная лестница. Стройный официант в черных брюках и футболке покачал головой, когда она спросила насчет бельэтажа; очевидно, тот зал открывался позднее.

Он не выказал также особого волнения по поводу того, что она пришла ужинать одна. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Может быть, она просто не заметила? Официант достаточно любезно проводил ее к столику на двоих возле окна, откуда Кэйд могла наблюдать за тем, что происходит на улице.

Как неловко! Ей редко приходилось ужинать одной в общественном месте. Во время командировок она обычно питалась в окружении деловых людей. Сидеть в ресторане за тысячи миль от дома, словно ты сиротка, – испытание не для слабонервных. Но она справится. Даже в Париже. Даже когда сосет под ложечкой, а нос покраснел от смущения. Она ослепительно улыбнулась гарсону, пожавшему плечами в ответ, и углубилась в чтение меню.

В зал вошла парочка клиентов, недавно разменявших шестой десяток, и села за соседний столик, переговариваясь по-английски. Великолепно! Пытаясь обрести свой Париж, Кэйд

снова угодила в туристскую забегаловку. Сбежать в свою конурку, трусливо поджав хвост? Ну уж нет.

Надо подкрепиться основательно, а не ограничиться быстрым перекусом. Кэйд заказала полный комплексный обед из трех блюд. Она приехала сюда наслаждаться Парижем. И всеми тремя парижскими блюдами.

В ожидании вина Кэйд поигрывала столовыми приборами, уже жалея, что не захватила свой «Блэкберри». Затем решительно вытащила дневничок в кожаной обложке, купленный специально для заметок о парижском путешествии. Вошла очередная парочка во главе с высоким брюнетом. Сердце Кэйд замерло еще до того, как она подняла голову, чтобы получше его разглядеть. Официант дружески похлопал Сильвана Маркиза по плечу, приветствуя, а тот в сопровождении улыбающейся субтильной блондинки с идеально уложенной прической ответил ему рукопожатием.

Закрыв глаза, Кэйд попыталась смириться со слепой судьбой.

Почему такое случилось именно с ней? Как отвратительно, что ему взбрело в голову провести свое свидание в том же самом ресторанчике, где ей предстояло «наслаждаться» своим одиноким ужином. Он отвернулся от официанта и застыл. Широко открыв глаза, Кэйд вызывающе посмотрела на него.

– Уж не шпионите ли вы за мной? – скептически поинтересовался Сильван Маркиз.

– Зачем бессмысленно тратить средства компании? – холодно отозвалась она.

Нет, что это он, собственно, возомнил о себе? Тоже мне нашелся… светило кулинарии, один из лучших шоколатье в мире! И как он может так развязно болтать с совладелицей крупнейшей компании – производителя шоколада на планете? Ее телохранители, юристы или помощники сочли бы поведение Кэйд странным, если бы она в данном случае не стала шпионить за ним.

– Шпионит? – улыбнулась миниатюрная блондинка.

Сильван Маркиз пренебрежительно взмахнул рукой:

– Ce n’est pas important[28].

Кэйд вспыхнула.

– Желаете в бельэтаж? – обратился к нему гарсон.

Очевидно, правило, предполагавшее изначальное заполнение нижнего зала, распространялось лишь на людей с американским акцентом.

– Нет, – сказал Сильван, не обращая внимания на разочарованный взгляд блондиночки. – Мы отлично посидим здесь, внизу.

В нижнем зале стояло всего пять столиков, и два из них были

уже заняты. Официант усадил Сильвана с его подружкой через два столика от Кэйд. Мечтая съежиться до размера старого сушеного гриба, способного затеряться среди мусора на полу, Кэйд вдавливала острие своего серебряного пера в страничку дневника до тех пор, пока оно не прорвало бумагу.

«По крайней мере, – с горечью подумала она, – теперь я узнала, что выбрала приличный ресторан». Кэйд могла поспорить, что Сильван Маркиз вкушает только бесподобные, изысканного вкуса блюда. Вероятно, такой же бесподобной он считал и блондиночку. Перо испачкало чернилами и прорвало второй лист.

Когда несносный шоколатье проходил мимо к столику, до Кэйд донеслись легкие ароматы какао и корицы, цитруса и ванили. Естественно! Ведь к концу дня он весь пропитан экзотическими запахами. Наверное, ему не удается полностью избавиться от них даже после мытья или стирки одежды.

Закрыв глаза, она представила, как вода струится по его телу, начисто смывая шоколад и сахарную пудру. Ощущать запах шоколада – это такое наслаждение! Шоколадный дух каким-то удивительным образом поддержал ее силы, вернув в комфортную сферу. Что толку? Какая глупость бредить обнаженным телом какого-то выскочки? Разве может быть уютно там, куда вторгся высокомерный Маркиз?

Склонив голову, она отчаянно старалась придумать, что бы ей записать в дневник, изображая деловитость и игнорируя присутствие Сильвана. Как объяснить, почему она одна? Кэйд вдруг заметила, что уже многократно выписала на листке ежедневника слово «Париж», просто чтобы двигалось перо. Потом перо стало выводить ее собственное имя. Записало название ресторана. «Силь…» – перо начало своевольничать, и она захлопнула кожаную обложку. Похлопала по ежедневнику рукой, соображая, что с ней происходит. И наконец вновь открыла его. С крайней осторожностью Кэйд держала обложку так, чтобы он не заметил, какие слова записаны на листе.

– Что вы пишете? – спросил Сильван Маркиз, сидя за столиком в трех футах от нее. – Воспоминания о Париже? Шанталь, я тебя еще не представил? Познакомься с Кэйд Кори. Она знает все о шоколадном бизнесе, – добавил он тоном величайшей любезности, словно пояснял это смотрителю лаборатории микробиологии.

– Кори, – произнесла Шанталь, – так это вы производите те…? – Она, очевидно, осознала, что ее губы презрительно искривились, и сразу расплылась в милой улыбке. – Прелестно. А во Францию вы приехали пополнять свои знания о шоколаде?

Кэйд подумала, какими могли бы быть последствия, если бы она сейчас размахнулась и сильным ударом свалила их обоих с ног. Конечно, это будет не первый раз, когда американцев в Париже провоцировала на насилие особая «французская вежливость» – как называл этот вид издевательства ее дедушка. Да, она приехала во Францию пополнить свои знания о шоколаде, однако невинная улыбочка француженки сопровождалась далеко не невинным тоном вопроса.

И вообще, кто такая эта Шанталь? Кэйд заметила, что его Маркизово Величество не сочло нужным сразу представить свою спутницу. Она стала настолько важной частью его личной жизни, что предполагается ее известность широкому кругу заинтересованных лиц?

Никогда больше Кэйд не выйдет из дома без своего «Блэкберри». По крайней мере со смартфоном она могла бы изобразить деловую активность и выглядеть… еще более жалкой. Будто, даже сидя в центре Парижа, она не в состоянии найти для себя никаких иных ценностей, кроме славной работы в компании «Шоколад Кори».

Как раз той работы, принцип которой Кэйд так хотелось изменить.

– Разве у вас нет знакомых в Париже? – спросил Сильван.

Она пристально взглянула на него. Не разыгралось ли у нее воображение, или в его голосе действительно появилась нотка заботы? Уж не собирается ли он включить ее в свою компанию помощи жертвам общественного презрения?

Ответ на этот вопрос и Шанталь был интересен.

– Разумеется, знакомые у меня есть, – ответила Кэйд.

В общем, несколько человек захотели бы познакомиться с ней. Из отцовского списка.

На лице Сильвана отразилось недоверие. Кэйд уже решила встать и уйти, сделав вид, будто заглянула сюда просто выпить бокал вина, когда возле ее столика появился официант с тарелкой равиоли, плавающих в сливочном соусе с базиликом и кедровыми орешками. От блюда исходил райский аромат, и выглядело оно, как внушительный замок на двери ресторана, приговоривший ее на вечер к мучительному соседству. Ей следовало остаться дома, лелеять свою печаль. Или пообедать в ресторане Эйфелевой башни.

Перед ее мысленным взором предстала яркая картина совместного ужина с Сильваном Маркизом в ресторане Эйфелевой башни, и она даже сумела разглядеть городские огни, темное звездное небо, блеск его темных волос и руку, предлагающую ей попробовать нечто бесподобное.

Передернувшись, Кэйд выбросила видение из головы.

Не лучше ли воспользоваться случайно полученной информацией о местонахождении Сильвана и его отсутствием, пробраться в его мастерскую и выяснить все его секреты? Хорошая идея! Дед гордился бы внучкой. Кэйд внутренне улыбнулась: его гордость будет, пожалуй, настолько взрывоопасной, что весть о ее тайной затее упадет прямо в уши его сына, отца Кэйд. А отец был сторонником смехотворной позиции о корпоративном шпионаже. Он полагал, что им надо быть очень осмотрительными, не привлекать к шпионской деятельности людей, которых могли хоть как-то связать с семейством Кори.

– Тогда почему же вы обедаете в одиночестве? – снова поинтересовался Сильван.

Кэйд обожгла его взглядом. Какая бестактность! Так жестоко и больно сорвать ее с небес! Мысленно она уже купила его секреты за миллионы долларов, но шлепнулась на грешную землю и оказалась объектом жалости и снисходительной опеки. Разумеется, он больше озабочен тем, чтобы в очередной раз покрасоваться и унизить ее.

– Потому что мне не слишком нравится общение с людьми. Знаете, как у Омара Хайяма: «Уж лучше быть одной…» – парировала Кэйд.

Пора бы ему заткнуться и обратить внимание на свою куколку. Хотя в глубине души Кэйд было любопытно, каким бывает свидание с человеком, способным создать такой удивительный вкус шоколадных конфет и чьи глаза так таинственно темнеют, когда смотрят в твои…

– Vraiment?[29] – заинтригованно отозвался Сильван. – Как вы дошли до такой жизни? Может, вы просто переводите ценность общения на доллары или евро?

Всеми фибрами души желая бросить на столик кредитку и подозвать официанта, Кэйд начала судорожно копаться в сумочке. Хватит, будем считать, что Сильван победил, ему удалось выжить ее из этого ресторана. С такой же легкостью он выдворил Кэйд из шоколадной лаборатории. Благодаря всего паре презрительных слов и чертовски высокомерному взгляду. Она замерла, отложила сумку, медленно втянула воздух носом и, сосредоточившись на равиоли в сливочном соусе с бледно-зеленым отливом, вонзила вилку в изящный пельмешек.

– Bon appétit[30], – любезно сказала Шанталь.

Если говорить начистоту, то Кэйд уже возненавидела не только его, но и его подружку. Фальшивая любезность смазливой парижской блондинки, сидевшей за одним столиком с

превосходным шоколадным чародеем, маскирует ее безграничную злобу.

Но стоило Кэйд уткнуться в тарелку, как раздражение отступило. Вкус равиоли расцвел у нее на языке: идеальное сочетание базилика, соли, топленого масла, кедровых орешков и сливок, превосходный пельмешек с какой-то не вполне понятной начинкой. О, дивный мир! Все вкусы слились воедино в одном изысканном блюде ценностью в тысячу калорий. А, да ладно! Кто об этом сейчас думает?

Она вдруг осознала, что сидит с закрытыми глазами, смакуя вкусный пельмень, а когда открыла их, то увидела, что Сильван Маркиз с улыбкой наблюдает за ней. Словно он знал, что Кэйд ощущает в момент первой пробы этого блюда, и наслаждался вместе с ней. Наслаждался тем вкусом, который чувствовала она.

Кэйд невольно вспыхнула, охваченная возбуждением, ее бросило в жар. Даже из гордости она не смогла воспрепятствовать проявлению своего волнения. Щеки предательски пылали.

Улыбка медленно растаяла на губах Сильвана Маркиза, не сводящего с нее глаз. К их столику подошел официант и что-то обсудил с Шанталь, но Сильван, похоже, даже не слышал его.

– Сильван? – обратилась к спутнику Шанталь. Его имя, произнесенное ее изящными французскими губками, звучало великолепно. Идеально правильное произношение окончания напоминало легкий елейный стон.

Он не ответил. Шанталь перевела взгляд с него на Кэйд, и в нем отразились далеко не радостные чувства. Кэйд отвернулась и уставилась в окно.

– Сильван, – повторила Шанталь.

– Что? – рассеянно отозвался тот.

– Tu as choisi, mon cher?[31]

– Pardon. Oui. Les ravioles[32], – сказал он официанту.

Жар возбуждения опять охватил Кэйд.

«Душераздирающая и смехотворная ситуация», – мысленно отметила она. Удастся ли ей натурально изобразить спазм желудка, чтобы сохранить достоинство и покинуть ресторан?

Нет, изображая мучительную боль, она будет выглядеть отвратительно. Может, лучше сердечный приступ? Или выдать аллергическую реакцию на базилик? Тогда можно объяснить эффект покрасневшей физиономии. Или лучше сделать вид, будто ей попала в глаз соринка, и удалиться в дамскую комнату, а там вылезти в окно, чтобы больше не возвращаться за столик. Окинув взглядом ресторанчик, Кэйд поискала табличку, но не заметила в нижнем зале ничего подобного. Значит, удобства либо в подвале, либо на бельэтаже. Она не сомневалась, что сумеет

незаметно вылезти в узкий оконный проем, но все-таки прикинула, много ли туалетной бумаги понадобится для скручивания крепкой веревки.

План побега из окна туалета с помощью веревки из туалетной бумаги выглядел для нее менее унизительным, чем обычная оплата ужина и выход на улицу через дверь.

– Вы не хотите доесть это блюдо? – поинтересовался Сильван.

Господи, почему этот приставала не может пять минут посидеть спокойно, сосредоточив внимание на своей спутнице? Лучше бы отвернулся вообще. И оставил Кэйд в покое.

– Я не голодна, – сухо ответила она.

Изрядно проголодавшись за день, она с воодушевлением заказала комплексный обед, но сейчас так разнервничалась, что не могла заставить себя проглотить ни куска.

Губы Сильвана вытянулись в изящную французскую трубочку, выразив беззвучное удивление. Посмотрев на ее тарелку, он перевел взгляд на рот Кэйд. Его бровь вопросительно приподнялась.

Неужели он полагает, что именно так может проникнуть в ее тайные мысли? И какие же молчаливые вопросы таились в его глазах, в глубине которых загорались и гасли теплые лучики?

– Сегодня я съела слишком много шоколада, – быстро пояснила Кэйд.

На лице Сильвана отразилось самодовольство.

– Я ведь заходила к Доминику Ришару, – снисходительно добавила она.

Удар попал в цель, рот Шанталь изумленно открылся, и она изящно прикрыла его пальчиками с идеально накрашенными ноготками. Кэйд тоже тщательно ухаживала за руками, но вряд ли сумела бы прикрыть рот столь эротично. Может, француженки практикуют пластику перед зеркалом? А вот Сильван поджал губы, и любому стало бы ясно, что Кэйд добилась своего.

– Ну и что? Он продался? – с негодованием спросил он.

Пока ее мысли метались между ложью или признанием в неудаче, Кэйд вдруг вспомнила, что является совладелицей разветвленной международной сети корпораций.

– Я не имею права обсуждать переговоры о заключении контрактов с третьими лицами, – заявила она с мягкой невозмутимостью, с какой множество раз выступала на деловых совещаниях.

Этот ответ ему явно не понравился. Он резко развернулся к своей спутнице, хотя едва сдерживал возмущение.

– О, неужели вы пытались купить Сильвана? – игриво промолвила Шанталь, очевидно, стараясь снизить напряжение,

чтобы вновь завладеть его вниманием и вернуть вечеру приятную легкость. – И сколько же ты стоишь, chéri?[33]

Сильван пронзил Шанталь молниеносным взглядом.

– *Я* не продаюсь.

– Сомнительное заявление, – мило заметила Кэйд, придав своему голосу тонкий оттенок высокомерной язвительности. «Что было чертовски трудно сделать, говоря на чужом языке», – думала она позже, пытаясь утешиться. – Вчера я заплатила почти тысячу долларов, чтобы попробовать вас на вкус.

Брови Шанталь полезли на лоб. Но даже изумлялась она красиво. А губы Сильвана опять вытянулись в красивую французскую трубочку. Потом он усмехнулся.

«Что за двусмысленную чушь я сморозила?» – Кэйд отчаянно захотелось, чтобы земля расступилась и поглотила ее. Минута понадобилась Сильвану, чтобы его усмешка преобразовалась в нечто более цивилизованное, в блестяще и великолепно выраженное самодовольное злорадство.

– Да, пожалуй, вам удалось.

А Кэйд не могла даже заставить себя выдавить, что имела в виду «вкус его шоколадных конфет», сознавая, что оговорка была почти по Фрейду. Ведь они оба понимали, что, когда она наслаждалась его шоколадными конфетами, в них присутствовало нечто от него самого.

Ей оставалось лишь попытаться изобразить презрение, сожалея, что она не отработала его перед зеркалом, когда практиковалась в произношении французского «u». Знания языка явно недостаточно для того, чтобы нормально жить во Франции.

– А вы не думаете, что он несколько дороговат? Хотя полагаю, что вы всегда можете одурачить клиентов, продавая им свою продукцию, если считаете, что цель оправдывает средства.

На его скулах заходили желваки. Ситуация стала взрывоопасной.

– Сильван признан самым лучшим шоколатье Парижа! Это не обсуждается, – заметила Шанталь.

– Неужели? – воскликнула Кэйд. – Так, значит, вы ни разу в жизни не пробовали продукцию Доминика Ришара?

Вспыхнувший яростью взгляд Сильвана мог бы воспламенить лед. Ее уже не могло потрясти исходящее от него волшебное очарование, прямо сейчас этот чародей, похоже, готов был скормить дерзкую нахалку демонам.

– Нет, – преданно заявила Шанталь.

Кэйд пожала плечами и, разведя руками, молча выразила свое мнение.

А Сильван выглядел так, будто считал, что отдать ее в лапы

демонам будет недостаточной карой – ему хотелось убить Кэйд собственными руками.

– Искусство Сильвана удовлетворяет меня во всех отношениях, – прощебетала Шанталь, встретившись с ним взглядом и подмигнув ему.

Проклятие! Это замечание обрушилось на Кэйд как ледяной душ. Ужасный тошнотворный вечер! Она опять попыталась сосредоточиться на прославленном блюде «Raviole du Royan à la crème au basilic» и проткнула вилкой второй пельмень. Несколько минут тишины, и Кэйд, покосившись на дальний столик, обнаружила, что Сильван опять наблюдает за ней. Его взгляд затуманился, а ярости заметно поубавилось.

Кэйд вдруг осенило, что с момента их знакомства она постоянно краснеет, и, вероятно, Сильван уже предположил, что таков натуральный цвет ее кожи.

Гарсон принес для них очередные равиоли с базиликово-сливочным соусом, Сильван вновь уделил внимание Шанталь, обменявшись с ней какими-то любезностями, небрежно пожелав приятного аппетита. Но когда он положил в рот равиоли, его глаза тоже прикрылись от удовольствия, словно для него эта радость встречи с изумительным вкусом была более знакома и ожидаема, чем для Кэйд. Открыв глаза, он посмотрел ей в лицо.

Успокоившая свои бунтовавшие нервы и отправившая в рот второй пельмешек, Кэйд замерла, едва коснувшись вилкой губ, и снова зарделась. Вкус на ее языке заиграл новыми красками, когда их взгляды встретились. Неужели на щеках Сильвана тоже проявился румянец?

Шанталь вздохнула, словно покорившись на мгновение, но потом тряхнула головой с таким дерзким и соблазнительным видом, будто воскликнула: tant pis pour toi![34] – что концы ее прекрасно уложенных волос взметнулись и, блеснув, отразили свет люстры. Подавшись вперед, она накрыла изящной ладонью мужественную руку Сильвана, одну из тех красивых мужских рук, которая умела искусно управляться… со многими делами. И потянула ее на себя, чуть-чуть.

Он опять взглянул на свою спутницу, и она удерживала его взгляд, глядя на него с легкой вопросительной улыбкой. В результате Сильван покраснел и решительно поменял позу, отвернувшись от Кэйд.

Кэйд тоже развернулась к окну и попыталась продолжить обед. Отправляя в рот столь калорийное блюдо, она предпочла бы, чтобы эти равиоли не напоминали ей сейчас по вкусу опилки. Вдобавок, глотая их, Кэйд ощущала беззащитную уязвимость своей шеи, будто все в ресторане только и смотрят, как неуклюже

она глотает. Разумеется, ее волновали далеко не все. Только один посетитель. И его утонченная спутница, которая глотала так соблазнительно, словно предвкушала сексуальные игры.

К счастью, новая пара клиентов заняла столик между ней и Маркизом. Кэйд могла рассчитывать на его воспитание: он больше не станет надоедать ей, вынуждая Шанталь дергать его за руку.

Появление между ними «живого щита» означало, что теперь, отводя взгляд от окна, она не будет неизбежно упираться в радостные физиономии Сильвана и Шанталь. Следующий час вполне мог стать самым длинным в жизни Кэйд, растянутым до бесконечности желанием сделать все, что угодно, но только не ужинать одной в Париже поблизости от этой раздражающей ее пары.

Гарсон, давно принесший ей второе блюдо – утку с абрикосово-медовой подливкой, заметил, что оно почти не тронуто, и с видом глубокой озабоченности забрал его со стола.

– Никакого десерта? Mais, madame, vous avez le prix fix[35].

– Пустяки, – ответила Кэйд, – Я его оплачу. Не проблема.

Официант оскорбился, когда она упомянула о деньгах. Казалось, они говорят не просто на разных языках – они с разных планет. Кэйд просто не понимала, почему его до глубины души задел тот факт, что она отказалась от десерта.

– Я сыта.

– Может, вам нужен э-э – как это по-английски – «полиэтилен… пакет для собаки»? – с улыбкой поинтересовался из-за своего столика Сильван, воспользовавшись возможностью предложить ей блюда на вынос, что сам считал отвратительной мелочностью.

– Лично я полагаю, что «собачий пакетик» должен входить в здешние услуги, – заявила Шанталь, наклонив голову набок и вновь проявляя радушие и любезность, хотя на самом деле уже хваталась за любую соломинку, чтобы вернуть внимание спутника и спасти погибающее свидание. – В меня тоже никогда не влезает целый обед, а десерт обычно выглядит на редкость соблазнительно.

Официант ответил на заявление Шанталь возмущенным взглядом, не сделав попытки предложить какие-либо пакеты.

– Все отлично, – деловито произнесла Кэйд, вновь переходя на невозмутимый, вежливый тон, которым обычно говорила, встречаясь с руководителями компании «Марс» после особенно удачной их сделки. – Mais merci[36].

Таким тоном она показывала, что считает их сделку средненькой; и тем самым порождала в них сомнение.

Улыбнувшись, Кэйд поманила к себе официанта. Его брови удивленно поднялись, но он слегка склонился к ней.

Когда официант выпрямился, его лицо выражало откровенное разочарование.

– Vous êtes cruelle, madame[37]. Когда обедающая в одиночестве красотка желает что-то нашептать мне на ушко по секрету, то нельзя винить меня в том, что я теряю голову.

Сильван нахмурился, сверля взглядом его спину. Кэйд залилась смехом, вполне довольная одним из своих первых столкновений с легкомысленным шармом парижан.

– Что ж… Возможно, месье, однажды я загляну к вам на десерт.

Официант улыбнулся, подмигнул ей и склонил голову.

Сильван с мрачным видом повернулся к Шанталь. Кэйд подписала оплаченный чек, присовокупив к нему по-американски щедрые чаевые. Вероятно, это был глупый каприз. Но, представляя, как он уязвит нежные отношения этой пары, Кэйд надеялась, что, когда выяснится, что она оплатила и их ужин, Маркиз почувствует ту же злость и унижение, какие испытала она.

Кэйд надеялась, что это расстроит его на целый вечер и он опять стиснет зубы. Хотя Шанталь, похоже, сумеет искусно развеять любой мрак. Ну и черт с ними.

Глава 6

– Ты опять за свое, – сказала Шанталь, едва за Кэйд закрылась дверь.

Сильван задумчиво провожал Кэйд взглядом, не в силах оторвать взгляд от ее стройной фигурки с гордо поднятой головой, стремительно удалявшейся по улице. Каблучки так звонко цокали по булыжной мостовой, будто она шагала по ровному асфальту, превосходно сшитое черное пальто защищало ее точно доспехи, закрывая даже верх сапог. Осенью и зимой он всегда с грустью сознавал, что дамские пальто напоминают рождественскую оберточную бумагу. Ему захотелось отвести Кэйд Кори в теплое местечко и, сняв с нее это пальто, посмотреть, что Санта-Клаус спрятал для него под праздничной упаковкой. Впрочем, Санта-Клаус имел досадную привычку дарить ему лишь потухшие угли.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он, раздраженный уже тем, что догадался, о чем говорит Шанталь.

Ему не хотелось признавать, что его расстроило, как быстро Кэйд Кори сорвалась и выбежала из кафе. Какая-то она странная! Неужели ей неизвестно, как надо ужинать в ресторане? Официант даже не принес им с Шанталь основное блюдо, а предстоящий вечер показался ему унылым и скучным. Другая мысль промелькнула в его голове: неужели это он смутил и расстроил девушку? С легкой улыбкой Сильван погладил полированное дерево стола.

– Твое увлечение богатой чаровницей, которая собирается использовать тебя в корыстных целях, – укоризненно произнесла Шанталь.

– Вот еще, глупости! Ничего подобного, – возразил он, глубоко уязвленный.

Да, в средней школе он действительно вел себя глупо – и, ладно уж, позволял дурачить себя лет до двадцати пяти – и о том,

разумеется, ему никогда не позволят забыть старые друзья и подружки.

Шанталь склонила голову в своем фирменном королевском наклоне – таком трогательном и очаровательном, способном растопить даже ледяное сердце. Она начала осваивать этот прием еще в школьные годы и до того напрактиковалась, что он стал выглядеть естественно.

Сильван вновь подумал о Кэйд Кори с ее странным поведением: то прямолинейным и нахальным, то внезапно уязвимым, со вспышками смущения. Вряд ли у нее есть какие-то заученные жесты. Слишком уж дерзок ее язычок. И даже краснея, она смотрит на него вызывающе. А краснела она… часто. Его губы вновь изогнулись, и он задумчиво повертел в пальцах тонкую ножку фужера. Чувствуя вину, Сильван осознал, что ему хочется покинуть сейчас одну из его ближайших подруг, чтобы спокойно поразмыслить над тем, почему так сильно смущалась Кэйд Кори и как найти предлог, чтобы смутить ее еще больше.

– Тогда чем же именно ты сейчас занимаешься? – сухо осведомилась Шанталь.

– Пытаюсь пообедать с давней подругой. Мы что, так и будем обсуждать Кэйд Кори? Достаточно уже того, что она словно тень следует за мной по пятам.

Ему чертовски польстило, что она преследует его. Ее дерзость выдавала особу, которая знает истинную цену вещей и добивается того, чего хочет. Это так эротично! К сожалению, ей захотелось поместить его имя на шоколад массового производства. Сильван продолжал обдумывать ее предложение. Не удастся ли ему слегка подкорректировать намерения Кэйд, убедив ее в том, что для начала хорошо бы познакомиться поближе с творцом шоколадных шедевров, а потом уже обсуждать их покупку. Он отлично освоил искусство соблазнения женщин.

– Bon[38], – кивнула Шанталь. – Не станем больше говорить о ней.

– Да. Давай не будем портить приятный вечер. – Сильван пристукнул пару раз костяшками пальцев по столу и вдруг выпалил: – А ты знаешь, что она сделала? Едва ее самолет из Америки приземлился у нас, как она заявилась в мою кондитерскую и попыталась купить меня. Купить мое имя, фирменный бренд Сильвана Маркиза, чтобы украсить им этикетки «Шоколада Кори». Представляешь?

Рот Шанталь невольно открылся.

– C’est vrai?[39] Но, Сильван, ты сколотил бы целое состояние!

Его рука резко взметнулась, словно он хотел одним этим махом срубить с плеч голову Кэйд Кори.

– Продать имя «Сильван Маркиз»? И увидеть его на дешевых «Плитках Кори»?

– Верно, – согласилась она. – Вероятно, это было бы унизительно, зато ты смог бы заслуженно отдохнуть на Таити.

Сильван пристально взглянул на нее. Они с Шанталь подружились еще в средней школе. То есть тогда он сильно увлекся ею, и она пользовалась этим, а в результате их отношения переросли в настоящую крепкую дружбу. Ему никогда не приходило в голову, что Шанталь не понимает его.

– На Таити нельзя сделать хороший шоколад. Слишком жарко и влажно, да и вообще, кто захочет попробовать шоколад, сделанный на Таити?

Сильван стал лучшим шоколатье Парижа не случайно. И считал бы грустным и прискорбным, если бы его признавали лучшим исключительно таитянские дикари.

– Ладно, ладно. – Шанталь сделала примирительный жест рукой. – Прости, что упомянула о таких преимуществах. Разумеется, ты не можешь позволить ей купить тебя.

– Благодарю за понимание, – отозвался Сильван, немного успокоившись.

Что ни говори, а годы делают свое дело: пятнадцать лет дружбы в итоге приводят к взаимопониманию.

– Только не позволяй ей окрутить себя, – выразительно прибавила Шанталь.

Он скрипнул зубами.

– Не собираюсь. Разве мы не решили, что не будем говорить о ней?

– Ну, ты сам не можешь остановиться, – ледяным тоном парировала Шанталь.

Сильван покраснел. И остаток вечера ему удалось не упоминать больше имени Кэйд Кори, до того момента, пока он не собрался заплатить по счету.

– Что она сделала? – грозно спросил он у Грегори, их официанта.

– Оплатила ваши заказы, – с удовольствием произнес тот.

– И ты позволил ей?

Грегори пришел в замешательство.

– А что плохого в том, что она заплатила за ваш ужин?

– Все. – Сильван резко встал, громыхнув стулом.

Официант пожал плечами.

– А я подумал, что это пикантная шутка. И сама она показалась мне весьма пикантной дамочкой.

Он коснулся своего уха, словно опять вспомнил, как дыхание Кэйд щекотало его, когда она шептала ему.

– Son petit accent…[40]

Проглотив бранное слово, Сильван издал лишь невнятное ворчание. Он имел особые привилегии в этом отменном ресторане, расположенном неподалеку от его квартиры. Меньше всего ему хотелось поссориться с официантом и быть отлученным от этого заведения из-за какой-то избалованной миллиардерши.

Она хотела купить его. Но легким росчерком пера просто купила его ужин. Словно бросила чаевые чистильщику обуви. Сильван с такой силой сжал зубы, что у него свело скулы.

– Не забудь напомнить мне, чтобы я никогда больше не угощала тебя ужином, – пробормотала Шанталь, пораженная его реакцией.

– Ты – совсем другое дело, – процедил он сквозь зубы.

Она отвела взгляд.

– Вот этого-то я и боялась.

Рассвет словно не решался разогнать тусклые сумерки парижских улиц. Поэтичные и настороженные, они еще цеплялись за ночь, несмотря на то, что утро неумолимо вытаскивало их из-под мягкого одеяла тумана. Вот кто-то помедлил в дверном проеме и, опустив голову, устремился вперед, навстречу новому холодному дню, нацелившись на теплый свет пекарни, разливавшийся из-под ее багрянистого тента.

Улицы продолжали подремывать, а люди натягивали теплые вещи, или еще согревались под душем, или уже заваривали кофе. Все свидетельствовало о наступлении очередного напряженного парижского дня. Что он сулит? Стоя возле окна и глядя на бледную серость рассвета, Кэйд боролась с желанием проверить свою электронную почту и – под предлогом своих обязанностей – улететь домой. Она поплотнее запахнула халатик, выискивая за окнами на противоположной стороне улицы признаки жизни. Во всех домах уже начали зажигаться огни, но спорадически, не таким одновременным и дружным порывом, как вчерашним утром. Сегодня же воскресенье, вспомнила она. Значит, шоколадные кондитерские будут закрыты. Значит, сегодня у нее нет ни малейшего шанса осуществить свою мечту, но также ни единой возможности потерпеть очередные неудачи на этом пути.

Кэйд отвернулась от окна. У нее возникло ощущение, будто, проснувшись, она обнаружила, что Санта-Клаус заглянул сюда на месяц раньше, повсюду разбросав для нее чудесные подарки: можно пойти в Лувр, пробежаться по каменной набережной канала Сен-Мартен, перекусить в пекарне «Пуалан», заглянуть в частный дом «Братья Марияж». Просто побродить по Парижу. Никаких покупок, связанных с деловыми обязательствами.

Никакого риска – только сияющая мечта!

Кэйд промчалась мимо грозящей клаустрофобией кабинки лифта и сбежала по лестнице, охваченная внезапным радостным порывом. По мостовой возле ее дома на скорости, слишком быстрой для такой короткой и узкой улочки, проскочил автомобильчик размером с обувную коробку. В воскресное утро могло случиться все что угодно, но рулевое колесо автомобиля всегда действовало на парижских водителей так же возбуждающе, как кофе. Погруженный в собственный мир долговязый юнец, согнувшись в три погибели, с серьезным видом затягивал на ногах шнурки роликовых коньков. Мужчина постарше, возможно, уже отягощенный семейными заботами, вышел из пекарни, обхватив одной рукой белый бумажный пакет, а на пальце другой руки болталась аккуратно завязанная на бантик белая коробка. Он спешил к перекрестку, встречая утреннюю умиротворенность Парижа и воскресное утро легкой рассеянной улыбкой. Кэйд представила ожидавшую его семью и детей, перед которыми он с удовольствием выкладывает богатый ассортимент утренней воскресной выпечки.

А возле кондитерской Сильвана Маркиза топталась группа из шести женщин и одного мужчины. Одни оживленно переговаривались, другие вели себя как малознакомые люди. Особняком держались три изящные японки. Две другие дамы, очевидно, прибыли из Америки.

– Не думаю, что он сегодня откроется, – сообщила им Кэйд.

Во всем мире не нашлось бы человека, который меньше, чем Сильван Маркиз, нуждался в поклонницах, целыми днями толпившихся перед его заведением.

– О, мы приехали сюда ради мастер-класса, – гордо заявила американка лет шестидесяти.

В пурпурном брючном костюме, под густым слоем косметики она выглядела румяной и довольной собой.

– Ради мастер-класса? – «Неужели Сильван Маркиз делится секретами своего искусства? Вы шутите?» – подумала Кейд.

– Мы хотим научиться изготавливать шоколадные конфеты по рецепту Сильвана Маркиза, – воодушевленно пояснила женщина.

– Вот как! – Кэйд немного помедлила. – Можно я задам вам личный вопрос? – Она жестом предложила американкам отойти подальше от любопытных ушей.

– О чем? – мгновенно насторожившись, спросила любительница пурпурного цвета. – Может, вы собираетесь ограбить меня?

Слегка прищурившись, Кэйд посмотрела на свой элегантный и дорогой наряд: пальто, сапожки и перчатки.

– Неужели я выгляжу так, будто способна на кого-нибудь напасть в подворотне?

– Ну… нет, пожалуй, – признала ее более респектабельная спутница. – Но это ведь Париж! Здешние грабители наверняка одеваются еще шикарнее.

– Нет, все по-честному… Сколько вы хотите получить, чтобы отказаться от вашего приглашения на этот мастер-класс и позволить мне занять ваше место?

– Вам никаких денег не хватит! – обиженно воскликнула респектабельная дама. – Я месяцами дожидалась этой возможности! Ради этого я и запланировала поездку в Париж!

– Две тысячи долларов. – Кэйд попыталась предугадать, какая сумма устроит первую экстравагантную даму.

– Вы что, смеетесь? – Ее спутница рассердилась. – Неслыханно! Она что, издевается над нами?! Подобный мастер-класс стоит значительно дороже!

Мастер-класс Сильвана Маркиза стоит дороже двух тысяч долларов? Впечатленная и раздосадованная Кэйд изумленно взглянула на возведенные в семнадцатом веке каменные стены, отделявшие ее от желанного мастер-класса.

– Пять тысяч долларов.

– Я сказала вам – нет!

Почему последние дни все люди с маниакальным упорством отказываются от ее денег?

– И я оплачу двухнедельное пребывание в шикарных парижских апартаментах и кулинарные классы в компании «Кордон-блю».

Женщина призадумалась. Кэйд удалось все-таки найти отклик в ее душе. Солидная спутница торговавшейся дамы подозрительно нахмурилась.

– Но почему вам так хочется занять мое место?

С минуты на минуту кто-нибудь заявится сюда, чтобы открыть двери в лабораторию. Кэйд повернулась спиной к дамам и оценила других ожидающих. С японками иметь дело бесполезно; судя по нарядам, деньги для них ни черта не значили. Кроме того, Кэйд не говорила по-японски. Ее внимание сосредоточилось на американках.

– Неужели никто не хочет получить пять тысяч долларов?

Присутствующие озадаченно уставились на нее. Она повторила вопрос по-французски.

– А сколько это в переводе на евро? – вяло поинтересовался кто-то. – Пятьдесят старых франков?

Может, во Франции проявление щедрости или оказание денежной помощи считается противозаконным?

Кэйд сердито глянула на мужчину.

– Ладно, минуточку, – вмешалась «пурпурная» дама. – Я же не сказала, что отказываюсь от вашего предложения. Но, если вы не возражаете, я хочу получить наличными средства на двухнедельное проживание в Париже и курсы в «Кордон-блю». На сколько это потянет? Тысяч на десять долларов?

Кэйд никогда даже в страшном сне не допускала, что способна потратить такую сумму на представительские расходы.

– Отлично, – согласилась она.

По крайней мере, так она попробует узнать проклятые французские секреты.

Многозначность этой фразы проникла в глубинные уровни сознания, соблазняя и суля Кэйд невиданные выгоды. Секреты таинственного чародея в его мастерской, полной магии. «Секреты производства, – прояснила Кэйд для себя. – Секретные рецепты изысканного шоколада». Именно это ей и нужно. Идиот, все прочие тайны он может хранить сколько его душе угодно.

– Я могу выписать вам чек, – сказала она женщине.

Та презрительно усмехнулась и отвернулась к остальным.

– Поверьте, я вполне платежеспособна! – в отчаянии воскликнула Кэйд.

Вряд ли она успеет договориться с кем-нибудь другим. Сгорая от нетерпения, Кэйд не хотела дожидаться здесь следующего мастер-класса, когда бы его ни назначили. Он ведь мог состояться и через полгода. Дама в пурпурном брючном костюме смерила ее неприязненным взглядом.

– Да нет же, правда, – вздохнула Кэйд.

Она вытащила из сумочки свой подарочный талисман «Плитку Кори», визитную карточку, американские водительские права и показала их, не выпуская из рук.

– Вот, можете убедиться.

Сердитая и озадаченная дама мельком взглянула на «Плитку Кори». Ее внимание задержалось на визитке, она внимательно прочитала имевшиеся там сведения, потом изучила фото на водительских правах и, посмотрев на Кэйд, сравнила его с оригиналом. Кэйд хотелось, чтобы на этом водительском снимке она меньше смахивала на ушлого наркоторговца, но не все покупается за деньги.

И этот город, похоже, вознамерился преподать Кэйд урок.

– Я платежеспособна, – уверенно подтвердила она.

– Даже не знаю… – Глаза женщины перебегали с лица Кэйд на удостоверение ее личности и обратно. – Как-то мне… сомнительно. Вы действительно одна из настоящих Кори? И полагаете, что могли бы…

Из-за угла в дальнем конце улицы появился мужчина и направился в их сторону. Кэйд показалось, что она узнала одного из сотрудников, которых видела в первый день в лаборатории Сильвана.

– Вот что я вам скажу, – произнесла она, запуская пальцы в бумажник и извлекая кредитку. – Вы сообщите мне ваше имя, и я сегодня вместо вас схожу на мастер-класс, а пока я буду там, вы сможете пользоваться моей кредиткой.

– Договорились. – Дама мгновенно выхватила кредитку, не дав Кэйд времени вспомнить о благоразумии. – В салон Кристиана Диора – вот куда я отправлюсь.

– Встретимся здесь в шесть часов, иначе я обращусь в полицию, – предупредила Кэйд.

«Или мгновенно заблокирую свою кредитку», – закончила она мысленно.

– Итак, как вас зовут?

Свое вымышленное имя она несколько раз для верности повторила «про себя» – Мэгги Сондерс – и еще раз, когда служащий Сильвана Маркиза приблизился к группе.

– Добрый день, – приветствовал он обступивших его любителей шоколада, снизойдя до них с легкой усталостью, видимо, считая, что в этот утренний час предпочел бы приветствовать более симпатичных ему индивидов, а не группу любопытствующих гурманов из разных стран.

Воспользовавшись общим замешательством, Кэйд незаметно ускользнула обратно к своему подъезду и, поднимаясь в свою квартиру, лихорадочно обдумывала маскировочный наряд. На ее подушке лежали свободные черные штаны для занятий йогой и безразмерная фирменная толстовка с эмблемой ее родного колледжа, которые она использовала в качестве пижамы. Кэйд быстро сняла элегантный костюм. Среди ее обуви не оказалось простых белых кроссовок, но, по крайней мере, свои стильные изящные сапожки она заменила не менее симпатичными, но менее броскими туфельками фирмы «Пума». По виду они напоминали кроссовки. Зачесав волосы наверх, Кэйд небрежно скрутила их в жгут, отчаянно тоскуя по обычной бейсболке. Увы, на единственной имевшейся у нее кепочке жирными золотыми буквами красовалась реклама компании «Кори», что, естественно, не способствовало маскировке.

Ах да, она же захватила с собой берет! Нет, Кэйд не думала, что парижане до сих пор носят береты. Она пристально следила за модой. Безусловно. Но присовокупила его к вещам, решив, что захочет прогуляться в нем по набережным Сены, где пороется в лотках со старыми книгами. Просто на всякий случай. Ей

вспомнилось, как она бросила этот берет в чемодан, окрыленная радостной надеждой, не позволив изощренному цинизму предков лишить ее крыльев. И теперь, нацепив берет и спрятав под ним непослушные волосы, Кэйд даже не посмела взглянуть в зеркало, чтобы увидеть этот странный наряд. Будь у нее больше времени и опыта, она бы попыталась изменить черты лица с помощью косметики. Но на создание нового образа могла понадобиться пропасть времени, поэтому она просто смыла утонченный утренний макияж. И напоследок постаралась изменить форму глаз карандашом, но в итоге лишь приобрела призрачное сходство с юной представительницей неформального движения готов.

Что ж, салют! Гот в толстовке и берете. Теперь ее мог опознать лишь тот, кто знал ее в подростковом возрасте.

Когда она вернулась к лаборатории Маркиза, открывший дверь мужчина уже раздавал в коридоре поварские шапки и куртки участникам мастер-класса. С короткой стрижкой колючих волос цвета соломы и двухдневной щетиной этот парень казался моложе своего хозяина и немного ниже, но в своем роде тоже смотрелся привлекательно. Что-то необъяснимое есть в этих французских шоколатье! Он дважды смерил ее взглядом с головы до ног, и в его глазах промелькнуло недоумение, придав лицу выражение легкой недоверчивости. Ну вот, неужели он хотел увидеть на ней пурпурный брючный костюм?

– При-ивет, – с подчеркнутой медлительностью произнесла Кэйд по-английски, делая вид, будто не знает ни слова по-французски. Меня зовут… – «Вот черт, какое имя у той женщины? Ага, вспомнила!» – Мэгги Сондерс. Простите, я опоздала.

Терпение во взгляде француза стало выразительнее, и он вручил ей поварскую куртку, размера на три превосходящую ее скромные объемы. Также выдал белый колпак. Усмехнувшись, Кэйд надежно спрятала под ним свои волосы. В таком наряде ее с трудом узнал бы даже родной отец.

Кэйд Кори, шоколадная шпионка. Разве не славно звучит? Похитительница шоколада. Как романтично! Она уже воображала себя своеобразной наследницей Маты Хари времен Второй мировой войны, тайно вывозящей секретные рецепты шоколада из Франции, чтобы немцы не смогли прибрать их к рукам. Представив Сильвана Маркиза в старомодном берете, Кэйд с презрением поморщила нос. Немцы не смогли бы придумать, что делать с секретными рецептами шоколада, даже если бы заполучили их.

– Мадам… Мадам… Мадам *Сён*-дэррр-*ссс*, – проникло в ее сознание.

Она удивленно посмотрела на человека, стоявшего перед ней, но все-таки в ее сознании не без труда всплыла купленная фамилия.

– Простите, – покраснев, откликнулась Кэйд.

Ну вот, опять она заливается краской смущения. Дома, в Штатах, Кэйд чувствовала себя слишком уверенно, чтобы смущенно краснеть.

– Будьте любезны, займите это место, – произнес он, подводя ее к огромному, покрытому плитами черного мрамора столу, который тянулся замкнутой в квадрат полосой вокруг пустого центрального островка. Остальные участники уже заняли свои места вокруг него. Длинное просторное помещение имело три главные составляющие: этот большой мраморный остров и другой – подобный в дальнем конце зала, глазировочную машину и охлаждающий туннель «Золлиха». Она узнала знаменитого немецкого производителя кондитерского оборудования, но эти машины не представляли ничего особенного. Детские игрушки в сравнении с большими глазировочными машинами и охлаждающими туннелями фабрик Кори.

В волнении Кэйд прижала предательски взмокшие ладони к прохладной глади столешницы. Осознавая, что ее мечта может вот-вот исполниться, она почувствовала, как ее внутренности скрутило, точно мокрую тряпку, и извергаемая из нее вода просачивалась повсюду, едва не проливаясь сверкающими ручьями из глаз.

Ей приходилось бывать раньше на мастер-классах по изготовлению шоколада, например, во время кулинарных курсов в Нью-Йорке. И еще она побывала на мастер-классе Элис Медрич. Но то было в Америке. А сейчас она во Франции. И перед ней готовы открыться тайны лучшего шоколатье Парижа.

«Вернее, это он считает себя лучшим», – подумала Кэйд, вспомнив характерное выражение презрения на его красивом лице. Правда, мэр города также признал его лучшим. Но это уже детали! Как и его красивая подружка Шанталь. И как большая часть населения этого города. Но это еще не означает, что он действительно абсолютный лидер в своей области.

И ей нельзя забывать об этом, поскольку он слишком уж кичится своими якобы недосягаемыми талантами. Кэйд сунула руки в карманы выданной куртки, решив сдерживать эмоции, и ее пальцы уперлись во что-то твердое и холодное. Она отдернула руку, а потом осторожно ощупала холодный предмет кончиками пальцев. Ключ. Пытаясь сохранять спокойствие, Кэйд лихорадочно пыталась сообразить, что же открывает этот ключ.

– Итак. Je suis Pascal Guyot, le sous-chef chocolatier[41]. И я

проведу для вас сегодняшний мастер-класс, – сообщил впустивший их парень, направляясь к центру помещения.

Кэйд испытала разочарование. Хотя нет, облегчение. Разумеется, облегчение от того, что Сильван Маркиз не будет делиться своими секретами лично. В таком случае риск быть разоблаченной минимален.

Нагнувшись, чтобы завязать шнурок на ботинке, она незаметно засунула в него вынутый из куртки ключ, сочтя это место единственным надежным тайником. Ведь они могли обыскать карманы ее широких штанов.

– Говоря о шоколаде, – продолжил Паскаль Гюйо, – для начала проясним, о чем, собственно, речь. К примеру, chocolat noir на семьдесят два процента состоит из натурального какао, и его характеристики и свойства резко отличаются от chocolat au lait[42]. Однако chocolat noir, содержащий столько же процентов натурального какао, собранного на Карибах, будет отличаться от такого же chocolat noir, произведенного из сырья, выращенного в Андах.

Кэйд вновь положила руки на мраморную столешницу, сосредоточившись на ее прохладной гладкости, пропуская журчание пояснительной речи мимо ушей. Она знала этот материал. Химики Кори освоили различия химического состава продукта своей специализации во всех тонкостях. И в колледже Кэйд изучала «шоколадную» химию в числе факультативных дисциплин.

Ее взгляд, скользя по мастерской, фиксировал в памяти все подробности и детали. Вдоль одной стены стоял стеллаж с напитками, часть из которых она могла узнать прямо со своего места – белый и черный ром и отливающий бронзой коньяк. Вдоль стен горбились толстые джутовые мешки с темнеющими на боках черными буквенными печатями. Внимание, вопрос: что содержится в мешках, из каких стран они прибыли?

На других полках выстроились бутылочки опалово-темного, коричневого стекла, чьи этикетки Кэйд тоже не смогла прочитать. Выяснить: какие ароматы он хранит в них? Пакетик с ванилью лежал открыто на столе, темные стручки поблескивали на фоне золотистого материала пакета, а герметично запечатанные мешочки лежали в ящике под стеллажом с экстрактами. Даже отсюда Кэйд уловила запах ванили. Та придавала шоколаду своеобразный оттенок, меняя его, наделяя особой приятной ноткой.

– Мы с месье Маркизом работаем с поставщиками, которые обжаривают какао специально для нас – по нашим собственным рецептам, конечно, – произнес Паскаль Гюйо. – Многие шеф-

повара покупают исходное сырье в шоколадных блоках, например, таких, как эти. – Он показал на куски шоколадного лома, различавшиеся по цвету и грубо отрубленные от больших блоков.

«На фабриках Кори, – подумала Кэйд, – тоже обжаривают зерна по строго определенному рецепту. И занимаются этим уже почти сто лет. Однако никто не отдает должное их продукции».

– Теперь каждый из вас может выбрать нужную вам окраску лома, – добавил Паскаль Гюйо.

Важность первого выбора – пусть и грубого шоколадного лома – вновь разожгла ее волнение. Пусть она пробралась сюда под вымышленным именем, как шпионка, но ведь ей предоставлялся шанс сделать шоколад в парижской лаборатории. О господи, как бьется сердце!

Глава 7

Сильван снял пальто в коридоре, непосредственно перед входом в мастерскую, слегка улыбнулся, услышав сильный японский акцент женщины, пытавшейся задать вопрос по-французски. Некоторые шоколатье оставляли эти заботы своим помощникам, однако ему всегда нравилось проводить подобные семинары. Иногда на них приходили болваны, но чаще все-таки их участники были страстными любителями изготовления шоколада и с восторгом постигали шоколадные тонкости на этих занятиях.

Приятно учить таких пылких и интересующихся учеников, сознавая, что с таким же жаром и любопытством они относятся и к его персоне. Уважают его за те знания, которые он охотно передает им. Глядя на них, Сильван вспоминал себя в юношеские годы. Именно эти ученики помогли ему понять, какой долгий путь он проделал, чего добился в жизни. Dieu merci[43].

Сильван облачился в ослепительно-белые куртку и колпак шеф-повара, по праву принадлежавшие только ему, и вошел в лабораторию, по-свойски кивнув Паскалю и внимательно оглядывая новую партию учеников.

Заметив «капиталисточку» Кори, он вздрогнул. Конечно, Сильван не сразу узнал ее в странном наряде, в белой шапке и поварской куртке, в которой могли бы поместиться две подобные дамочки.

И вновь Кори выглядела… mignonne. Чтобы помешать ему разглядеть ее стройную фигурку, она усиленно старалась спрятаться за стоявшей рядом японкой. К несчастью для нее, японка перещеголяла ее в миниатюрности.

Сильван не отрывал от нее глаз, гадая, до чего же она готова дойти в своем упорстве. Сначала Кори попыталась купить его. Потом заявила, что предпочитает ему Доминика Ришара. А вчера заплатила за их с Шанталь обед! С какой небрежностью бросила

кредитку, словно медяки в шапку нищему.

И наконец, похоже, вознамерилась украсть его секретные рецепты.

Самодовольство боролось в нем с негодованием. С одной стороны, Сильвану льстило, что она преследует его. Наверное, понимает, что затеяла рискованную игру с минимальными шансами на победу. Много ли его классических рецептов Кори рассчитывает узнать на любительском мастер-классе? Видя, что он не сводит с нее взгляда, она бросила попытки натянуть на лицо свой берет. Ее руки опустились на мраморную столешницу и сжались в кулачки. А щеки вспыхнули румянцем.

Вчера вечером Кори тоже смущенно краснела. Частенько, пока сидела в кафе с одиноким и мятежным, заносчивым и одновременно таким уязвимым видом. Как он и предполагал, в момент чистого наслаждения, едва ощутив на языке изысканный вкус ravioles du Royan с фирменным crème au basilic, Кори невольно закрыла глаза. А потом их взгляды встретились – дивный момент! Она вспыхнула маковым цветом, не в силах закинуть в рот второй пельмень.

Не прерывая речи Паскаля, Сильван спокойно прошел мимо присутствующих и остановился перед Кэйд Кори. Ее кулачки сжались с такой силой, что он подумал, не собирается ли она разбить камень. В ее глазах отразилась мука, будто она прикусила язык, чтобы с него не сорвалась отчаянная мольба.

«Почему вы так отчаянно стремитесь испортить все, к чему прикасаетесь? – хотелось спросить ее. – Каких именно возможностей ищете здесь, если ради них готовы проглотить язык, лишь бы не выдать своего желания?»

Семейство Кори владело почти тридцатью процентами мировых плантаций какао. Кори основали целые институты, и они являлись единственным препятствием, стоявшим между такими, как он, скромными шоколатье и нашествиями вредителей, способных уничтожить урожаи деревьев, превратив их в ведьмины метлы[44]. Они даже возглавили движение за улучшение положения рабочих на плантациях шоколадных деревьев. Благотворители, меценаты, дельцы…

Признание их могущества и великодушия могло бы смягчить Сильвана. Он был готов отнестись к ней более благосклонно, но… она сама перевела все на деньги. Она заплатила за его обед, словно он был нищим. Нет, хуже, будто он был ее шоколадным жиголо!

– Мадемуазель Кори, – сказал Сильван вежливо и громко, чтобы ее знаменитое имя услышали все. – Шоколадная императрица Кори, – добавил он на случай, чтобы даже

несведущие уяснили ее происхождение. – Как приятно, что вы присоединились к нам в этой скромной обители художника. Неужели надеетесь узнать нечто новое о шоколаде? Или о себе?

Кэйд прикусила губу. Сейчас она выступала в роли побирушки, поскольку ее глаза просто умоляли его разрешить ей остаться! Не могла же она нагло заявить, что ей вовсе не хочется ничего узнать о тайнах его шоколада. Откровенное желание разозлить Сильвана вызвало у него легкое возбуждение и дрожь.

Он не планировал грубить ей. Как трудно рядом с ней контролировать вспышки гнева и негодования! Вчерашний вечер отравил его существование, и все из-за проклятого базиликового соуса. Слабость Сильвана, которую он питал к симпатичным гордячкам, которые наслаждались жизнью, тонко понимая ее изысканный вкус, вновь подвела маэстро под монастырь.

Сохраняя видимость независимости и превосходства, он едва чувствовал, как колотится его сердце, точно в самообладании соперничал с шустрой Кэйд.

– Не скрою, мне хотелось бы узнать, как вы готовите шоколад, – заявила Кэйд по-французски с выразительной отчетливостью, с какой, вероятно, говорила в залах заседаний, проводя сделки на миллионы долларов.

Он поджал губы. Она выбрала правильный путь: предельную честность, которая давала ей моральное преимущество.

– Вообще-то я пытаюсь сказать вам об этом на разных языках уже два дня… – Кэйд запнулась, подыскивая нужное французское слово.

Грегори не соврал, черт его побери; ее акцент очарователен.

– Что вы говорите! – вызывающе воскликнул Сильван. – Но как это переживет Доминик Ришар?

– Если Доминик Ришар захочет научить меня каким-нибудь своим рецептам, я не откажусь. – Имя Доминик Ришар она позаботилась произнести с такой понятной всем убедительностью и нажимом, будто последнее слово оставляла за собой.

После разоблачения Кэйд попыталась сохранить достоинство, что было нелегко, учитывая ее потешный вид: видимо, она специально изуродовала глаза жутким макияжем призрачного гота. А Доминик Ришар слыл ловеласом. Вероятно, ему захочется научить ее собственноручно.

– Я польщен, что первым вы предпочли выбрать меня, – произнес Сильван, не погрешив против правды.

Польщен и уязвлен в равной мере. Главное, его взбесило то, что она вообще посмела рассматривать второй вариант. Он предпочел бы: либо он, либо никто…

Кэйд решила показать зубки.

– О, просто вы оказались единственным приличным шоколатье, проводящим мастер-класс в удобное для меня время. Оно совпало с моим пребыванием в Париже. – Все тот же звонкий уверенный голос.

Сильван смотрел на нее скептически. Он знал, что ее фамилия не значилась в списке учеников. Ее он не оставил бы без внимания. Но Сильван тоже решил выбрать выгодный путь и не оспаривать ее незаконное присутствие на занятии. Нет, этот маленький меч он подержит над ее головой.

– Паскаль, я помогу тебе сегодня. Vous permettez[45], мадемуазель Кори?

Он приблизился к ней, физически заполнив отведенное ей лично пространство перед столом. В силу ее упрямой непоколебимости или наглости Сильван буквально слился с ней, прежде чем она соизволила слегка подвинуться. Ее возбуждение взлетело на небесную высоту. Выше, чем вчера вечером в ресторане. Сильван возвышался над Кэйд. Всем своим существом он ощущал ее хрупкость и высокомерие, и это порождало в нем дикое, сводившее с ума влечение. Здесь, в своих владениях, он понял, что может дать ей кое-что из того, что она хочет.

Паскаль вновь заговорил, предложив присутствующим взглянуть на блоки шоколада разных типов, чтобы восстановить ход занятия. Сильван выбрал самый темный, самый чистый. Рассыпая крошки, отрубил кусок от большого блока.

Улыбнувшись, он скользнул взглядом по своей руке. Прилипшие шоколадные крошки начали таять на его коже. Сильван обладал тем, чего Кэйд отчаянно хотела. Своим изысканным шоколадом. И сейчас решил выяснить, не сможет ли он, используя шоколад, заставить ее возжелать его самого.

Глава 8

Кэйд подумала, что если ее сердце забьется чуть быстрее или она покраснеет чуть сильнее, то может просто хлопнуться в обморок. Стараясь успокоиться, Кэйд вызвала в памяти образ Шанталь, la Parisienne parfaite[46], и попыталась мысленно приклеить этот портрет себе на лоб.

– Это один из моих любимых моментов, – проворковал ей Сильван слишком тихо, чтобы помешать Паскалю вести занятие. – Такой шоколад является чистейшим, девственным.

Слово «шоколад» он произнес с нежной напевностью. Вместо топорного английского – «чок-лэт» французское «шоколя» прозвучало таинственно и нежно.

– Я предпочитаю работать именно с таким материалом. Он прекрасен сам по себе, идеален; извечный вкус совершенства. Однако я даю ему новую жизнь, обогащаю иными ароматами и привкусами, что позволяет людям наполниться новыми и более сложными оттенками чувств.

Дыхание, доносившее до Кэйд его грассирующий голос, щекотало щеку. Все волоски на ее руках поднялись, будто разбуженные этой почти интимной близостью и его словами, подразумевавшими, казалось, нечто более важное, чем процесс изготовления шоколада.

– Я отливаю шоколад в достойную форму, такую же прекрасную, как его сущность, чтобы от одного взгляда на нее людей охватывало желание.

Кэйд вдруг осознала, что ее губы невольно приоткрылись и дыхание участилось, став прерывистым и поверхностным. Она смотрела на темную массу в руке Сильвана. На его сильные, широкие ладони, на длинные искусные пальцы.

– Tenez[47], – сказал он, передавая ей отрубленный кусок.

Кэйд старалась избежать соприкосновения с ним, но в последний момент он так переместил руку, что их пальцы

встретились. Она прикусила губу.

– Мы с вами выбрали сорт креол[48]. Вы слышали о таком?

– Вероятно, если я сама выращиваю его, – резко заметила Кэйд.

Она, разумеется, преувеличила свои личные заслуги, но Сильван спровоцировал ее. Знает ли она хоть один из четырех основных сортов этого тропического дерева? По правде говоря, в их компании практически не использовали эти семена для изготовления «Шоколада Кори» – дороговато для рынка, но она, безусловно, знала о существовании такого сорта.

– Нет, – уверенно возразил он. – Нет, эту партию мы получили от одного мелкого производителя из Венесуэлы. Мне понравился их урожай в этом году, épicé et voluptueux[49].

«Пряный и сладострастный… О господи, помоги!» – мысленно взмолилась Кэйд. Почему она готова растаять от его слов?

– Другие сорта прибыли с Мадагаскара, и часть поставок нам обеспечила одна из ваших плантаций. – Его брови сошлись у переносицы. – Странно, как компания, способная поддерживать такое качество исходного сырья, может получать на выходе то… что вы получаете.

Кэйд подумала о злополучной дешевой «Плитке Кори» в своей сумочке, оставшейся в коридоре. Миллионы людей в эту самую минуту откусили от точно такой же плитки и почувствовали себя вполне довольными. А его шоколад, напомнила она себе, сейчас пробуют один-два человека. Причем наверняка их доходы исчисляются как минимум шестизначными цифрами. И для счастья у них есть далеко не один шоколад.

– А в каком соотношении вы смешиваете их? – спросила она. – Какой вид конширования используете? Насколько длительной и жесткой обработке подвергаете?

Губы Сильвана изогнулись в усмешке, выдающей мужское самодовольство, выводящей ее технические вопросы на совершенно иной уровень. Кэйд постаралась не обращать на него внимания, но почувствовала, как возмутились все ее эрогенные зоны.

– Сколько масла добавляете в какао? – добавила она, пытаясь исправить ситуацию.

Сильван рассмеялся и покачал головой.

– Возможно, ваше кокетство заставит Доминика Ришара быстро выдать эти сведения, но, полагаю, что я сумею продержаться немного дольше.

Лицо Кэйд вспыхнуло. Неужели это очередной отказ? И с чего ему вздумалось обвинять ее в кокетстве? Она торчит здесь в

унизительной боевой раскраске, в фуфайке и огромной нелепой поварской куртке. Вдобавок он сам начал говорить о девственном шоколаде, с которым может сделать все, что пожелает.

– Итак… что же вы хотите сделать из этого «шоколя»?

– Все, что вы мне посоветуете, – небрежно ответила Кэйд, пытаясь напомнить ему, что она учится и должна следовать указаниям инструктора. Но голос ее не слушался. Он прозвучал очень тихо.

– Все? – Сильван взглянул на нее с милой улыбкой, и Кэйд почувствовала себя любимчиком учителя. – Vraiment?

На каждом рабочем месте лежала приготовленная для занятий кухонная утварь. Он выбрал большой мясной нож с остротой лезвия более выразительной, чем театральный шепот. Поварская куртка, естественно, идеально подходила ему по размеру, выигрышно подчеркивая прямые широкие плечи и узкую талию. Едва скрывавшие локти рукава не мешали видеть худощавых, жилистых предплечий с профессионально развитой мускулатурой.

– Veuillez m'aider à hacher ce chocolat, mademoiselle?[50]

На ее рабочем месте лежал только один нож. Как же она поможет ему, если он забрал его? Кэйд оглянулась вокруг, пытаясь найти другой нож.

– Tenez. – Сильван вложил в ее руку рукоятку ножа. Его ладонь продолжала властно удерживать ее.

Кожа Кэйд загорелась, словно обожженная на солнце и требующая примочек из сока алоэ, разведенного холодной водой.

– Вам известно, мадемуазель, как правильно держать нож?

Разумеется, известно. Кэйд уже посещала мастер-классы небольших элитных производителей, только не в Париже. И вообще, ей нравилось самой готовить. Раз в месяц. Но она хранила молчание, и его длинные, теплые гибкие пальцы поставили ее руку в нужное положение на рукоятке и направили лезвие под правильным углом, чтобы при измельчении шоколада она не резанула себе по пальцам. Нож был очень острым. В ее теперешнем взвинченном состоянии она умудрилась бы резануть по пальцам, если бы попыталась действовать самостоятельно. Но руки Сильвана продолжали помогать ей, удерживая пальцы на безопасном расстоянии от лезвия. Благодаря совместным усилиям – его ловкость победила ее неуклюжесть – они стесали край темного куска. Шоколад скручивался, крошился и распадался на мелкие стружки, образуя высокий стожок на холодном мраморе.

Они стояли плечом к плечу, и в столь тесном соседстве Кэйд чувствовала, как сильны бицепсы Сильвана. Проникалась

могуществом его стройного, крепко сбитого тела. Чувствовала, как он, держа все под контролем, укрощает собственную силу, приспосабливаясь к возможностям Кэйд, замедленному темпу, вялой скорости резки. Она поняла, что обычно он не относится к рубке шоколада так тщательно. Его нож мог порхать над ним беззаботно, с бездумной произвольностью дыхания; привычные к такому делу руки едва ли даже осознавали твердость и сопротивление материала нажиму инструмента. Подхватив пальцем одну стружку, Сильван поднес ее к губам Кэйд.

– Goûtez[51], – предложил он, – и опишите, что вы чувствуете.

– Не могли бы вы показать мне, как надо рубить этот шоколад? – с надеждой спросила Паскаля не поддавшаяся на соблазнительный куш американка, поглядывавшая на них через стол. – Мне кажется, я нуждаюсь в профессиональной… помощи.

Паскаль Гюйо бросил на Сильвана Маркиза взгляд, исполненный осуждающего терпения. Но Сильван, поглощенный обучением Кэйд, ничего не заметил.

Шоколадная крошка уже таяла на ее приоткрывшихся губах. Она невольно слизнула ее, на мгновение прикрыв губы и соприкоснувшись с его пальцем. Его ресницы опустились, скрывая выражение глаз.

Проба оказалась неожиданной… Кэйд решила, что вряд ли ей следует описывать ему свои вкусовые ощущения. Они выходили за рамки обычного шоколадного вкуса, оставляя на языке лишь горечь, хотя и необычайно нежную.

– Давайте сделаем то, что вам хочется, – предложил Сильван, словно продолжал играть в свою излюбленную игру, сопровождая слова теплым лучистым взглядом и легкой, чертовски соблазнительной улыбочкой, долго не сходившей с его чувственных губ.

«Он решил поиграть со мной, – подумала Кэйд. – Как с мишкой или куклой. Но захочет ли кукла играть с ним?»

– А что вам лично, мадемуазель, нравится в вашем массовом «шоколя»?

Спрашивая, Сильван налил сливки в кастрюльку и добавил к ним специального инвертного сахара, получаемого посредством гидролиза сахарозы из смеси глюкозы и фруктозы. Он давал ей свой урок, не обращая внимания на занятие остальной группы. Паскаль показывал остальным, как правильно рубить шоколад, пытаясь не терять терпения с на редкость бестолковой особой, которая требовала контактного обучения.

– Добавки cinnamōmum, – сказала она, вспомнив латинское название корицы.

– Cannelle? – перевел он на французский с восхищенной

милой улыбкой, словно ее слова очаровали его.

Как же она могла заслужить его расположение? Как странный обаятельный ребенок, чьи волосы ему захотелось взъерошить.

– Vous aimez la tradition[52], – заметил он.

Да, она отдает предпочтение традиционным вкусам. Все Кори с гордостью выпускали традиционный шоколад для поколений американцев, никогда не изменяя исходному молочному вкусу. Такова традиция. И если она захотела ее нарушить, то только погрузившись в царство шоколада, славившегося своей изысканностью еще до возникновения ее страны.

– Тогда для вас мы придумаем что-нибудь с корицей.

Приблизившись к полкам, где стояли темные бутылочки, Сильван взял горсть коричных трубочек. Возвращаясь к столу, он захватил брусочек масла, выставленного для размягчения.

– Произнесите название этой специи еще раз, – попросил Сильван.

– Корица, по-латыни cinnamomum, – робко повторила Кэйд.

В его глазах сверкнули огоньки.

– Ну – je ne sais qui[53] – пусть будет cinnamomum. Больше тайны, больше экзотики, чем по-французски.

– Потому что начинается с «син», – пробормотала Кэйд, сознавая, что по-английски «sin» означает «грех», и прибавила нерешительно, произнеся искаженно французское слово «грех» – «péché» так, что вместо него получился персик – или с Pêche?

Подвижные черные брови Сильвана недоуменно взлетели.

– Корица с персиками?

– Нет. Никаких персиков. Только синамонум, то есть корица.

– Возможно, pêches confites, – пробормотал он, подумав о персиковых цукатах. – Но у меня нет их в наличии, а в такой сезон их будет сложно найти. Я мог бы заказать немного в Ницце. Там есть рынки, где их можно найти даже глубокой осенью.

«Неужели он так и живет? – удивилась Кэйд. – Сам бродит по рынкам, впитывая разные образы и новые запахи, а его мысли тем временем крутятся, рождая идеи новых форм и вкусов шоколадных конфет?»

Внезапно ей захотелось отправиться с Сильваном в Марокко или в Индию, если он там еще не бывал. Чтобы он пригласил ее с собой в Ниццу, провел по всем известным ему рынкам. Они могли бы бродить там рука об руку, открывая друг другу особые оттенки и букеты вкусов. Господи, что творится в ее голове?

Невозможно сохранить здравомыслие, когда все мечты о Париже сливаются с образом одного лишь человека.

Однако он презирал ее и американский шоколад. А вчера вечером разгуливал с очаровательной блондинкой.

– Tenez. – Сильван протянул ей коричные трубочки и кивнул на кастрюльку со сливками.

Забросив корицу в сливки, Кэйд смотрела, как сбрызнули коричневые палочки молочно-белые капли.

– À feu doux[54], – пояснил он, заметив ее взгляд. – Начинать надо с этого.

Понятно, то есть пламя уменьшить до минимума.

В ней самой уже разгоралось такое пламя, что она не знала, следует ли стремиться к большему накалу, или последствия воспламенения будут ужасны. Ужас и страсть порождают мощное чувственное сочетание.

Кэйд поставила кастрюльку на ближайшую горелку, а ее изучающий взгляд тем временем прошелся по мастерской, пробежался по джутовым мешкам с неведомым содержимым, задержался на темных бутылочках с таинственными этикетками и остановился на дверях, ведущих в кладовки. Кто знает, какие богатства спрятаны за ними? И какие волшебные слова помогут открыть эти двери? «Какао, откройся»?

Кэйд попыталась сообразить, как управлять регуляторами этой плиты и каким температурам у французов соответствует маленький огонек. Надо разобраться, решила она. Если идеальная температура хранения шоколада – семнадцать градусов, то…

Ладонь Сильвана коснулась ее пальцев и, накрыв их, властно нажала пару нужных кнопок на варочной панели. Кэйд захлестнула волна жара. Но на излете она ударила в голову, породив настороженный и гневный голос: «Какой же он законченный мерзавец! Исполненный высокомерия негодяй. Убежденный в своем превосходстве, он пользовался собственной притягательностью, придумав для нее изощренное наказание».

Похоже, она разгадала его мотивацию. На что еще он готов пойти ради удовлетворения низменных инстинктов? У нее мелькнула мысль: не отплатить ли ему той же монетой? Она ведь способна свести его с ума собственной притягательностью. Увы, в этой фуфайке, скрытая под бесформенной поварской курткой, да еще с черной обводкой глаз она выглядит просто нелепо, подобно чахоточной актрисе из старого немого кино. А волшебным талисманом ей служила «Плитка Кори», из-за которой чародейственные губы Сильвана кривились.

– Интересно, сходны ли методы обучения Доминика Ришара с вашими? – вдруг тихо спросила Кэйд, создавая впечатление, будто просто использует его, чтобы побольше разузнать об истинной шоколадной звезде столичного города.

Ей вовсе не пришлось специально стараться, чтобы придать

своему голосу хрипловатую чувственность, но рука Сильвана сразу напряглась. Через мгновение он убрал руку. Украдкой взглянув на него, Кэйд заметила, что он рассердился.

– Не могу сказать, что я старался выяснить, как именно он наливает сливки в кастрюли, – сухо ответил Сильван. – Но вряд ли можно выдумать тут особый оригинальный способ.

Кэйд могла поспорить, что можно. Сильван так наливал сливки в кастрюльку, что она почувствовала себя кошкой, готовой облизать его руки.

– Нет, я имела в виду… общий подход, – Кэйд обвела рукой кухню.

– Мне лично ничего по этому поводу не известно, – язвительно произнес Сильван. – Может, вам следовало заняться его преследованием, если вы предпочитаете разузнать, какие именно он применяет.

Его губы сурово сжались, а Кэйд смущенно вспыхнула от столь резкого выпада. Она не собиралась… Ну да, все получалось так, будто она действительно преследовала Сильвана, но с его стороны отвратительно напоминать ей об этом.

– В тот ресторан я зашла совершенно случайно. – Неужели он полагает, будто она специально выбрала столь скромное заведение?

– Вообще-то, если выехать из моего квартала, то в Париже можно найти много хороших ресторанов, – заметил он.

Трудно поддерживать разговор с человеком, который не может хотя бы из вежливости удержаться от колкостей по любому поводу. Наверное, любые разговоры в Париже больше напоминают фехтовальный турнир. Или между ними просто сложились особые отношения?

– К тому же я вообще не знала, что вы живете где-то поблизости.

– Не знаете, где я живу?

Кэйд не сомневалась, что в ее файлах есть все его данные. Она лишь не обращала внимания на его домашний адрес.

– Я могу выяснить ваш адрес, чтобы порадовать вас.

Очередная пауза.

– Но разве изначально вы не заинтересовались именно моим шоколадом?

Что он о себе думает? Кем себя возомнил? И неужели Сильван Маркиз настолько самовлюбленный? И если так, то почему? Чтобы потешить свое извращенное эго?

– Полагаю, вы не настолько глупы, чтобы сомневаться в моей заинтересованности вашими шедеврами, ведь я сама откровенно заявила о ней при нашей первой встрече, – произнесла Кэйд. –

Более того, я полагаю, что моя сотрудница могла бы прояснить вам наши планы, договариваясь о встрече.

На упоминание о первой возмутившей его встрече Сильван отреагировал неопределенным жестом.

– Из разговора с ней я понял лишь, что вы просто хотели посетить мою лабораторию во время поездки в Париж. И счел уместным, в порядке любезности, выразить тактичное согласие.

– Значит, вам не чужда тактичность? – усмехнулась Кэйд.

В его шоколадных глазах мгновенно вспыхнуло возмущение.

– Так вы не заметили, что в данный момент я стараюсь быть с вами предельно тактичным!

Неужели он мазнул пальцем по ее губам, давая попробовать изысканный горький шоколад из любезности? Потому что если такова его обычная вежливость, то она готова убить его. И его милую подружку.

– И я готовлю для вас шоколад, – продолжил Сильван. – Трудно вообразить более любезное отношение.

«Неужели он искренен? – подумала Кэйд, польщенная и обезоруженная. – Решил приготовить шоколад специально для нее?»

– Но если вы продадите его, или поставите на него мое имя, или как-то воспроизведете в виде испорченной версии псевдошоколада, то мне придется подать иск в суд Соединенных Штатов, где я сумею отсудить у вас миллионы.

– Или, избежав судебных исков, мы могли бы спокойно подписать контракт, – возразила Кэйд. – Вы еще можете получить миллионы, я уверена, такой путь будет менее стрессовым.

Его челюсти сжались. Сильван взмахнул большим ножом и изрубил второй кусок шоколада с такой невероятной скоростью, что ей сразу вспомнились фантастические способности героя сериала «Человек на шесть миллионов долларов»[55].

Кэйд сжалась как от удара: насколько же ему приходилось сдерживаться чуть раньше, когда они рубили шоколад с черепашьей медлительностью! Близость этого мужчины вообще действовала на нее подавляюще, порождая странную слабость во всем теле.

– И сколько же денег следовало бы мне затребовать, чтобы заставить вас пожалеть о чем-то?

– Полагаю, несколько миллионов могли бы привлечь внимание нашей компании, – произнесла Кэйд.

На самом деле любая тяжба потенциально способствовала публичной огласке, и всегда имелся риск того, что пресса, бросив вызов корпорации, может возвеличить истца.

– L’attention de la compagnie, je m’en fous[56], – язвительно

заметил Сильван.

Смахнув ножом шоколадную стружку в другую кастрюльку, он поставил ее на соседнюю конфорку, рядом с ее сливками, постепенно насыщавшимися корицей.

– Если собираетесь вредить мне, то я позабочусь, чтобы вы пожалели об этом.

Кэйд могла подсказать ему по меньшей мере десяток способов, которыми он мог заставить ее пожалеть о многом. Но лучше удержаться от комментариев. Одно дело, если тебе на роду написано быть камикадзе, и совсем другое – идти на бессмысленное самоубийство. Кроме того, у нее возникло сильное подозрение, что некоторые из ее слабостей он уже вычислил сам. Шоколадные стружки в его кастрюльке таяли неумолимо на столь слабом огне, что от него даже не распространялось тепло.

Вероятно, Кэйд могла уподобиться этим стружкам. Хотя Сильван и не пытался воздействовать на ее чувства.

– Неужели мне отныне и навеки запрещено добавлять корицу в шоколад Кори, или вам требуется от меня какое-то иное обещание?

С обиженным видом он принялся помешивать шоколад.

Паскаль Гюйо, проходя мимо них, чтобы взять стручки ванили, иронично взглянул на шефа. Сильван выглядел немного смущенным, поэтому предпочел с преувеличенной озабоченностью следить за плавлением шоколадной массы.

– Она сказала мне, что ее зовут Мэгги Сондер, – обронил Паскаль.

Кэйд вспомнила о своей кредитке и забеспокоилась.

– А самое странное вот что, – сказал Сильван, обращаясь скорее к ней, чем к Паскалю. – Компания подобного масштаба, как «Кори», могла бы обзавестись специалистами для корпоративного шпионажа.

Они, конечно, сделали это. И их специалисты имели почти неуловимые связи с руководящими кадрами из членов семьи и прочими должностными лицами.

– Вы смотрите много дешевых детективов, – усмехнулась Кэйд. – На самом деле у нас очень практичная семейка.

Уж некоторые ее представители весьма практичны. Кому захочется упустить плывущий в руки шоколад? Кому, черт побери, захочется оплачивать чьи-то услуги, чтобы выведать секреты лучшего парижского шоколатье?

Паскаль покачал головой, напоследок бросив угрюмый взгляд на Сильвана, не заметившего помощника, и вернулся к остальным ученикам, раздавая им по пути стручки ванили.

– По-моему, группу для этого мастер-класса укомплектовали

более полугода назад, – произнес Сильван. – Так обычно и бывает. Неужели вы записались под вымышленным именем, даже не успев сделать мне предложение?

Кэйд понимала, что если он уличит ее во лжи, то не спустит этого просто так. Вряд ли Сильван лично ежедневно отслеживает процесс записи на его мастер-классы. Не с его отношением к своим шоколадным талантам тратить время на подобные пустяки.

– Нет, я поддалась случайному порыву. Наверное, замена произошла в последний момент.

Кэйд задумалась, имеет ли она уже моральное право незаметно отлучиться и заблокировать выдачу денег по своей кредитке? Она успела побыть под именем Мэгги Сондерс всего пять минут. Но позволят ли ей вернуться, если она выйдет? Сколько же она готова заплатить, чтобы выяснить, как обогатить корицей сливки и расплавить шоколад, учитывая, что эти этапы знала досконально? Милый простенький мастер-класс для туристов – ничего нового. С тем же успехом Сильван мог вышвырнуть ее с этого занятия в силу своих садистских наклонностей. Увы, здесь ей не удастся исполнить свое желание, погрузившись в волшебный мир признанного парижского шоколатье.

Сильван Маркиз склонился к ней, чтобы проверить, до какой кондиции дошли ее сливки, и все мысли о кредитке мгновенно улетучились из головы Кэйд. Он взял чистую ложку, окунул ее в сливки и попробовал. Закрыв глаза, сосредоточенно оценивал вкус, и Кэйд зовороженно смотрела на него, пытаясь постичь, что он чувствует. Сильван открыл глаза и улыбнулся Кэйд, потом окунул в настой новую ложку и предложил снять пробу.

– Ну что?

В сливках преобладал сильный, душистый аромат корицы. Его рот, видимо, заполнился превосходным ароматом. Кэйд показалось, будто сливки постепенно насыщаются тем теплым вкусом, которого он добивался, контролируя нагрев. Она попыталась придумать разумное замечание:

– Не слишком ли насыщенный вкус?

– Шоколад немного уменьшит его, – объяснил Сильван. – До недавнего времени я мало работал с корицей, поэтому мы будем экспериментировать. Посмотрим, что получится.

– А почему не работали с корицей? – спросила она, когда он выловил коричные палочки из сливок.

– C’est très datée[57]. – Он загрузил шоколадные стружки в сливки.

Вот как? Значит, для этого знаменитого шоколатье ее вкусы безнадежно устарели? Что ж, тогда понятно, почему он

усмехнулся, упомянув «la tradition».

– Et maintenant, fouettez[58]. – Он усмехнулся, вложил ей в руку прочную сбивалку. – Держите крепко и быстро взбивайте.

Кэйд, взбивая шоколад со сливками в глянцевитую смесь, подозревала, что и сама догадалась о причине очередного приступа сарказма.

– А вы, мадемуазель, когда-нибудь темперировали шоколад вручную?

Пару раз в Штатах Кэйд посещала подобные мастерские, но невысокого класса. Если она ответит утвердительно, то Сильван перестанет учить ее или – еще хуже – предоставит ей свободу действий. Кэйд покачала головой.

– Bon, d'abord, sur la table. Tenez[59]. – Он положил ее ладонь на ручку ковшика. – Вылейте примерно треть массы на мрамор.

Шоколад разлился по мрамору, блестящий, коричневый, горячий. Блики света на нем напомнили Кэйд блеск глаз Сильвана.

– Et maintenant nous le travaillons[60].

Он вооружился двумя металлическими лопатками: одна – длинная и узкая, около трех дюймов в ширину, а вторая – короткая и широкая. И этими двумя лопатками Сильван ловко и уверенно принялся собирать, поднимать и перемешивать слои шоколадной массы.

Именно этим он занимался, когда Кэйд впервые увидела его. И она тогда сразу вообразила себя растекающимся по его мрамору шоколадом. Ее зачарованный взгляд неотрывно следил за его руками.

– Понимаете? Теперь попробуйте сами. – Вновь соприкоснувшись с ней, он вложил лопатки в ее руки.

Кэйд подумала, что сносно копировала его движения, хотя получалось менее ловко. Он рассмеялся.

– Encore une fois[61], – произнес Сильван и, встав за спиной, обнял ее, прижавшись к ней своим здоровым, мускулистым телом. Его дыхание шевелило волосы на ее макушке, и Кэйд лишилась последних мыслей.

Он обхватил руками ее вцепившиеся в рукоятки лопаток пальцы. Поначалу Сильван попытался непосредственно руководить Кэйд, и она с напряжением ждала его указаний, хотя ее реакция запаздывала, и их общие движения получались неуклюжими.

– Расслабьтесь, – пробормотал он ей на ухо. – Просто подчиняйтесь моим движениям.

Если бы ей удалось расслабиться, то она могла бы лишиться сил, и ему пришлось бы на руках унести ее. Или просто,

избавившись от посторонних глаз, уложить прямо тут на мраморную столешницу.

Кэйд ощущала нежное давление его тела. Руки Сильвана обнимали ее, такие сильные, идеально подготовленные для тонкой работы. На противоположной стороне мраморного острова одна из японок, прищурив свои раскосые глаза, смотрела на нее с откровенной завистью.

– Et puis touchez[62], – прошептал Сильван. – Прикоснитесь тыльной стороной ладони. Вы не должны почувствовать ни тепла, ни холода. Температура должна быть такой же, как у вашего тела. Точно такой же, как у вас.

Он придавил костяшкой своего розового пальца шоколадную массу.

– Ну, что скажете?

Кэйд сомневалась, хороша ли сейчас температура ее тела для сравнения с теплотой шоколада. Она слишком разгорячилась. В отличие от Сильвана? Остался ли он холодным, как огурец?

– Как долго вы учились этому? – вдруг спросил Сильвана затесавшийся на занятие француз, стоявший в конце стола.

Сильван слегка развернулся. Казалось, он с легкостью оторвался от нее. Кэйд захотелось остаться с ним наедине. Не только потому, что ей не хотелось быть всего лишь очередной туристкой из группы, но и потому, что не позволила бы ему так просто оторваться от нее, если бы они остались одни. Она могла бы взорваться в том или ином смысле, либо завоевав его, либо опрокинув ковшик со сливками ему на голову, чтобы заставить перестать флиртовать и дразнить ее.

А ведь Сильван, похоже, флиртовал с ней!

Ее точно окатили ушатом холодной воды, когда в голове мелькнула мысль, что он вовсе не пытался свести ее с ума. Может, он любвеобильный по жизни и при каждом удобном случае совращает любых слабых женщин.

«Хорошо, что мы не одни», – подумал Сильван. Он сомневался в собственной выдержке и без посторонних глаз мог бы потерять контроль над собой, перевозбудиться, зайти слишком далеко и слишком быстро. Сильван научился терпению в юности, заплатив дорогой ценой за моменты безудержной страсти, когда его жажда проявлялась перед красоткой до того, как шоколад полностью околдовывал ее.

Однако он повзрослел. Журналисты обычно называли его beau[63], и сама Шанталь утверждала, что в те дни это соответствовало реальности, так что, похоже, Сильван и правда волочился. Странно, но он понятия не имел, как привлечь женщину без шоколада.

Ce n'était pas grave[64]. Шоколад действовал на редкость эффективно.

И его эффективность сейчас сводила его с ума. Мисс Властительница Всесильных Денег, хрупкая, самонадеянная и напряженная, утонувшая в выданной поварской куртке, позволила ему прижаться к ней для демонстрации правильного темперирования шоколада. Она попробовала шоколадную стружку с его пальца, ела с ложечки, кормилась из его рук. Проверяла температуру шоколада. Вспыхивала. И продолжала смущенно краснеть.

«Деньги тут ни при чем», – подумал Сильван, обнимая Кэйд, хотя немного грешил против истины. Его всегда привлекали богатые и элегантные женщины, независимые и самоуверенные. Даже в школе, когда еще и мечтать о них не смел – до приобщения к шоколадной магии, – его тянуло именно к таким особам. Неужели ее деньги все-таки подкупили его?

Кэйд вошла в его лабораторию, уверенная в том, что купит его искусство для тиражирования в промышленных масштабах, и он вполне пристойно поставил ее на место. И вот всего через два дня Сильван позволил ей проникнуть на его мастер-класс. Да еще лично давал ей урок. Очень близко. Опустился до уровня полнейшего вожделения. К счастью, поварская куртка скрывала многое. «Но почему она уступила? – вдруг удивленно подумал он. – Почему не воспротивилась? Да, она позволила ему все».

На самом деле Кэйд не произвела на Сильвана впечатление легкодоступной особы.

«Уж не пытается ли она таким образом использовать меня, чтобы добиться какой-то своей цели? – размышлял он, показывая ей, как с помощью струн специальной кулинарной guitare[65] разрезать шоколадный пласт на кусочки. – Каким же идиотом я выставил себя!»

Увы, он имел слабость иногда поддаваться на уловки женщин типа Кэйд Кори. Ему казалось, будто победил свою слабость, но вчера вечером Шанталь ясно дала ему понять, что он опять валяет дурака. Сильван вспомнил ее дружеские, жалостливые взгляды, предостерегающее покачивание головы. Он вздрогнул. Кэйд Кори даже не знала, где он жил, ее интересовала лишь его лаборатория. Ведь она и не скрывала этого. По части подобных манипуляций со стороны женщин у него имелся богатый опыт. Причем Сильван понимал, что использовавшие его девицы зачастую даже не осознавали, что они делают. И если Кэйд Кори делает это сознательно, то по крайней мере в этом есть нечто новенькое. Хотя новизна не в счет.

Подобное идиотское поведение могло бы оправдать разве что

того отчаявшегося, долговязого юного романтика, каким он был, когда только учился добиваться легкого внимания стильных молодых красоток, соблазняя их шоколадом.

Даже в двадцать лет его идиотское поведение могло еще быть оправдано, но именно в те годы положение Сильвана изменилось, и он сообразил, что стал привлекательным для самых разных женщин. Ему понадобилось несколько лет, чтобы привыкнуть к этому, и еще несколько лет ушло на то, чтобы перестать расстраиваться, узнавая, что не все то золото, что блестит, поскольку нередко при ближайшем рассмотрении женский блеск оказывался фальшивым. Многие из женщин, выглядевших потрясающе красивыми и утонченными, жаловались на своих недостойных внимания мужей; некоторые не могли думать ни о чем, кроме себя любимых; а мысли иных были настолько убоги, что у него возникало ощущение, будто его засасывает в какую-то черную дыру. В общем, если женщины теперь легко увлекались им, то это еще не означало, что у них были тайные корыстные цели.

Лишь последние пару лет Сильван почувствовал, что достиг разумного уровня в своих романах, недоступной ему прежде относительной уравновешенности и невозмутимости. Он перестал обольщаться красивыми обертками, преподносить свое сердце на блюдечке с голубой каемочкой. Понял, что если хочет найти подлинное сокровище, то придется набраться терпения, не забывая при этом о собственной безопасности.

Однако ему не нравилось осторожничать. Осторожность была не свойственна его натуре. Хотелось найти близкую по духу личность и просто отдать ей всего себя, свое сердце, голову, тело. Чтобы дом заполнился ее щебетанием и запахом. Мечтал готовить вместе с ней на этой кухне, со временем завести детей. Те стали бы будить их каждые два часа, и они спотыкались бы о разбросанные ими игрушки.

Ему хотелось настоящей счастливой жизни.

И он вряд ли обретет ее, влюбившись в миллиардершу, которая и не пыталась скрыть, что просто намерена купить Сильвана и его жизненные достижения.

Настало время обеденного перерыва. Сильван вдохнул напоследок запах волос Кэйд и совершил один из труднейших поступков в своей жизни, если считать с того момента, как он много лет назад впервые открыл дверь собственной шоколадной кондитерской. Он отступился от Кэйд Кори.

Сильван не понимал толком своих побуждений: то ли он спасает самого себя – идиота, то ли наказывает ее за то, что она интересуется лишь его шоколадом, а не им самим – однако ему

удалось улыбнуться ей.

– Mersi, мадемуазель Кори, за то, что присоединились к нам утром. Но, боюсь, я не смогу позволить вам остаться на дневное занятие, поскольку оно включает детали, которыми мы не намерены делиться с широким кругом людей.

Она взглянула на него так, словно он ударил ее. Или, того хуже, притворившись соблазненным, сорвал с нее одежду, а потом самодовольно ухмыльнулся и, развернув ее к публике, представил на осмеяние множества любопытных глаз.

Кэйд пристально смотрела на него, излучая какую-то мощную, поднимающуюся изнутри силу. Его пульс участился, он готовился к какому-то бурному сокрушительному взрыву эмоций. Но она резко развернулась и решительно направилась к выходу. Молча. Не дав ему возможности выяснить, какая мощная сила скопилась в ней.

Сильван вдруг осознал, что следует за ней, надеясь услышать хоть слово. Он уже чувствовал себя несчастным. Ему не хотелось, чтобы она уходила.

Сильван просто… думал, что исключительно в его собственных интересах надо убедиться, что она ушла.

– Полагаю, мадемуазель, вы забыли снять нашу куртку, – напомнил он, когда Кэйд взялась за дверную ручку.

Она покраснела еще гуще и сдерживалась уже из последних сил, сжав зубы. Ее руки так дрожали, что она не смогла сразу расстегнуть пуговицы.

– Tenez[66], – взволнованно произнес Сильван, поднимая руки.

Он оказался идиотом. Сделал хуже себе.

– Позвольте, я помогу вам.

– Нет. Не… трогайте… меня. – Голос Кэйд дрожал от гнева, и руки Сильвана опустились. В нем вдруг проснулся четырнадцатилетний юнец, с которым не желают иметь ничего общего юные недотроги.

Остальные участники занятия с интересом наблюдали за ними, пока он тупо стоял, глядя, как Кэйд сражается с пуговицами, медленно расстегивая их одну за другой. Сильван удивился, почему она просто не сорвала куртку, выдрав с мясом все пуговицы, не швырнула ее на пол, возможно, еще бросив сверху пару банкнот за причиненный ущерб. Подобное поведение казалось вполне уместным для американской миллиардерши.

Наконец ей удалось снять куртку, а под ней обнаружилась нелепая бесформенная фуфайка. Сильван не смог удержаться от улыбки.

– Что это у вас за нарядец? Неужели вы заявились на мой

мастер-класс в ночной пижаме?

Таковы американцы! Куча денег и ни грамма вкуса.

Ее взгляд обжег его, точно пощечина, она бросила ему куртку и молча удалилась. Неловко вертя в руках куртку, Сильван смотрел ей вслед, понимая, какого свалял дурака. Только что он позволил собственному трусливому малодушию сделать из себя полного imbécile[67]. Невозможно подделать смущение. Неужели она была искренна с ним?

И вдобавок сознание того, что он больше не может по собственной глупости сводить Кори с ума, погубило остаток всего воскресного дня.

В его распоряжении имелся лишь номер телефона ее секретаря. А если Кори больше не вернется?

Глава 9

Это его вина, решила Кэйд, когда замешательство, едва ли не отягченное безграничным горем, начало спадать, и ему на смену она смогла взрастить в себе не менее сильное чувство мести. Ему некого будет винить, кроме самого себя.

На центральном парижском рынке вокруг фонтана, взлетающие струи которого падали в большой бассейн, гуляли туристы, влюбленные, блуждали голуби и бездельники. Большинство магазинов по воскресеньям закрывалось, придавая этому пространству еще более подозрительный вид, чем в будни. Заметив появление Кэйд, несколько мужчин начали приставать к ней с грубыми предложениями. Она делала вид, будто не замечает их, занятая поисками найденного в «Гугле» магазина. Его владелец, как сообщала реклама, воспользовался ослаблением ограничений на воскресную торговлю. Кэйд вошла в магазин.

Стены и витрины помещения заполняли разнообразные технические новинки стиля «хай-тек».

– Мне нужно купить…как это по-французски… двойную зрительную трубку, – сообщила она так уверенно, насколько возможно говорить подобное на иностранном языке.

Такую фразу она вычитала в словаре.

– Женскую двойную трубку, – пояснила Кэйд. Очевидно, мужчины не нуждались в биноклях.

– Bien sûr[68], – любезно ответил продавец, подходя к витрине с биноклями. – Какой вид вас интересует?

– Самый миниатюрный, но с самым большим увеличением.

Но долго ли она собирается торчать там, таращась на дверь мастерской Сильвана? Даже его дверь в бинокль будет казаться самодовольной и злорадной.

– И видеокамеру.

Тогда Кэйд запишет все действия с пультом охранной

системы, не помешавшись за целый день от созерцания Сильвана Маркиза, и сможет прокручивать запись по мере необходимости, чтобы выяснить код доступа.

– С хорошим «наездом»… – Как же по-французски слово «трансфокатор»?

Через полчаса Кэйд стояла у окна в своей квартирке, пытаясь правильно установить камеру с нужным увеличением, чтобы она отчетливо показывала панель пульта охранной системы, и закамуфлировать ее так, чтобы не привлекала внимания. Зазвонил ее мобильный.

– Ну, как дела? – спросил отец.

– Ах… отлично.

Кэйд спрятала за спину свою шпионскую камеру, словно он мог увидеть ее по телефону.

– Правда? Так ты подыскала приличного партнера для нового проекта?

– Я обсудила его… с несколькими возможными кандидатами, – ответила Кэйд. – Хотя пока не приняла окончательного решения. Ты же знаешь, мне хочется найти идеальный вариант.

– Ладно, дорогая, только не обещай никому многого. Ты же понимаешь, что сначала нам придется провести небольшое маркетинговое исследование. Наша компания издавна славится производством дешевого шоколада. И трудно сказать, что получится от вторжения в нишу парижского гурмана.

– А разве простые люди не заслуживают выбора в богатом ассортименте гурмана?

– Я же не говорю, что это провальный проект. Хотя начинаю подумывать, не понадобятся ли нам резервы денежной наличности для других целей.

У Кэйд екнуло сердце. Прижавшись лбом к холодному стеклу, она уныло поглядывала на улицу, где люди не желали подходить к двери Сильвана и набирать кодовое число, чтобы она смогла записать его.

Годами Кэйд подготавливала почву для своей задумки, дожидаясь благоприятной возможности внедрения новой линии продукции. Париж казался недостижимым, точно это окно было из непробиваемого стекла.

– У тебя появились новые предложения?

Какое это могло иметь значение, если она не сумела убедить ни одного из шоколатье выслушать?

– Дело в том, что мы уже обсуждали раньше. Если мы действительно намерены упрочить наше положение в Европе, то лучше всего добиться этого, откупив чей-то бренд типа компании

«Валрона» или ей подобной. Не создавая новую линию на пустом месте. А если решим увеличить наши продажи в Штатах за счет нового элитного шоколада, то нам вообще нет смысла приобретать какое-то парижское имя. Достаточно будет хорошего маркетинга с завлекательной рекламой, навеянной французским колоритом, но вполне узнаваемой потребителем, типа «Chocolat».

Но ни одно из этих решений не позволяло Кэйд вырваться за пределы компании Кори. Жить в Европе, наслаждаться удивительным Парижем с его дождями и мощеными улицами, с собачьими экскрементами на садовых аллеях и невероятной изысканностью витрин, с его волнующей богатой культурой и душистой роскошью свежего хлеба, чей запах просачивается на каждую улицу.

Эти решения не позволяли ей и приобщиться к кустарному производству в лаборатории, познав тайные наполнители шоколадных конфет из всех уголков земного шара. Научиться создавать их своими руками. А еще лучше – наблюдая за работой Сильвана Маркиза и пробуя его изделия.

– Пап, разве ты сам не одобрил мою идею? – Она продолжала вглядываться в уличную жизнь, чувствуя себя изголодавшимся ястребом, не способным… никого, даже крошечного улепетывающего в норку кролика.

– Просто ты давно этого хотела, милая.

Так что же получается? Если отец не считает это выгодным для дела, то какое значение могут иметь ее желания?

– Кстати, скажи-ка мне, считаешь ли ты рядовой тратой те пятнадцать тысяч долларов, что ты сегодня потратила на наряды? Твоя секретарша заявила мне, что ей звонили из кредитной компании по поводу больших снятий денег с твоей кредитки.

С чего это ее секретарша вздумала доложить о расходах отцу? Пятнадцать тысяч долларов? Похоже, Мэгги Сондерс не шутила насчет Кристиана Диора.

– Разве она сказала им, что лучше ограничить выплаты?

– Нет, лишь подтвердила, что ты шикуешь в Париже.

Проклятие!

– Но я-то как раз подумал, что можно было бы и ограничить. Поскольку полагал, что ты там занята делами, а не покупками в шикарных салонах.

– Мне захотелось немного отдохнуть, – соврала Кэйд.

Уж лучше покупки, чем ложь и подкуп ради чьего-то мастер-класса. Если отец узнает, насколько малы шансы реализации задуманной гурманской линии, то перекроет ей кислород.

– Папуля, это же Париж! И пока я здесь, мне приходится кое-что покупать.

– Я подозреваю, что ты еще не понимаешь, как этот город действует на человеческий разум.

Кто-то приблизился к задней двери в лабораторию.

– Прости, папуля, я должна бежать.

Отключив телефон, Кэйд схватила камеру.

Проведя тоскливый час наблюдений, она пришла к выводу, что сегодня люди редко подходили к лаборатории. И умудриться разглядеть кодовое число за мгновение, необходимое им для входа, оказалось гораздо труднее, чем ожидалось. Может, ей лучше осуществить другой план, и вместо того, чтобы сидеть тут как одержимой целый день, наблюдая за щеголеватой дверью самодовольного Сильвана, просто предоставить видеокамере выполнить свое предназначение?

Кэйд замерла. Она узнала особу, приблизившуюся к витринам кондитерской, и теперь следила за ней. Пурпурный брючный костюм исчез, зато не менее выразительно бросался в глаза новый бордовый наряд, украшенный перьями. Установив камеру на треногу, Кэйд быстро навела ее на панель охранного пульта и включила режим записи на случай, если кто-нибудь заявится туда и наберет код, а сама выскочила из квартиры и сбежала по лестнице вниз.

Пять лестничных пролетов со ступеньками примерно два дюйма высотой. Полустертых подошвами посередине. Она не сомневалась, что долетела до первого этажа целой и невредимой только потому, что Бог в этой битве был на стороне «Шоколада Кори».

– Привет, а я как раз пришла забрать свой паспорт, – весело прощебетала Мэгги Сондерс.

Ее талию опоясывал широкий кожаный ремень с фирменной в классическом стиле пряжкой Диора с рельефной буквой D. Похоже, ее сделали под платину, или это действительно драгоценный металл?

– Пятнадцать тысяч долларов? – произнесла Кэйд. – Неужели вы без малейших угрызений совести облегчили мою кредитку на пятнадцать тысяч баксов, чтобы отказаться от мастер-класса, стоившего пару тысяч?

Мэгги пожала плечами и вытащила из сумочки кредитку Кэйд.

– Вы сами предоставили мне ее на день. И я не видела причин не воспользоваться такой удачей. Вы же не страдаете угрызениями совести, покупая все, что вам угодно.

– Я не грешу аппетитами Пэрис Хилтон, – отозвалась Кэйд, быстро забирая карту.

Она встречалась с Пэрис, но между ними не было ничего

общего, кроме денег. А это не настолько ценный показатель общности, как можно подумать.

– И для меня многовато выплатить пятнадцать тысяч долларов за один мастер-класс по изготовлению шоколада.

– Ну, по-моему, ваши часики стоят гораздо дороже. – Мэгги выразительно посмотрела на усыпанный бриллиантами шедевр на руке Кейд, охваченной белым кожаным ремешком. – Просто обменный курс оказался не слишком выгодным. Но позднее мне повезло.

Кэйд смерила ее взглядом, подумав, что не заблокировала карту из-за моральных сомнений по поводу разрыва заключенной сделки.

– Так вы полагаете, что это взаимовыгодная сделка?

Мэгги пожала плечами.

– У вас есть деньги. А я имела предусмотрительность сразу записаться на этот мастер-класс, чтобы попасть сюда. К тому же не забывайте, что вы сами предложили мне сделку, предоставив карту на день.

Кэйд скрипнула зубами.

– Мне даже не позволили остаться в мастерской на целый день. И я не сумела занять ваше место. Вы можете вернуться завтра.

Завтра жизнь в этой лаборатории опять будет бить ключом, и участники мастер-класса убедятся в этом. Но не она. Сильван Маркиз отправил ее в изгнание.

– Правда? – просияла Мэгги. – Ой, а знаете, что пришло мне голову? Я очень тосковала с тех пор, как муж покинул меня, но предчувствовала, что в Париже мне обязательно повезет! Я даже подумала, что сам Господь подсказал мне поехать сюда. Мой пастор сомневался, но сама-то я чувствовала свою правоту. И Он послал мне вас.

Забавно, всякий раз, когда кто-то благодарил Бога за нее, это случалось потому, что они получали приличную сумму денег. Обычно, конечно, эти деньги предназначались на благотворительность. Досада Кэйд исчезла. Может, действительно Господь послал ее в помощь этой дамочке в нелепом пурпурном брючном костюме, чтобы отыскать новый путь в жизни? Не слишком ли щедрая помощь?

– К тому же вы так же великодушны, как мои алименты! – радостно воскликнула Мэгги Сондерс.

– Достаточно, спасибо! – бросила Кэйд и, развернувшись, направилась обратно к своему дому.

«По крайней мере ты сделала доброе дело, пусть и заплатив за него почти двадцать тысяч баксов, – мысленно утешила она

себя. – Помогла кому-то развеяться после развода».

– Пожалуйста, не стоит благодарности! – крикнула ей вслед Мэгги.

Удержавшись, Кэйд не стала биться головой о непробиваемую стену и, захлопнув за собой дверь парадной, похромала вверх по лестницам. Колени ныли после головокружительно слаломного спуска за своей кредиткой.

Сильвану Маркизу придется за многое ответить. Это его вина.

– Тридцать тысяч долларов? – потрясенно воскликнула Кэйд, разговаривая по телефону и не сводя глаз с двери в лабораторию на противоположной стороне улицы. – За одно утро вы выдали с моей карты тридцать тысяч, и вам не пришло в голову приостановить выплаты?

– Мисс Кори, мы узнали, что вы в Париже! И разумеется, сочли, что вы могли себе позволить потратить деньги у Диора и Эрме.

Разумеется… Кэйд усомнилась в своей адекватности миру. И даже в адекватности всех ее родственников. Ей расхотелось приобретать парижские изыски в бутиках на рю Фобур де Сент-Оноре. Правда, она туда еще даже не заглядывала.

– Разве я когда-нибудь тратила за одно утро тридцать тысяч?

Внизу на улице появилась блондинка. Может, вчерашняя подружка Сильвана? Кэйд вздрогнула, загораясь надеждой, смешанной со страхом. Неужели ей известен код?

– Нет, но вы же в Париже, – ответила сотрудница кредитной компании с завистью.

Такую же зависть обычно испытывала и Кэйд. Париж, мировой символ романтичной жизни!

– Вы намерены опротестовать эти выплаты? – любезно спросила женщина, словно это не подразумевало головной боли для всех них.

– Нет, не беспокойтесь, – вздохнув, ответила она. – Картой пользовалась одна моя знакомая.

Молчание предполагало, что подобные наглые знакомые у богатых действительно встречались.

– Но вы можете заблокировать карту сейчас и срочно доставить мне новую через «Федерал экспресс»?

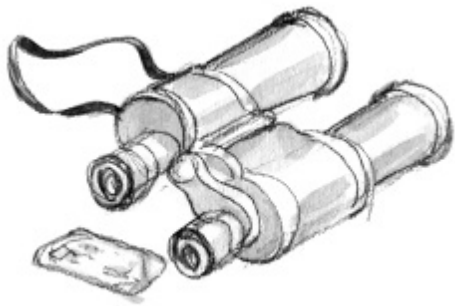
– Конечно, – ответила женщина профессионально поставленным нейтральным тоном, даже испытывая облегчение от того, что солидный клиент не поставил в вину компании опрометчивую выплату тридцати тысяч долларов без подтверждения владельца карты. – Она будет у вас завтра утром.

– Отлично.

Кэйд бросила телефон на кровать и протерла линзы бинокля.

Блондинка Шанталь остановилась перед дверью лаборатории. Кэйд хватило выдержки, чтобы не отшвырнуть бинокль: Шанталь действительно знала входной код. Безупречная, красивая chic Parisienne[69] знала заветную формулу «сезам, откройся», открывающую доступ в волшебную пещеру.

Похоже, Сильван Маркиз нагло позабавился с Кэйд. Или, что еще хуже, действовал по привычке.



Глава 10

Улицы Парижа облачились в черный вечерний плащ, подобно парижанкам, нарядившимся для развлечений, – скользящие черные платья облегали их тела, переливаясь и поблескивая. Париж натянул ажурные черные чулки на изящные ножки, добавил черные туфли, и их высокие каблучки звонко зацокали по тротуарам. Дома расцветились гирляндами драгоценных огоньков – серьгами, браслетами, приглушенным блеском макияжа, блеском пудры.

Кэйд стояла у окна, глядя на этот сверкающий обещаниями вечер из-за проклятого оконного стекла. Наблюдала за вечерним весельем до полного его изнеможения, пока драгоценности не начали исчезать, беспечно брошенные на прикроватные тумбочки, – огни квартир гасли, цокот каблучков затихал, и ноющие ноги обретали блаженство под теплыми одеялами.

И вот она увидела, как погасло окно последнего бессонного страдальца, и на улице остались лишь строгие силуэты фонарей, выхватывающих из мрака лужицы янтарного света. Прекратилось движение машин. Давно удалился последний прохожий, еще один подвыпивший гуляка, и улочка под окнами опустела и затихла. Полное безлюдье устраивало ее; чем дольше оно продлится, тем больше вероятности, что у нее хватит смелости покинуть свое затворничество. Да, вот так проводила Кэйд очередной одинокий вечер в романтическом, мечтательном Париже, на сей раз в своей комнате. Город уже внушал ей страх, не позволяя оробевшей душе отправиться одной в ресторан или прогуляться в полночь вокруг Эйфелевой башни.

Более того, ей страшно выйти в Париж ночью, чтобы осуществить задуманный план мести. Мысленно поздравив себя, Кэйд выглянула из окна на затихшую улицу, сознавая, как бездарно проходит ее жизнь в Париже, хотя…

Она решительно развернулась и направилась к лифту.

Дубликат, сделанный с украденного ключа, подошел к двери в лабораторию Сильвана. После четырех попыток ей удалось набрать правильный код, его возможные варианты Кэйд вычислила с помощью просмотра записи видеокамеры и наблюдения в бинокль, но лишь четвертый вариант совпал с той волшебной открывающей комбинацией.

Дверь с тихим щелчком открылась, но Кэйд медлила, изумляясь собственному безрассудству, подвигнувшему ее на опасную авантюру. От выброса адреналина кровь быстрее побежала по жилам. Чувствуя стеснение в груди, она с трудом перевела дух.

Темная лаборатория манила разнообразными таинственными возможностями. Заглатывая мелкими порциями сырой воздух, Кэйд уловила запах шоколада, просачивающийся сквозь дверную щель. Переступив через порог, она бесшумно закрыла за собой дверь.

В лаборатории царила тишина. Сердце Кэйд колотилось, и она, прижав руки к груди, попыталась восстановить дыхание. Не хватало еще хлопнуться в обморок и грохнуться головой о мраморный стол, чтобы утром тут обнаружили ее труп. Глупо умереть здесь от неудачного падения и невыносимо даже представить, какой тогда разразится скандал.

С каждым вздохом сильный запах шоколада проникал в нее, порождая эйфорию, сходную с наркотическим кайфом. И этот наркотик она впитала еще в материнском чреве: теобромин. Натуральный антидепрессант.

Правда, отец говорил, что большую часть беременности мама провела в их пляжном коттедже, поскольку ее ужасно тошнило от приторного и пропитанного шоколадом воздуха в городке Кори. Странно, учитывая, как сильно полюбила Кэйд шоколад практически со своего первого вздоха. Первыми написанными ею словами стали: «Кэйд Кори» и «шоколад». Папа вставил те листочки в рамочку и повесил в своем кабинете.

Интересно, долго ли она не увидит отца, если ее арестуют за кражу со взломом?

С силой вдавив ладони в живот, она напомнила Сильван Маркизу, что во всем виноват он сам. Напомнила, разумеется, мысленно. В данный момент его физическое присутствие могло обернуться чудовищным злосчастьем. Французские тюрьмы… Нет уж, ей совершенно не хотелось попасть во французскую тюрьму.

Вдобавок реальное присутствие Сильвана Маркиза имело тенденцию выбивать Кэйд из колеи. Его близость почти лишала ее мыслительных способностей, и она выглядела как идиотка. Заливающаяся краской идиотка. Кэйд надоело терпеть унижение,

чувствуя себя жалкой неотесанной американкой, мечтающей урвать крохи со стола изысканной французской культуры. Увы, она представляла Сильвана Маркиза более покладистым. К тому же вряд ли способным упрятать ее в тюрьму.

Отвергнув образ паиньки, Кэйд воображала, как он глумился над ней, презрительно скривив свои чувственные тонкие губы. Издевался самыми изощренными способами, достойными в ее понимании лишь смехотворной карикатуры. Одним только быстрым оценивающим взглядом с легкими лучиками морщинок, расходящихся от его шоколадных глаз, он ставил под сомнение само ее бесполезное и никчемное существование.

Вспомнить, к примеру, как Сильван выгнал ее с мастер-класса. Будто решил, что бесполезно потратил на нее целое утро, соблазняя своей близостью и дразня вкусом шоколада. И больше всего уязвляла как раз утонченность этого издевательства. Олимпийское спокойствие! Щит его презрения не пробьет стрела страсти! Он заправил за ухо шелковистые локоны своих черных волос и вновь воззрился на соблазнительный податливый шоколад, мгновенно выкинув из головы то, что Кэйд посмела осквернить святилище его духа. Она не сомневалась, что, поправляя волосы, Сильван оставил на лице легкую шоколадную отметину.

Но картина воображаемой мести сменилась мелодрамой. Ей захотелось самой стереть шоколад с его лица. А потом облизать палец.

Кэйд вдруг заметила, что уже покусывает свой палец. Опомнившись, она вытащила палец изо рта, вытерла его о джинсы и, прищурившись, огляделась.

Увидев на крючке вешалки объемистую поварскую куртку, Кэйд вернула на место украденный ключ и двинулась дальше по коридору, сунув дубликат ключа в свой задний карман. Оказавшись посреди лаборатории, она сумела забыть о Сильване Маркизе. Хотя кого она хотела обмануть? Невозможно забыть его, блаженствуя в его святая святых. Вернее, он сам волшебным образом погрузился в темные глубины ее сознания, и его глаза посверкивали оттуда, напоминая, что он по-прежнему там, создатель представшего перед ней очаровательного мира. Целого мира, окружавшего ее сейчас. Каким-то магическим заклятьем из детской сказки он создал дивный мир, и Кэйд, нарушив все запреты, вступила в это царство.

Всю свою жизнь она прожила в шоколадной империи, но не видела ничего подобного тому, что обнаружила в мастерской Сильвана Маркиза. Здесь все казалось идеальным воплощением творчества, ошеломившим ее своей реальностью. Сердце опять

учащенно забилось, точно рвалось из груди, готовое взлететь к небесам или пролиться счастливыми слезами. Кэйд ощутила себя ребенком, мечтавшим о невиданных чудесах и вдруг оказавшимся посреди чудесного волшебного леса. В глубинах деревянных полок, причудливых теней и блестящего черного мрамора таилась волшебная утварь – отмытые до блеска стальные кастрюльки и ковшики, ожидающие завтрашнего дня. Завершенная магия дня нынешнего отстаивалась на одном из столов в стопках коробок шоколадных конфет. Завтра они попадут в застекленные прилавки магазина или отправятся в холодных пакетах в чьи-то роскошные дома, осчастливив их обитателей.

Кэйд подошла к полке с экстрактами. В полумраке ее содержимое стало едва ли более понятным, чем при дневном свете, когда она видела все издалека во время занятия. Темнота скрывала этикетки. Кэйд провела пальцем по одной из них и, прищурившись, в слабом, проникавшем с улицы свете разглядела слово «citron». Открыв пробку, она вдруг испугалась, что лимонный джинн вырвался на свободу, его сущность витала в темноте, подавив на мгновение даже запах шоколада. Пока Кэйд закупоривала бутылочку, капля эссенции смочила ее палец, и она понесла ее с собой к другим стеллажам.

Она выпускала на волю знакомые ароматы, открывать баночки и бутылочки было легче, чем прочесть этикетки. В очередной склянке что-то тихо постукивало, и, открыв ее, Кэйд уловила тонкий, пряный запах. Ее палец коснулся знакомых округлостей перчинок. Другая склянка слегка озадачила ее духом лакричника. Она нащупала шероховатые звездочки… звездчатого аниса. С ванилью было просто. Не удержавшись, Кэйд взяла один стручок и, проведя пальцем по лощеной шероховатой поверхности, вдохнула его аромат. На ящике с поварскими мешочками проглядывала надпись «Tahiti» – клеймо отпечаталось так жирно, что она различила его даже в полумраке.

Лимонно-ванильный шлейф опустился вслед за ее рукой в большой джутовый мешок с клеймом «Иран». Ладонь сжала округлости необычайно плотной, приятной фактуры. Фисташки. Зажав в кулаке горстку орешков, Кэйд вытащила руку и закинула в рот несколько ядрышек, приобщившись к их свежему вкусу, так же, как минутой раньше запечатлела на пальцах ароматы лимона и ванили.

На ящике с миндалем отпечаталась надпись «Перигор». Опять набрав горстку, она разгрызла орешек, а остальные соскользнули с ее ладони обратно в ящик.

Всюду вокруг нее, в каждой причудливой тени, прятался здешний чародей. Разумеется, сам он там не скрывался. Интуиция

подсказывала Кэйд, что он мирно посапывал дома или бодрствовал… с Шанталь – передернулась она. Но незримо он находился здесь. Наблюдал, как она изучает его алхимическую пещеру. Его глаза поблескивали из темных недр.

Кэйд скрылась от его глаз в большой холодильной камере, где обнаружила огромную палитру сливочной продукции: crème fraîche, crème fleurette[70] в бумажных пакетах или стеклянных бутылках, похоже, доставленных с какой-то маленькой частной фермы. Ей захотелось налить сливки в котелок, добавить таинственных ингредиентов из темной склянки и выяснить, какими летучими ароматами повеет оттуда, какое волшебное зелье удастся ей сотворить. Кэйд оглянулась, почти ожидая увидеть стоящего на пороге холодильника и наблюдающего за ней Сильвана Маркиза.

А вот и нет. Никого нет. Трепет ожидания, однако, взбудоражил ее очередным всплеском адреналина. Рядом со сливками громоздились бруски масла в обертках с неизвестными ей французскими названиями. Даже масло Сильван получал с маленьких, тщательно выбранных маслобоен. Вероятно, улавливал различия даже в том, какой травой кормили коров, и делал соответствующий выбор.

Словно испугавшись колдовских щупальцев, способных обездвижить ее, Кэйд бросилась к следующему проходу с ощущением, что цепкие усики уже обвиваются вокруг ее лодыжек, исполняя волю заговора. Магические сети могли полностью опутать ее, отдав в его власть. И кто знает, что он тогда сделает с ней?

Пригнувшись, Кэйд нырнула в очередной дверной проем, точно пыталась запутать следы в глубинах его владений. Она уловила изменение окружающей среды, подобно страннику, распознавшему, что приближается к дому по знакомым приметам, такая же температура поддерживалась на их обширных и ароматных фабричных складах – пятьдесят пять градусов по Фаренгейту[71], идеальная для хранения вина и шоколада.

Здесь ее обступили огромные темные тени. Включив крошечный фонарик, Кэйд обнаружила запасы белых, темных и молочных заготовок. Попробовала что-то наугад и ощутила горчайший вкус, вызвавший приток слюны. Что, интересно, сотворит завтра из этой горечи Сильван Маркиз? Во что он превратит исходную массу и как ему удастся придать конфетам волшебный вкус, наполнявший блаженством все ее существо?

Она прошла чуть дальше и замерла, по ее коже побежали мурашки. Вокруг находились творения, созданные после ее ухода, во второй половине дня – ряды шоколадных форм, оставленные

для охлаждения до семнадцати градусов. Завтра им придадут изысканную завершенность, ловкие, затянутые в перчатки руки уложат их в фирменные коробки и продадут по сто двадцать долларов за фунт. Кэйд уже протянула руку к одной формочке, когда вдруг раздался звонок. Это ее мобильный! Она чуть не подпрыгнула до потолка! Обезумев от страха, лихорадочно огляделась, словно среди шоколадных подносов притаился страж порядка, который наденет на нее наручники.

– Пап, – прошептала она. – Что случилось? У нас тут уже полночь.

– Прости, я всегда забываю, что у тебя там другое время. Вот и подумал, что сейчас в Париже, как и у нас, день. Я разбудил тебя, милая?

– Нет, я…

– А тогда почему ты бодрствуешь? Надеюсь, не работаешь по ночам? Или ты в ресторане? Кстати, ты уже связалась с Клодом де Сен-Леже?

Кэйд обвела взглядом стеллажи.

– Я… мне пока некогда…

Очень жаль, что ей позвонил не дед. Дедушка Джек пришел бы в восторг от ее авантюры. Пожалуй, даже мог бы срочно организовать самолет и прилететь к ней в Париж на помощь. Но отец, отягченный постом президента одной из крупнейших компаний Америки, не одобрил бы корпоративное преступление, по крайней мере, если таковое грозило арестом и пагубной известностью. Хотя совершенно иначе он относился к незаметному маркетинговому жульничеству с компанией «Марс».

– Нет, что-то ты темнишь! Признавайся, ты все еще трудишься в воскресную ночь в Париже? – Ее отец, расчувствовавшись, рассмеялся. – Да, ты – моя дочь. Кэйди-Ко, милая, постарайся хоть там отдохнуть. Это полезно. – Он произнес последние слова таким тоном, словно пытался убедить себя, что иногда полезно не работать.

Кэйд просунула ноготок в одну формочку и вытащила темную конфетку. Положив ее в рот, она прикрыла микрофон телефона рукой, чтобы не выдать себя причмокиванием. Может, рай находится не на небесах, а в райской шоколадной конфетке? В одной-единственной, дарующей наслаждение шоколадной конфете. Адреналин обострил ее вкусовые ощущения от шелковистой нежности тающей на языке сладости. Но как посмел Сильван Маркиз так подло поступить с ней?

– Послушай, милая, я звоню тебе, потому что меня заинтересовал твой анализ состояния компании «Девон канди». По-моему, сейчас она выглядит на редкость заманчиво, и мы

могли бы лишь слегка задействовать наши кредиты для ее покупки.

«Девон канди». Основанная в Англии сеть кондитерских фабрик, доминирующая на азиатских рынках, типа Индии, и удерживающая крепкие позиции среди дешевой массовой продукции шоколадных конфет в Европе. Кэйд вспомнила те батончики, что видела в аэропорту Лондона, яркие упаковки привлекали особое внимание к этим облитым шоколадом конфетам.

Если бы они приобрели «Девон канди», то ей пришлось бы остаться здесь, обосноваться в Европе. Миллиарды шоколадных конфет, изливающиеся в формы, ежедневно пакуются и отгружаются миллионными партиями. Так же, как продукция компании Кори.

Кэйд потерла переносицу и произнесла:

– Надо более обстоятельно изучить данный вопрос. Мне казалось, что нам выгоднее открыть собственную эксклюзивную линию, сделав новый шаг на рынок.

– Не уверен. Ладно, действуй, разберись досконально с «Девон канди» и свяжись со мной утром. А как ты полагаешь…

Кэйд даже не заметила, как увязла в деловом разговоре, стоя посреди шоколадной кондитерской, в которую тайно проникла. Она растерялась, словно Аладдин в волшебной пещере, вдруг остановленный и вовлеченный в детальное обсуждение корпоративных приобретений. Лишь через полчаса ей удалось завершить разговор с отцом. К тому времени она уже перепробовала шоколад из всех формочек. С жадностью, не способная остановиться, точно боялась, что в любой момент их могут отнять у нее.

Учитывая содеянное, Кэйд вполне могла попасть в тюрьму. А уж в тюремной камере никто не подумает обеспечить ее шоколадными изысками Сильвана Маркиза. Кэйд попробовала одну конфетку с отпечатанным на ней крошечным цветочком, блестящий рифленый холмик в форме конуса, украшенный шоколадной крошкой, будто игривое воспоминание о детском усыпанном орешками сливочном мороженом в вафельном рожке. Рот наполнился нежнейшим мятным вкусом шоколадно-сливочной начинки.

Она выключила телефон и сунула его в карман.

Шоколадная магия таяла на ее языке, растекаясь по всему телу. Теплый, роскошный сладкий вкус резко усилил выброс адреналина в кровь, и внезапно ее захлестнул… чувственный вал сокровеннейшего желания. Безрассудное, неудержимое вожделение, словно из темных глубин волшебной пещеры вдруг

блеснули чарующие глаза Сильвана, и сам он, выйдя из мрака, уже протягивал к ней руки, чтобы увлечь на черный мрамор столешницы и…

Кэйд проглотила растаявшую конфету, вздрогнув, волоски на спине колыхнулись, послав от затылка щекочущую волну вниз, к ее лону, и даже чуть глубже, порождая желание подчиниться его власти.

Опомнившись, Кэйд продолжила исследование лаборатории, подойдя в двери, за которой находился кабинет.

На письменном столе она не обнаружила никаких рецептов. Лучик ее фонарика осветил содержимое шкафов. Никаких папок с надписью «Секретные ингредиенты». На одной папке, заметив надпись «Recettes»[72], Кэйд обрадовалась, подумав, что внутри могут лежать рецепты, но там не оказалось ничего подобного. В других папках содержались сведения о сотрудниках и счета от разных поставщиков. Присев к столу, Кэйд занялась изучением ноутбука.

В ее снах Сильван Маркиз записывал рецепты колдовскими рунами на пергаменте, но компьютер, разумеется, был настоящим. Когда он включился, на экране появилось окно регистрации. Кэйд начала с простейших паролей доступа: «администратор», «Sylvain, Sylvain Marquis», и пароль «chocolat». Но ничего не открылось. Ввести дату его рождения? Она могла, естественно, изучить собранные о нем сведения и вернуться сюда завтра. Кэйд сделала вид, будто не заметила, как сладко заныло тело от одной мысли о завтрашнем возвращении. Ей не хотелось так быстро уходить, расставшись с ощущением греховной власти и восхитительной опасной мечты в то, что воображаемый чародей вот-вот материализуется из ночного мрака своих владений. Вытащив из его стола лист бумаги, она долго сидела, старательно записывая открытые ингредиенты в надежде на то, что специалисты компании «Шоколад Кори» смогут вычислить по ее списку тайны процесса производства. Но чародей так и не показался, а сама она в итоге ретировалась знакомым уже путем, испытывая странное разочарование.

В самый последний момент, проходя мимо шоколадных коробок, Кэйд остановилась и забрала одну, две, три, четыре… В общем, сколько сумела унести. Нет, она вовсе не собиралась воровать их. Но удержаться не смогла. Ей хотелось вновь полакомиться его шоколадом, и это был единственный способ избежать очередного унижения. Завтра она явится, как все прочие клиенты, позволив ему увидеть, как она покупает его вкусности.

Кэйд еле удержалась, чтобы не взять пятую коробку, и оставила ее лишь потому, что представила, как коробки

вывалятся у нее из рук при пересечении улицы.

Украдкой она взбиралась обратно в свою берлогу, свою затворническую башню, унося добытый трофей и предвкушая, с каким злорадным торжеством скоро будет помирать со смеху.

Глава 11

Открыв утром помещение, Сильван сразу заметил, что пропало четыре коробки шоколада. Он замер. Вчера он последним ушел после вечерних занятий и сегодня первым вернулся, поэтому… странная недостача сразу бросилась ему в глаза. Паскаль и Бернар знали входной шифр и тоже хранили ключи, но с чего бы им было тайно возвращаться и украсть конфеты?

– Непонятно, – пробормотал он.

– Что случилось? – поинтересовался Кристоф.

Сильван пригласил Кристофа, кулинарного блогера, в свою лабораторию, после того как тот настрочил восторженный отзыв о посещении кондитерской.

– Исчезло несколько коробок шоколада, что мы приготовили вчера, – пояснил он и огляделся, ожидая увидеть их где-нибудь в другом месте.

– Шоколадный вор? – заинтригованно спросил Кристоф. – По-моему, я только что придумал третье выгодное применение своим талантам. Представьте, как интересно тайно проникнуть ночью в лаборатории, чтобы стащить изысканный шоколад!

– Но зачем: чтобы насладиться его вкусом или выгодно загнать на marché noir?[73]

– По правде говоря, хороши оба варианта, – блаженно вздохнув, отозвался Кристоф. – Вы могли бы преуспеть на черном рынке, если бы не съедали все остатки до крошки.

– Да. Но тогда нашему вору следовало украсть гораздо больше четырех коробок, – высокомерно заявил Сильван.

Никто никогда не ограничивался одной коробкой его шоколадных конфет. Никогда, с тех пор, как ему исполнилось шестнадцать лет.

Может, эти коробки просто… Он силился придумать разумное объяснение. Накануне уходил последним и сегодня

первым вернулся. Разве мог кто-нибудь переложить их куда-то, продать или забрать домой?

Сильван поспешил в свой кабинет проверить компьютер, но убедился, что ноутбук не тронули и он, как обычно, лежит на его столе. Или все-таки трогали… Шоколадный отпечаток большого пальца. Хотя в этом не было ничего необычного, он сам частенько оставлял шоколадные отпечатки на документах, работая за столом. Однако этот отпечаток был меньше, чем его. Сильван приложил рядом с ним свой палец и сравнил.

Когда он вернулся в центральное помещение лаборатории, Кристоф приглядывался к обстановке, загадочно улыбаясь и поглаживая одну из мраморных столешниц.

– О чем задумались? – спросил Сильван.

– Пытаюсь представить, кто мог украсть шоколад, – с тихой радостью ответил кудрявый блогер. – Вкус у него, безусловно, недурен, раз он решил своровать шоколад именно у вас.

– У нее, – поправил Сильван, вспомнив размерчик того шоколадного отпечатка.

Глаза Кристофа заискрились.

– Вот как? Превосходно.

Брови Сильвана приподнялись.

– Ну разве вас это не радует? – воскликнул Кристоф. – Похитительница тайно проникает в вашу сокровищницу, чтобы украсть драгоценный шоколад! Неужели вам не хочется спрятаться здесь на ночь, чтобы застукать ее, так сказать, en flagrant délit?[74]

Рот Сильвана открылся и закрылся. Да. Хорошая мысль.

– По-моему, мы несколько поторопились с выводом о воровском набеге. Я уверен, что у этой пропажи есть более невинное объяснение.

Никому не придет в голову, кроме… одной его взбалмошной знакомой, безумной преступницы… Что за глупость: украсть шоколад, но оставить лэптоп? Наверное, такая особа подошла бы ему в жены. Он уже чувствовал, как влюбляется в саму эту идею. Сильван размечтался, представив ее в обтянутых черных кожаных брючках.

– Жаль. А какая была бы гениальная статья! – заметил Кристоф. – А можно мне спрятаться тут и схватить ее? Вряд ли вы сами захотите тратить время.

«Для кулинарного блогера, пусть даже знаменитого, которого пригласили сюда в виде особого одолжения, Кристоф не проявил и толики смиренного понимания и почтения», – подумал Сильван. Последнее время кулинарные блогеры стали весьма gonflés[75]. Напыщенные болваны.

И если уж сюда действительно проникала похитительница – в чем он сильно сомневался, – то именно ему самому следует поймать ее с поличным.

Через несколько часов на страничке веб-журнала Кристофа появился заголовок: «Voleuse de Chocolat chez Sylvain Marquis!»[76]

Кэйд, настроившая свою поисковую систему в «Гугле» на оповещение о любых новых сообщениях в Сети с упоминанием имени знаменитого шоколатье, взглянула на такое обновление и вздрогнула. Какие скорости! Она прочитала сообщение, содержание которого в основном свидетельствовало о хорошем воображении автора.

«Украла ли шоколад Сильвана Маркиза преступная группировка? Когда я оказался там сегодня утром, Сильван Маркиз обнаружил пропажу четырех фирменных коробок и маленький шоколадный отпечаток женского пальца на своих документах. Неужели какая-то поклонница тайно проникла в его царство, чтобы украсть любимые шоколадные конфеты? Если так, то эта воровка мне по душе. Полагаю, я мог бы влюбиться в нее».

Она оставила отпечаток пальца? Ну, на самом деле она, вероятно, оставила там много следов своих пальчиков, только не все испачканы шоколадом. Но отпечатки ее пальцев пока нигде не засветились, и если отныне ей придется постоянно носить перчатки, то это может порядком испортить жизнь. Кэйд мысли не допускала, что какая-то материя встанет между нею и теми гладкими совершенными конфетами.

Почти без угрызений совести она отметила, что это маловероятно Да, она собиралась вернуться. Если, конечно, ее не поймают слишком быстро.

Дальше в блоге сообщалось о прочих подробностях визита. Сильван научил Кристофа, блогера веб-журнала «Гурман», как готовить апельсиновые цукаты в шоколаде. Эти подробности вызвали у Кэйд желание оттаскать за волосы как пронырливого блогера, так и самого Сильвана Маркиза.

Как раз всему этому ей и хотелось научиться самой. При ярком свете дня запустить руки в мешки с волшебными ингредиентами, выложить апельсиновые цукаты из Испании на стол и выяснить, как облечь эти блестящие красочные дольки в глянцевую оболочку черного шоколада. Постичь шоколадную магию, будучи благодушно приобщенной к ее тайнам. А вместо этого она слепо шарит там под покровом ночи, пытаясь выведать все это самостоятельно. Чем Сильван виноват в том, что ей пришлось украсть вожделенные конфеты. Кэйд с удовольствием заплатила бы за все. Реально высокую цену. Если же за деньги нельзя купить желаемое, то его приходится красть. Логично?

А если ему что-то не нравится, то пусть винит самого себя – ведь это он не пожелал поделиться.

Сильван, который не отслеживал в «Гугле» упоминание своего имени, но зато получил от любезного Кристофа на свой почтовый ящик ссылку на новое сообщение о нем в гурманском блоге, с досадой прочел первый абзац. Что подразумевал наглый блогер, заявив, что эта любительница ему по душе? Что он имел в виду, заявляя, что мог бы в нее влюбиться?

Наглость! Если эта преступница реальна, что невероятно, то она жила именно в его воображении. Не в воображении Кристофа. Он, Сильван, влюбился в нее. Кристофу надо было продолжать трепаться о лабораториях любых других шоколатье ради получения личного приглашения. Зачем примазываться к тайне Сильвана?

В следующий раз, когда Кэйд проверила свою почту, вернувшись с долгой прогулки по Сене и своеобразной медитации в соборе Нотр-Дам в попытках настроиться на восприятие красот Парижа, там оказались новые уведомления от «Гугла». В основном в них обсуждалась тема Похитительницы Шоколада.

В ужасе она прикрыла ладонью рот. Эта статья оказалась популярной среди кулинарных блогеров. Кэйд вновь преодолела языковой барьер. Кулинарная рубрика модного лондонского журнала «Элль» сразу же подхватила эту тему, усилив ее множеством восклицательных знаков, не залежались отклики и у англоязычных блогеров в Париже, а чуть позже и у их американских и английских собратьев.

«Элль» даже выдал на своих страницах милую сексапильную карикатуру Похитительницы Шоколада, изобразив, как она крадется на цыпочках, унося в руке мешок шоколадных конфет. Воображение карикатуриста вырядило эту особу в костюм женщины-кошки, а-ля Мишель Пфайфер.

Может, Кэйд все-таки обзавестись обтягивающими кожаными легинсами?

Другая блогерша, француженка, придумала оригинальный рецепт шоколадного десерта, назвав его «Похитительница шоколада». Почти одновременно некая американка сообщила о шоколадном кексе с двойной начинкой под французским названием «La Voleuse»[77].

Оставшиеся пятьдесят писем в почтовом ящике Кэйд были посвящены рабочим вопросам, которые подчиненные не могли сами решить в ее отсутствие. Но Кэйд, сочтя, что у нее есть другие неотложные дела, решительно отправилась за покупками.

Уж если Мэгги Сондерс могла порадовать себя за ее счет, то она тем более имела на это право.

– Что значит, не можете продать мне…

Не зная, как объяснить по-французски «миниатюрную шпионскую видеокамеру», Кэйд показала ее размер, сведя вместе большой и указательный пальцы, и знаками объяснила французскому продавцу, какая вещица ей нужна. Что же происходит тут с французами, почему они отказываются продавать товары? Это наносило существенный удар по более чем обеспеченным покупателям.

– C'est illégal[78], – невозмутимо ответил он. – Подобных видеокамер нам больше не поставляют.

Ну, это все же нечто новенькое в ее общении с негодными французскими продавцами. Раньше ей отказывали без объяснений; и право на такой отказ, казалось, доставляло им особое эгоистичное удовольствие.

– А как насчет устройств записи голоса? – Кэйд приложила ладони к ушам, зная, что можно воспользоваться французским глаголом «подслушивать», но предпочла продолжить разговор на языке жестов.

Может, Сильван Маркиз, разрабатывая новые рецепты, наговаривает их на диктофон? Подобно одержимому ученому или алхимику.

– Да, такие у нас есть. – Продавец показал ей несколько подслушивающих устройств размером с крошечный айпод.

– En petit[79], – Она вновь соединила пальцы.

– Non, – чопорно повторил он, – c'est illégal.

«Через какое время, – подумала Кэйд, – радивые служащие доложили бы отцу, если бы я заказала подобные шпионские устройства в их корпоративном отделе снабжения? Минут через пять, пожалуй».

– Отлично, – произнесла она, осознав, что все необходимое придется сделать самой. – А не знаете ли вы, где я могу купить черные кожаные легинсы?

Продавец озадаченно уставился на нее.

В итоге Кэйд приобрела кожаные брючки в доме моды «Эрме», чтобы доказать себе, что во Франции все-таки можно хоть что-то купить за деньги. Более того, у нее возникло странное чувство, что Мэгги Сондерс провела в парижских модных салонах больше времени, чем она. Кэйд сомневалась, что полностью соответствует образу гармоничного ребенка, выросшего в привилегированном мире богатства. Разве нормально, что она предпочитала покупать шоколад вместо платьев?

Набирая код на домофоне, Кэйд снова вспомнила о неотвеченных письмах в рабочей почте и напряглась, представив проблемы, что несомненно поджидают ее решений, В это же время Сильван Маркиз вышел из задней двери своей лаборатории и, конечно, приподняв брови, взглянул на нее. Он обладал настоящим талантом – мог выразить разнообразные чувства одним выразительным движением бровей. У нее возникло сильное желание взмахнуть своим пакетом от «Эрме» и прицельным ударом сбить насмешливое удивление с его лица, вернув брови на отведенное им природой место.

Зазвонил ее телефон, и она, отвернувшись от Сильвана, приняла звонок.

– Пожалуйста, скажи мне, что это ты, – взмолился ее дед по телефону. – Похитительница Шоколада.

– Дедушка! Неужели ты думаешь, что я способна на такое?

– Ну, я надеюсь на это! По-моему, твой отец – единственная белая овца в нашей семейке. Не представляю, как такое чудо могло случиться. Логичнее было бы, если бы он был коричневым или хоть пегим.

– А отец читал какие-то из этих блогов?

– Сомневаюсь. Он чертовски занят, твой папаша, чтобы просматривать какие-то блоги. И кроме того, если бы он их прочитал, то тебе уже не пришлось бы спрашивать меня об этом.

Верно. Ее отец мог опять позвонить ей посреди ночи. И на сей раз не по поводу «Девон канди».

– Ну, тогда не привлекай к ним его внимание.

– Хорошо, – пообещал дед и, хихикнув, добавил: – Однако трудно не позлорадствовать. Твой папуля ужасно старался дать вам правильное воспитание, но я-то знал, что одна из моих внучек покажет характер, не пожелав уподобиться, как говорится, тому шоколадному яблочку, что падает недалеко от яблони. Хотя… о мертвых плохо не говорят, но я начал сомневаться в ценности генофонда твоей матушки после того, как Джейми стали традиционно ежегодно арестовывать за участие в демонстрациях протеста во время саммитов «Большой восьмерки», а ты выбрала роль целеустремленной деловой женщины в строгом костюме, восседающей в кабинете… Ну ты же сама знаешь, милая, что говорила мне, улетая туда, и надеюсь, помнишь, что мы с тобой думаем об одной из тех швейцарских фабрик просто так из любви к искусству?

– Так вы все-таки поселились здесь? – вдруг раздался голос Сильвана. И Кэйд так резко отпрянула, что могла бы упасть, если бы он не поддержал ее.

– Я разговариваю по телефону! – бросила она, отворачиваясь

от него.

И Сильван убрал свою руку с ее талии – к ее большому сожалению. Кэйд попыталась открыть входную дверь, но безуспешно. Нахмурившись, она снова набрала код.

– О, нет, дедушка, ерунда, это просто тот шоколатье Маркиз, о котором я упоминала.

– Правда? – восторженно воскликнул дедушка Джек. – Нет ли у тебя возможности дать мне послушать, что он говорит? Ты можешь включить громкую связь, чтобы он слышал меня? Я знаю несколько ругательств по-французски.

– Нет. И не вздумай прилететь мне на помощь. Это мое дело.

Если бы Сильван не торчал у нее за спиной, то она бы объяснила деду, что ей не удалось раздобыть никаких тайных рецептов шоколада, но не представляла, как можно выдать такую информацию в присутствии человека, у которого и пыталась выкрасть их. Наверное, это к лучшему. Дедушка так гордился ее поступком.

– Я могу быть приличным партнером, – заявил дед.

– Конечно, но мне хочется сделать это самой. А в следующем месяце мы встретимся в Швейцарии.

– В Швейцарии, – повторил Сильван у нее над ухом.

Неужели Сильван настолько невоспитан, что не имеет понятия о приличной дистанции? Не слышал ли он все, о чем говорил ее дед? Кэйд нахмурилась, но это не произвело на шоколатье впечатления. Неужели он думал, что мог играть ее чувствами целое утро, затем, пресытившись, выгнать на улицу, вынудив решиться на преступление, а на следующий день заводить с ней милые разговорчики?

– Что ты подразумеваешь, говоря о следующем месяце? Разве у тебя нет работы? – требовательно спросил дед. Потом вдруг опять оживился: – Или отец позволил тебе немного развлечься? Я всегда полагал, что ты непомерно много работаешь. Надо же и погулять, и по магазинам прошвырнуться. В конце концов ты не мужчина, и у тебя могут быть женские слабости.

Кэйд вздохнула и закатила глаза.

– Да, дедушка, я как раз купила одну стильную вещицу от «Эрме». Не переживай за меня.

Что случилось с этим дурацким домофоном? Почему не открывается дверь?

– При чем тут Пьер Эрме? – удивился дед. – Я думал, мы говорили о нормальных покупках. Ты познакомилась с тем эльзасским кондитером?

– Так теперь вы собираетесь встретиться с Пьером Эрме?

Кэйд чувствовала дыхание Сильвана уже не над ухом, а над

головой.

– Он пригласил вас осмотреть свою лабораторию? Кстати, от вас исходит какой-то знакомый лимонно-ванильный аромат…

Неужели запахи его мастерской выдают ее как чернильные кляксы?

– Вы сами ими пропахли, – резко отозвалась она и, подняв пакет с логотипом, помахала перед ним. – Вот он, ваш «Эрме».

Сильван озадаченно взирал на него, хотя это было культовое имя в модном мире. Оля-ля! Шоколатье-то оказался таким же профаном в области одежды, как ее дед. Да как и она сама, впрочем.

Кэйд в очередной раз начала набирать код на домофоне и внезапно похолодела. Она же набирала дурацкий код его лаборатории… Прямо у него на глазах. Кэйд покосилась на Сильвана. Он смотрел на ее руку на кодовой панели. Молча.

Может, он не обратил внимания, какие именно кнопки она нажимает? Кэйд принялась набирать правильный код, заслонив домофон собой, словно хотела скрыть важные сведения от такого, как он, подозрительного типа.

«Все правильно, – подумала она, – надо отвечать подозрением на подозрение».

Отличная психологическая уловка.

– Так вы не ответили на мой вопрос, – произнес Сильван. – Что вы здесь делаете?

– Живу. – Наконец ей удалось открыть дверь. – Когда я сняла квартиру в Париже, то не представляла, что вы можете оказаться le roi des cons[80].

Кэйд вошла в парадную, и дверь за ней захлопнулась.

Глава 12

В ту ночь ароматы его лаборатории преследовали ее повсюду, соблазняя на безрассудства.

Поедая конфеты, приготовленные Сильваном Маркизом и его подручными, Кэйд закрывала глаза, представляя, что сама готовила вместе с ним и имеет право попробовать их, чтоб проверить, достойны ли они фирменного имени. Имеет ли право посторонний эксперт на подобную оценку? Разумеется, так обычно и делается. Поражала ли начинка удивительным богатым вкусом, щекочущим чувства и побуждающим поскорее взять еще одну попробовать? Да.

В отсеке, где хранились бобовидные шоколадные «пистоли», она перепробовала все их разновидности от черных до белых, но постоянно возвращалась к ассортименту завораживающей горькости темных, и пока эти монетки таяли на языке, соображала, откуда шоколад мог прибыть – с острова у побережья Африки или из Андов. Разве ей не приходилось видеть во время посещений плантаций шоколадных деревьев, как прямо там измельчались эти бобы? Кэйд попыталась мысленно восстановить, какие технологические этапы прошли шоколадные бобы по заказам Сильвана, пока не приобрели необходимые качества. Температурные режимы, время выдержки, циклы. Как изменится вкус этого шоколада, если облить им апельсиновые дольки из Испании?

Отыскав те самые конфеты с апельсиновыми дольками из Испании, еще сыроватыми, Кэйд запихнула одну в рот. Пальцы стали липкими, испачкавшись шоколадными крошками, отслоившимися от апельсиновой начинки. Да, Сильван показывал проныре Кристофу, как спрятать начинку под шоколадной оболочкой.

Она представила, как пальцы Сильвана покрываются липкой шоколадной массой. А сама, медленно посасывая свой липкий

палец, смаковала остатки вкусной обливки. Поддавшись внезапному порыву, Кэйд принялась открывать дверцы шкафов, пока не нашла все ингредиенты для небольшой пароварки.

Предвкушая удовольствие, она подогрела воду и насыпала во внутреннюю кастрюльку шоколадные пистоли, испытывая радостное возбуждение, подобное пенящейся бутылочке кока-колы, знакомое ей по первому дню своего пребывания в лаборатории. Правда, на сей раз возбуждение усиливалось тревогой. Сильван Маркиз мог отказать ей от места на его мастер-классе, зато она сумеет сама украсть желанный опыт и прямо здесь, в центре Парижа, под покровом ночи сделает свои шоколадные конфеты. Суетясь у плиты, Кэйд настороженно поглядывала по углам, словно ожидая обнаружить в одном из них поджидающего удобного момента шоколадного чародея со сверкающими во мраке глазами.

Но чародей так и не появился.

Открыв двери в свою лабораторию, Сильван почувствовал, что там кто-то похозяйничал: воздух пропитался букетом сильных запахов. Неужели похитительница опять побывала здесь? Да нет, пора оставить дурацкие мечты и надежды! Надежды? Неужели он надеялся, что возмутительная высокомерная особа тайно проникла в его лабораторию и украла шоколад? Да, именно проникла. Грязные отпечатки пальчиков остались на мраморной столешнице, которую они в конце дня всегда тщательно мыли и протирали до блеска. Он мог проследить за ее передвижениями по лаборатории. Вот здесь она попробовала апельсиновые дольки из Испании. Там запускала руки во все мешки с шоколадными пистолями. А вот тут она… Да, попробовала каждый сорт конфет, приготовленных ими вчера.

По его губам скользнула улыбка, сердце взволнованно забилось. Судя по всему, она дьявольски ненасытна!

Сильван изумленно замер, обнаружив в раковине засохшие капли смеси, разогревавшейся на водяной бане. Неужели она пыталась готовить шоколад в его лаборатории? Какая бесстыдница!

– Итак, она возвращалась? – пылко спросил Кристоф перед самым обедом.

Сильван, устанавливавший в тот момент на плиту тридцатикилограммовый marmite[81], подумал, не уронить ли эту тяжесть на ноги чересчур любопытного блогера. Один раз он оказал этому парню любезность, удовлетворив его просьбы и разрешив посетить лабораторию. А тот уже, похоже, возомнил, будто они стали лучшими друзьями, и имел наглость вынюхивать

тут сведения о похитительнице шоколада Сильвана.

– Она ведь правда опять побывала здесь? – восторженно выпытывал Кристоф.

Его просто распирало от радости.

Как и Сильвана в то утро. Но, подавив нарастающее искушение, он все-таки опустил огромный котел шоколадной массы на конфорку.

– И что же она теперь стащила? Вы узнали, кто она? Выяснили, как проникает сюда?

– Что, кто-то крадет наши сладости? – рядом с Сильваном появился Паскаль Гюйо. Не читающий блогов Паскаль. И вполголоса добавил: – Надеюсь, вы не считаете, шеф, что это кто-нибудь из наших? Мы же специально оставляем в рабочей гостиной полное блюдо наших сладостей.

– А-а? – Кристоф выглядел разочарованным. – Правда? Так вы полагаете, что кражу мог совершить кто-то из сотрудников?

– C'est possible[82], – с задумчивым видом произнес Сильван. – Похоже, тут шалит один из наших подручных. У нас ведь пока из доказательств есть всего лишь маленький отпечаток большого пальца. Поэтому такое предположение более разумно, чем версия, что какой-то безумец рискнул незаконно проникнуть сюда ради моего шоколада.

Естественно, более разумно, если речь шла о том, кто склонен к благоразумию.

Его сердечный мотор вновь заработал на третьей скорости, и Сильван напрягся, представив, что тайная поклонница потеряла голову из-за него. Из-за его шоколада.

– Вот что я вам скажу, – заявил Кристоф. – Вы можете воображать и подозревать то, что вам хочется, а я представлю приятную мне версию. Этой ночью она опять возвращалась? Просто моргните разок, если «да», или пару раз, если «нет».

Сильван моргнул разок, машинально, поразившись наглости, с какой этот блогер добивался признания.

– О, какая дерзость! – Кристоф всплеснул руками, ravi[83]. – Вы вернули меня к жизни, Сильван Маркиз. Merci, merci bien![84] – воскликнул он и умчался.

Но вскоре он опять возник перед Сильваном.

– А у вас здесь, случайно, не работает Wi-Fi?

Разозлившись, мэтр смерил его гневным взглядом. Если этот сопляк собирался пичкать свой веб-журнал ребяческими фантазиями, то мог бы из вежливости придумать нечто оригинальное.

– Нет? Ничего страшного, – затарахтел Кристоф, не дождавшись ответа. – Я уверен, что такая связь имеется в

ближайшем кафе.

Кристоф опять исчез, пробежав через магазин. Сильван заметил, что по пути он прикупил коробочку конфет.

«Похитительница шоколада, я люблю тебя», – гласил заголовок в журнале Кристофа. – «Вот сижу я здесь и осторожно продавливаю оболочку конфеты «Караки» Сильвана Маркиза. Наслаждаясь изысканной хрупкостью и нежной начинкой, я понимаю, что нашел родственную душу. Ты тоже думаешь, что такая вкуснотища достойна того, чтобы рискнуть жизнью и свободой ради…»

«Ну уж махнул – жизнью!» – встревоженно подумала Кэйд. Вроде бы французская полиция не склонна с ходу палить из пушек! А что касается свободы, то не лучше ли ей срочно сделать очередной щедрый вклад на счет правящей политической партии на случай, если понадобится вмешательство со стороны посла? Ее вовсе не привлекала идея оказаться в парижской тюрьме.

Блоги англоязычного мира пестрели заголовками: «Очередное покушение Похитительницы Шоколада». Кулинарные блогеры прекрасно понимали, что именно на французском языке львиная доля новостей, их «хлеба», сдобрена отличным «маслом». Блогерша «Элль» писала: «Пожалуй, мне хотелось бы стать похитительницей шоколада!» – что было наглой алчностью с ее стороны, поскольку она сотрудничала с шоколатье Симоном Кассе. Другое объявление гласило: «Десять легких советов по кражам шоколада: первый совет – если вам хочется попасть за кражу в тюрьму, то постарайтесь не прогадать, попробовав не менее изысканный вкус, чем у Сильвана Маркиза…»

– Странно, – заметила Мэгги Сондерс, прочитав эти новости через плечо другого туриста, стоя перед оцеплением, установленным на два часа перед аэропортом Шарля де Голля. – Я как раз на днях посетила один из его мастер-классов.

– Неужели? – обернулся к ней мужчина.

– Да, вы знаете, очень странная история!

Не каждый день или даже не каждые десять лет ей удавалось стать участницей подобной первоклассной новости. Да, истории ее приятельниц бывали весьма пикантными, но совесть не позволяла ей присваивать их. Кроме того, в них не участвовали знаменитости, поэтому они никого не интересовали.

– Вы знаете семейство Кори?

– Семейство Кори? – Брови мужчины сошлись у переносицы. – Шоколадные магнаты?

– Точно, именно они, – кивнула Мэгги.

Всегда лучше рассказывать о знаменитостях, если собеседнику знакомы их имена.

– Так вот, одна из них, Кэйд Кори, заплатила мне за то, чтобы занять мое место на мастер-классе Сильвана Маркиза. Она шпионила за ним! Вероятно, мне не следовало помогать ей, – виновато добавила она, но в утешение коснулась своего широкого кожаного ремня с платиновой пряжкой и логотипом Диора.

Брови мужчины изумленно взлетели на лоб.

– Ну да! И сколько же она вам заплатила?

– Я не превысила суммы в тридцать тысяч, – скромно ответила Мэгги. – Не стала покупать настоящие драгоценности. Хотя могла бы!

Бровям мужчины взлетать было уже некуда. Глаза его загорелись.

– Кэйд Кори заплатила вам тридцать тысяч баксов за то, чтобы тайно проникнуть на занятие в мастерскую к лучшему шоколатье Парижа?

– Она поступила еще разумнее! Выдала мне на день свою кредитку. Я могла бы потратить гораздо больше, если бы не моя щепетильность.

Увы, сейчас она уже сожалела о своей порядочности. Разве не славно смотрелось бы на ее руке… например, кольцо с бриллиантом каратов в десять?

– Хотелось бы мне иметь столь платежеспособное потомство.

Мужчина пристроил свой планшет на чемодан и стал печатать.

– Итак, когда это произошло?

К тому времени, когда собеседник узнал все подробности, оцепление еще не сдвинулось с места. Тогда он вытащил мобильник и, набрав какой-то номер, спросил:

– Могу я поменять свой билет на самолет на другой рейс, вылетающий из Парижа через пару дней? То есть формально в знак протеста против долгого стояния в этом оцеплении? Вместо этого я мог бы найти здесь занятие повеселее.

– Вы уходите? – разочарованно спросила Мэгги.

Никому не хотелось томиться в ожидании, теряя шанс поразвлечься в Париже.

– Не могли бы вы на всякий случай дать мне номер вашего телефона или какие-то сведения для связи?

Мэгги отпрянула, смерив туриста подозрительным взглядом. Ее порадовала прекрасная возможность поделиться деталями своей истории с Кэйд Кори с незнакомцем, но она не желала, чтобы ее начал преследовать какой-то странный тип.

– Простите, я не представился. – Он протянул ей визитку. –

Джек Адамс, «Нью-Йорк таймс». Обычно я пишу для раздела финансовых новостей, но давно просился в кулинарную рубрику.

– О, это ваш шанс на повышение, – сочувственно произнесла Мэгги.

Он улыбнулся.

– Верно, иногда Бог посылает удачу.

– И я подумала так же! – воскликнула Мэгги.

– Разве это не чудо? То есть божественная милость снизошла благодаря Кэйд Кори уже дважды. Надеюсь, ей воздастся.

Кэйд решила, что кое-какие находки в блоге «Десять советов по кражам шоколада» весьма полезны. За исключением первого совета: «Постарайтесь совершить кражу у Сильвана Маркиза». Это могло лишь подлить воды на мельницу его и без того безумного зазнайства. Интересно, хорошо ли он читает по-английски? А вот пятому совету – о том, как избежать французской тюрьмы – ей следовало уделить более пристальное внимание.

Комментарии разделились примерно поровну между завистью к похитительнице и возмущениями в адрес Сильвана Маркиза.

«Разве не должен быть шоколад общедоступным?» – быстро напечатала Кэйд и сразу, не раздумывая, добавила свой комментарий. Вероятно, ей не нужно анонимно участвовать в обсуждении, вызванном собственным поведением.

Кроме того, на самом деле ей не хотелось, чтобы шоколад вкушали все подряд. Лучше, чтобы итоговый продукт могли попробовать многие, но чтобы при этом тайная внутренняя деятельность оставалась доступной только ей. И еще одному потрясающему темноволосому и талантливому мужчине.

– Героиня ты моя, – заявил ей дедушка по телефону. – Ты уверена, что тебе стоило так рисковать второй раз? Ты не успела утащить все, что нужно, в первую ночь?

Кэйд задумчиво оглянулась вокруг. Она пыталась приобщиться к жизни Парижа, сочетая ее с составлением отчетов по «Девон канди» для отца, поэтому захватила на прогулку по Сене свой ноутбук. Хотя широкое распространение Wi-Fi невольно побуждало отвлекаться на просмотр кулинарных блогов. И ее пальцы замерзли.

Она сидела на холодных камнях, возвышавшихся над бурой речной водой, слева от нее взмывали в небеса контрфорсы собора Парижской Богоматери, и по обе стороны изгибались арки мостов. Всякий раз, когда мимо проплывали экскурсионные речные трамвайчики с туристами на борту, из охрипшего громкоговорителя доносился вечный парижский хит «Жизнь в розовом свете»[85]. Порывы ветра взметали у ног Кэйд желто-

коричневую и огненно-рыжую листву, сорванную с платанов, окаймлявших верхнюю и нижнюю набережные Сены. Платаны, такие красивые летом, уже не шумели листвой, а скорее кутались в остатки своих буровато-желтых одеяний, нехотя расставаясь с последними листьями. Париж терял летнюю joie de vivre[86], смиряясь с тоскливой простудой в мечтах о грядущих переменах.

– Мне не удалось отыскать его рецепты, дедушка!

– Если он сообразительный, то запирает их по ночам. Как у тебя с талантами медвежатника?

– Ты имеешь в виду сейф? Игра может обернуться паранойей!

– Конечно, – согласился он. – Я хотел сказать, что наши-то записи надежно спрятаны в сейфе, да еще и зашифрованы, хотя наш шоколад имеет особую важность. Люди готовы есть его ежедневно. А его продукция просто роскошный пустячок для богачей, уже имеющих все, что можно купить за деньги. Кстати, ты не заметила каких-либо признаков того, что он проводит эксперименты со шпинатом? Или с капустой? Капуста ведь так полезна.

– Toute seule, chérie?[87] – вдруг раздался мужской голос, и Кэйд, отвернувшись от заставки с видом Сены на ноутбуке, недоуменно оглянулась.

В своем городке Кэйд редко привлекала внимание случайных незнакомцев. Во-первых, очень мало там было этих незнакомцев. А во-вторых, если таковые подкатывались к ней, то у них имелись тайные планы с перспективой на миллиард долларов. Они с сестрой Джейми знали, что лишь редкий из потенциальных женихов не потребовал бы с них после свадьбы содержания, желая урвать жирный кусок от шоколадной империи Кори, поэтому не собирались отдаваться в руки врага.

Подобное знание было отвратительным, но такова реальность. Деньги могут защитить от множества невзгод, но, к несчастью, мало защищают от опасной привязанности к человеку, которому захотелось воспользоваться ими. Более того, они даже порождают такую опасность.

На самом деле чертовски романтично влюбиться для разнообразия в человека, которого соблазнила именно сексуальная привлекательность Кэйд, а не банковский счет. Только он не может выглядеть так гнусно, как этот скользкий тип.

Перед ее мысленным взором снова вспыхнул образ Сильвана Маркиза. Жаль, что этот болван увлекся ею. Хотя, к его чести, надо признать, что его точно не заинтересовали ее деньги. Более того, когда она представила, какую он бы состроил кислую мину, если бы возникло хотя малейшее предположение, что он мог жениться на ней ради денег, то сама едва не задохнулась от

смеха.

«Вы… вы хотите взять мое имя… для ваших… Полагаете, меня можно купить за деньги?»

Скользкого типа ободрил ее смех, и он с улыбочкой приблизился к ней.

– Мне пора бежать, дедуля, – сказала Кэйд в трубку. Если бы он услышал, как она пытается дать отпор какому-то случайному повесе на набережной Сены, то вылетел бы ближайшим самолетом на ее защиту.

Ему достаточно малейшего предлога, чтобы присоединиться к ее тайным проникновениям в шоколадную мастерскую, – такова уж натура дедушки.

Кэйд убрала телефон в кожаную сумочку, что француз, очевидно, воспринял как знак очередного поощрения. Просияв, он плюхнулся рядом с ней, прижавшись к ее боку. Запахи дешевого одеколона и пота атаковали обоняние Кэйд, и к ним еще примешивался запашок какой-то смазки, блестевшей на его прилизанных волосах. Она резко отпрянула, закрывая ноутбук. Слова почему-то не приходили на ум. Трудно сразу сообразить, как сказать по-французски: «Отвяжитесь, черт побери, от меня!» – когда под рукой нет словаря. Или: «Отвали к черту» – как это сказать? Кэйд не сомневалась, что любое высказывание могло иметь пагубное двусмысленное значение.

– Chérie, ne sois pas comme ça?[88] – Придвинувшись еще ближе, он попытался приобнять ее за плечи.

Она отпрянула в другую сторону от него, боясь свалиться в Сену.

«Quand il me prend dans ses bras, il me parle tout bas…»[89] – пропел голос Эдит Пиаф с проходящего мимо речного трамвайчика.

– Я готов принять тебя в свои объятия, – заявил скользкий тип и перешел к решительным действиям, обвив рукой ее талию. – Ты же пришла сюда ради меня, правда, милашка?

Прижав ноутбук к груди, Кэйд изо всех сил оттолкнула его локтем. Он не ожидал, что ему могут оказать хоть какое-то сопротивление, и отступил на шаг. Только в той стороне набережной не осталось места для шага. Его глаза испуганно распахнулись, нога отчаянно искала опоры в воздухе, и, пытаясь сохранить равновесие, он ухватился за ее компьютер. Тот выскользнул из рук Кэйд. Капли воды брызнули ей в лицо, когда мужчина и ее компьютер с бурным всплеском скрылись в речной глубине.

Вот зараза! Кэйд попыталась вспомнить, когда именно последний раз дублировала свои данные. Уже в Париже она точно

их не сохраняла. То есть неделя ее штурмовой удаленной работы на фабрике ради короткой вольной жизни в Париже только что утонула в Сене в руках какой-то скотины. На верхней набережной в промежутке между книжными киосками стояла компания из трех явных француженок и двух парней, которые размахивали руками и, выставив вверх большие пальцы, делали ей одобрительные знаки. Кэйд усмехнулась.

Свалившийся в Сену тип всплыл на поверхность ниже по течению. Но компьютера при нем не наблюдалось. Да в любом случае вряд ли электроника переживет купание в реке. Пловец ругался, отплевывался и кашлял, Кэйд бросила на него презрительный взгляд и, выставив средний палец, присовокупила к нему непристойный жест, после чего решительно направилась вверх по течению к подъему на верхнюю набережную. Она подошла к лестнице одновременно с компанией, выразившей ей одобрение. Все они дружелюбно улыбались. Стройная брюнетка холеного парижского вида, затянутая в черные брючки, демонстрирующая модные высокие сапожки, серый шарф и изысканный серебряный браслет, спросила Кэйд:

– Можем мы угостить тебя вином?

Кэйд увидела, что течение уже на четверть мили отнесло незадачливого наглеца, и ему даже удалось ухватиться за одно из железных колец на краю набережной.

– Меня угостить? Конечно.

За полчаса они нашли с ней общий язык. Все пятеро оказались студентами, несмотря на то, что по возрасту были близки к ней. Но эти парижане выглядели такими юными и свободными, что в Кэйд вдруг вспыхнула зависть.

– Ты приехала посмотреть Париж? – спросила брюнетка, которую звали Николь. – Тогда мы покажем тебе настоящий Париж. Пошли с нами гулять сегодня вечером.

– Нет, лучше не сегодня, – возразил Марк, – завтра у меня доклад по Прусту.

Кэйд показалось странным, как этот парень мог выглядеть таким юным и умудренным одновременно.

Доклад по Прусту? Тому умнику, который, отражая тончайшие переливы чувств и настроений, разрекламировал пирожные «Мадлен». А ей завтра надо предоставить отцу отчет о сладостях «Девона», который может воздействовать на глобальную экономику и непосредственно ударить по заработкам десятков тысяч людей. Наверное, поэтому она потеряла ощущение юности.

– Хорошо, – согласились остальные. – Как насчет завтрашнего вечера? D'accord?[90]

– D’accord! – радостно откликнулась Кэйд.

Они отнеслись к ней по-дружески, даже не зная, кто она. Может, все-таки не зря она мечтала о Париже? Хотя очень жаль, что сегодня Марку надо готовиться к докладу, ведь теперь ей придется пережить очередную ночь, полную опасностей и приключений.

Глава 13

Едва вступив в лабораторию, Кэйд ощутила его аромат. По мере продвижения по сумрачным владениям его близость вызывала мурашки и напряженность во всем теле, порождая острое волнующее желание. Она стремилась в эту лабораторию ради него, грезя наяву, чтобы он увидел ее, включил на ночь видеокамеру и следил за ее ночными приключениями.

Вот, там поблескивает какая-то странная тень… Увы, странность обернулась блестящими медью кастрюлями. Ту загадочную тень… огромной яйцевидной формы отбрасывал котел футов пять в высоту. Другое подозрительное пятно обернулось штабелем ящиков из Шри-Ланки. Раскинув руки, Кэйд вздохнула полной грудью, вбирая в себя ароматную палитру лаборатории. Казалось, сюда вмещался целый мир со всеми волшебными дарами земли, порождавшими чистейшее наслаждение, извлеченное из плодов экзотических ароматов и вкусов.

Сегодня ночью ей захотелось приготовить… горячий шоколад. Испанский горячий шоколад, какой они пили в Мадриде, или тот горячий шоколад, что французские аристократы когда-то считали любовным напитком. Как говорят французы: Du chocolat chaud[91]. Похолодало не только на улице, но и в лаборатории, где температура в ночные часы заметно снижалась.

Кожу покалывало от волнения, когда Кэйд попробовала темные шоколадные «пистоли», чтобы решить, какой сорт ей больше нравится. Будет странно, если он позволит ей спокойно улизнуть и в третий раз. Она вновь внимательно осмотрелась вокруг. Может, Сильван установил скрытую камеру? А вдруг сейчас какое-нибудь хитроумное устройство записывает доказательства ее вторжения? Полиция будет поджидать ее на улице? Неужели она сошла с ума? Тут запросто можно угодить в

тюрьму. Она же могла нанести серьезный вред семейной компании, вызвав реакционное падение акций их дочерних филиалов. И сама потерять все привилегии человека, родившегося в успешной семье. Ее же могли на всю оставшуюся жизнь заключить в камеру как обычную преступницу.

Поступит ли он так? Человек, соблазнявший ее целое утро, а потом опять вышвырнувший на улицу, обдав ледяным презрением! Кто знает, на что он еще способен? Кэйд просто нравилось представлять…

Ее бросило в жар, но такой прилив крови лишь отчасти напоминал удовольствие, которое хотелось получить от горячего шоколада. Она подошла к стеллажу, где темнел рядок банок со специями. Готовить приходилось в тусклом освещении, проникавшем в окна из ночного города, неугасимых столичных огней. Но Кэйд не хотелось включать внутренние светильники. Округлые банки специй холодили руки. В горячий шоколад нужно добавить чуточку ванили с Таити. Палочку корицы из Шри-Ланки. А откуда мускатный орех… не из Занзибара ли?

Она надеялась, что именно оттуда. По мнению Кэйд, каждому в жизни обязательно надо попробовать мускатный орех из самого Занзибара.

А как, интересно, по-французски «мускатный орех»? В процессе поисков Кэйд открывала банку за банкой, ощупывая бумажные этикетки и выпуская на волю аромат за ароматом – гвоздика, анис, мускатный орех… А вот и футбольные мячики мускатного ореха. Выловив один орешек, она отправилась искать терку.

Кожа реагировала на каждое прикосновение, словно наэлектризованная. Казалось, сами специи раздражают ее остротой своих запахов, или во всем виноваты опасность и безумие собственных поступков. Или удовольствие. Присутствие Сильвана Кэйд уже ощущала каждой клеточкой своего тела. С неловкой скованностью, как студент под строгим наблюдением преподавателя, она принялась смешивать ингредиенты. Она настороженно взглянула в полумрак и, ничего не увидев, вспыхнула и заправила за ухо мешавшую прядь волос.

Наливая молоко в ковшик, Кэйд вспомнила кипящие на маленьком огне сливки Сильвана Маркиза. Бросив в молоко палочку корицы и стручок ванили, натерла сверху немного мускатного ореха. Вокруг витали ангельские ароматы. Или демонически грешные. Ради таких запахов, в предвкушении живого изысканного вкуса, согрешил бы любой праведник.

Кэйд провела ладонью по холодной мраморной глади стола, зачерпнула ложку молока в ковшике и попробовала на язык –

слишком горячо, почти обжигающе. И вдруг ее голова невольно повернулась в сторону проема темневшей слева ниши, где тоже хранились мешки, ящики и кулинарные формы. Из альковной тьмы появилась призрачная фигура. Кэйд задрожала. Словно оцепенев, она слышала лишь тяжелые удары своего заколотившегося сердца, сотрясавшего, казалось, все тело.

Чародей вышел из мрака навстречу посягательнице на его волшебные владения. Он приближался медленным, угрожающим шагом. Темные тени прорезали друг друга и будто оставляли за его спиной сверкающий шлейф всех тех знаний и магического могущества, которыми он обладал, отвергая подобные дарования в ней самой.

Вот она, реальная опасность. Кэйд дала ему право уничтожить ее. Он приковывал ее к полу. Одним своим видом. Величественной и властной поступью владельца своего мира. Возбуждение, тлевшее в Кэйд часами, даже днями, захлестнуло ее существо, лишив остатков разума. Она завороженно смотрела на его руки. Сильные, красивые, мужские руки, творившие волшебство из семян шоколадных деревьев.

С мучительным ожиданием Кэйд наблюдала, как он приближается к ней. Стать, строгая лаконичность движений и сама его выступающая из мрака сумрачная фигура словно околдовывали ее, не оставляя надежды на спасительное бегство. Он хранил молчание. Его руки легли на ее бедра, и она судорожно вздохнула, затрепетав, вспыхнув от желания. Сильные пальцы обхватили ее обтянутые кожаными легинсами ягодицы, и он, подняв Кэйд с той же уверенностью, с какой поднимал пятидесятифунтовый котел шоколада, посадил ее на мраморный стол.

Она оказалась далеко от конфорки. И даже в такой безумный миг… Она подсознательно отметила его предусмотрительность. Когда-нибудь из ее подсознания всплывут воспоминания об этом мгновении.

Сильван пристально посмотрел на нее с высоты своего роста, хотя в таком положении их глаза находились почти на одном уровне. Глаза чародея поблескивали. Он поймал ее, породив в ней такое возбуждение, что голова Кэйд полностью отключилась, она могла только дышать, делая глубокие и замедленные полные вздохи, грудь мерно вздымалась, и легкие наполнялись ароматами корицы, мускатного ореха, ванили и шоколада, обогащенные запахом человека.

– Так ты думала, что сможешь завладеть мной?

Многозначная угроза в его голосе, язвительном и беспощадном. И неожиданное интимное «ты», резко отбросившее

в прошлое все «вы» и «мадемуазель», благодаря которым он вежливо держал ее на расстоянии, даже когда флиртовал с ней во время мастер-класса.

Их лица так сблизились, что каждое сказанное им слово проносилось по ее губам с ветерком его дыхания. Кэйд отчаянно хотелось припасть к его губам. Слиться с ним…

Сильные пальцы проскользнули по ее талии и обхватили ягодицы, порождая в рассеянном сознании пульсацию лишь одной мольбы: «Боже, пожалуйста, не дай ему остановиться».

– И кого еще ты собираешься похитить? – спросил Сильван.

– Нико… – начала признаваться она, но вдруг поддразнивающе заявила: – Доминика Ришара.

В наказание он поцеловал ее. Рука его властно прижала Кэйд, заставив их тела слиться в единую форму, пальцы блуждали в ее волосах, удерживая голову и продлевая страстный поцелуй.

Его поцелуй. Сильван целовал ее. Волна счастья разлилась по ее жилам. Кэйд старалась прочувствовать каждый атом его вкуса, его натуры. Обхватив широкую мужскую спину, Кэйд сильнее прижалась к нему.

Его шерстяной свитер на мгновение раздосадовал ее, слишком грубый и толстый. Ее руки, проскользнув под шерстяную материю, наткнулись на трикотаж и быстро углубились дальше, боясь, что малейшее промедление лишит ее шанса продолжить исследование. Ах, вот и она, заветная цель. Живое тело. Гладкое, теплое. Сильван вздрогнул, словно руки Кэйд были ледяными. Или, может, его дрожь вызвали иные причины.

Под ее ладонями оживало теплое, почти горячее тело. Оно откликалось на каждое прикосновение, будто ее пальцы передавали импульсы, заряжающие его новой силой. Руки Кэйд пробежали по его ребрам и крепкому прессу, мягкому пушку волос на груди. Увлекшись процессом тактильного познания, она порывисто подняла мешающую одежду, обнажая весь торс.

Властная рука легла на ее бедро. Под его натиском ноги Кэйд раздвинулись. Она не сопротивлялась. Всем своим существом ей хотелось отдаться ему. Сдвинув Кэйд на самый край стола, Сильван с силой прижал ее к себе. Так он хотел ее? Значит, не играл с ней! Прямо сейчас, здесь она могла пробудить в нем подлинное желание.

Его обнаженный торс крепко прижался к ее груди, такого пыла Сильван не проявлял за все время того утреннего занятия, наполненного лишь легкими дразнящими прикосновениями его рук. Он припал к губам Кэйд страстным поцелуем, проникая языком во влажные неведомые глубины рта, вбирал в себя ее

дыхание, нежно и грубо терзая и покусывая ее губы и без всякой жалости наполняя сладкой мукой.

Обхватив женские бедра и раздвинув их еще шире, Сильван прижался к ней всем телом, вынудив ее руки проскользнуть по его бокам и вцепиться в широкие плечи в попытке удержаться под напором страстных поцелуев и ответить ему тем же, не опрокинувшись на холодный мрамор.

Сильван издал еле слышный вибрирующий звук, отозвавшийся дрожью в ее теле. И Кэйд тоже откликнулась на него тихим судорожным стоном. Он мог делать с ней все, что хотел. С трудом оторвавшись от ее губ, он откинул голову назад и пристально взглянул на Кэйд, словно не мог поверить в реальность происходящего.

Проблема заключалась в том, что в ней сейчас уживались реальность и нереальность мира. Как раз это и нравилось ей в парижской ночи, в безумном вихре чувств и возможностей. Она понимала, что этого не могло случиться. Но случилось благодаря ее стараниям.

Опираясь на его плечи, Кэйд прогнулась и, замерев, ответила ему вызывающим взглядом. Переведя дух, Сильван вновь продолжил страстную игру поцелуев.

Приближаясь к ней из темной ниши, он сознавал, что никогда в жизни не испытывал ничего подобного. Эта женщина создана для него. И ему принадлежит эта дивная ночь. Здесь, в своей лаборатории, он мог позволить себе любые, самые смелые фантазии.

«À moi! – в отчаянии подумал он, – À moi!»[92]

Кэйд преследовала его. Привязалась к нему как глупый козленок к королевскому тираннозавру. Прямо на его глазах упорно набирала на своем домофоне код его лаборатории, сообщая ему каждым нажимом своего пальчика на кнопки, где она будет ночью и что она станет делать.

Она оставила отпечаток своего испачканного шоколадом пальчика на его документах, словно поставила подпись на контракте с его душой. Разожгла огонь в его лаборатории, и пока он медлил в тайном ожидании, продолжала соблазнять его, оставляя повсюду еле уловимые следы своего присутствия.

Кэйд погружала руки в мешки с его фисташками и какао-бобами, приобщаясь к их округлым формам; вдыхала его запахи и пропитывалась ими; пробовала конфеты, позволяя им таять на языке. А утром Сильван следовал по ее ночным следам в своих владениях, она доводила его до безумия, побуждая думать только о том, как ее ладони ласкают фисташки и роняют их обратно в мешок, как пахнут ее пальцы, трогавшие его ваниль,

апельсиновые цукаты и миндальное масло, как пропитывается она всеми теми ароматами, что похищала в его лаборатории каждую ночь и благодаря которым оставляла свою путеводную нить в его владениях.

Он мог думать лишь о том, как сладко было бы растаять на ее языке. Ему самому, а не только конфетам, сделанным им для ее соблазнения.

Казалось, в ней слились сущности всех стильных красоток, которых Сильван мог возжелать в школьные и более зрелые годы. Его возбуждала дерзость Кэйд и малиновое пирожное на завтрак, и каштановые волосы, взлетавшие и прилипающие к блеску на ее губах. Небесно-голубые глаза взирали на него, порождая безумное желание коснуться волос, убрать их, освободив ее губы для иных радостей. Осознание собственных прав на владение его миром настолько проникло в ее сущность, что она завладела им бессознательно. Как неумело пыталась скрыться под маской холодного равнодушия к окружающим! При всем своем независимом одиночестве в ресторане она не смогла даже закончить обед, не пробудив в нем желания подхватить ее и пересадить за свой столик.

И как отчаянно и греховно жаждала Кэйд обладать всеми плодами его талантов и достижений. Безусловно, с той же страстью она жаждала и его самого.

Никогда прежде Сильван не ощущал такой искренности в своих и ее чувствах. Однако, побуждаемый глупой слабостью, он по-прежнему долго сдерживался, на случай, если она предпочтет сбежать.

Кэйд соблазнительно изогнулась, слегка отстранившись от него. Ее руки вцепились в его плечи с удивительной силой: властно и бесконечно нежно. Ничего общего с мужской силой. Но он не мог вырваться и сбежать.

Нельзя доверять капризам женщин. Их желания непостоянны. Но она могла и не прилагать усилий, а всего лишь обмотать прядь своих волос вокруг его мизинца, чтобы удержать его.

Под пальцами Сильвана податливо и упруго сминалось совершенство ее fesses[93], помогая ему осознать реальность того, что в эту чудную полночь она сидит здесь, на мраморе столешницы, в своих сексуальных черных кожаных легинсах. Сильван припал к ее губам, закрыв последнюю возможность отступления и больше не помышляя ни о каком бегстве.

Ощущая под шелковистым кашемиром роскошную безупречность ее тела, он проскользнул под свитер и прикоснулся к трепетной теплой коже, и под его ласкающими руками Кэйд закрыла глаза в невыразимом блаженстве, не сравнимого с тем,

что испытывала, пробуя малиновую тарталетку или руанские равиоли, или даже… возможно… одну из его конфет.

Кожаные легинсы… шелковистый кашемир… его руки приподняли ее свитер… уникальная шелковистость, не доступная ни лепесткам роз, ни тончайшему шелку; все это лишь слабое подобие изысканности, присущей женской коже. Кружева. Кружева покрывали ее груди – легкая шероховатость ткани между их мягкой полнотой и его ладонями.

Открыв глаза, Кэйд рассеянно взглянула на него.

Мысли – какие? Чувства – какие?

Но она жила в его воображении. И ему предстоит создать новую реальность. Она во власти его сильных смуглых рук. Сильван не пытался постичь ее желаний; он просто делал то, что хотел сам: сдвинув большими пальцами тонкие кружева, завладел скрывавшейся под ними мягкой плотью, прижимаясь ладонями к ее грудной клетке и ощутив твердость ее возбужденных сосков. Тело Кэйд пульсировало в его руках, ее губы приоткрылись в немой мольбе. Но ей не пришлось умолять желанного мужчину или подстегивать его воображение. Он с радостью отдаст ей всего себя.

Продолжая жаркие поцелуи, Сильван исследовал ее тайные уголки, упиваясь самим процессом познания. Не пытаясь оценить следующий шаг в соблазнительной игре. Просто наслаждаясь каждой частицей ее реального бытия. Трепетавшего в его руках живого воплощения снов. Реального и податливого. Страстно тянувшегося к нему. Изнемогая от желаний. Губы, язык, тело Кэйд стремились познать его со слабеющей мягкой нежностью, словно силы уже покидали ее, побуждая становиться сильнее и сильнее, укрепляя до предела в готовности к взрыву мужского могущества над женской слабостью.

Стащив с нее свитер, он отбросил его в сторону, открыв светлую кожу и черные кружева сумраку, слегка размытому проникавшими в окна лучами фонарного света ночного города. Холодный воздух вызвал легкую дрожь ее обнаженного тела, и Сильван мгновенно испытал чувство вины от того, что они находились здесь, а не в постели под теплым пуховым одеялом. Лишь в воображении он мог заменить мраморную столешницу на уютное мягкое ложе.

Oh, Dieu![94] Как уместна была бы прекрасная роскошь нежнейших белых простыней в стылый ноябрьский день! Ничего, кроме уютных наслаждений и улыбок, и никакого страха пробуждения от досадных подозрений о возможном переохлаждении. Все внимание ее красоте! Да, тогда он мог бы полностью отдаться во власть выпавшего на его долю момента.

Сильван провел ладонями по спине Кэйд, согревая и прижимая ее к своей груди. Она с таким упорством пыталась стащить с него свитер и рубашку, что ему пришлось, неохотно оторвавшись от нее, помочь снять их, и тогда она приникла к открывшемуся ей жаркому телу.

Его губы расплылись в широкой и скоростной улыбке, порожденной сознанием подаренного ей сердечного тепла. Он чувствовал, что способен удержать ее. Владел миром запахов и вкусов, способных покорить ее душу. И знал, как сделать Кэйд счастливой. Может, уже завтра, но… ночные желания женщин порой значительно отличаются от дневных. Однако душа этой женщины – этой похитительницы – принадлежала ему, и он определенно знал, как сделать ее счастливой.

Такой определенностью исполнились и его поцелуи, и властная подготовка к завершающему слиянию их тел. Трепетные женские руки блуждали по его спине, снимая напряжение, оставшееся после тяжелой дневной работы, каждое мягкое прикосновение придавало ему новые силы, новую уверенность в собственной неотразимости.

Сильван ласкал и целовал Кэйд как безумный, не способный оторваться от ее губ, от восхитительного чуда кожи, от соблазнительных грудей. Сняв ее кружевной бюстгальтер, Сильван отбросил его на свитер. Отвердевшие заостренные соски ее грудей обладали потрясающей притягательностью. Ничуть не меньшей, чем ее обвившиеся вокруг него и ритмично двигающиеся бедра. Столь же притягательны, как рот, с такой страстью откликавшийся на его поцелуи, что вскоре стало невозможно определить, кто стал их инициатором, зато несомненным оставалось их взаимное нежелание прервать эти ласки.

Но Кэйд оторвалась от губ Сильвана и, судорожно вздохнув, принялась нежно целовать его плечи и руки, покрывая легкими поцелуями все тело. С каждым прикосновением ее губ он ощущал, как твердеет и увеличивается его плоть, и вскоре, уже не в силах сдерживаться, нащупал «молнию» на боку ее брюк и стащил с бедер мягкую кожу легинсов.

Но тело… лишенное одежды тело… о, оно было безупречно!

С королевским достоинством опустилась Кэйд на холодный мрамор, и ее бедра грациозно вздымались и опускались под ним. И так же изысканно его ладони проскользнули под ее fesses, приподнимая их и оберегая от холода, и лаская пальцами упругие округлости. Обвив руками его талию, Кэйд крепко прижалась к нему, дрожа всем телом.

Для защиты от мраморного холода Сильван подобрал свитера

и, разложив их на столе, мягко опустил Кэйд на них. Она впервые воспротивилась. Ей не хотелось отрываться от него ни на мгновение.

Неужели забыла, что здесь его владения? Сильван обхватил ее запястья, вынуждая покориться. Едва его руки сомкнулись на ее запястьях, она перестала бороться, и он пробежал взыскательным взглядом по ее огромным распахнутым глазам, темнеющим в полумраке соскам и податливому распаленному телу.

Положив Кэйд на свитера, Сильван свел вместе тонкие запястья, удерживая их одной рукой. Она продолжала дрожать, распростертое перед ним тело бледнело в темноте. Начав щекотать ее лоно, он обнаружил, что оно уже обильно увлажнилось.

Кэйд возбудилась… почти мгновенно. Он наслаждался своим могуществом, побуждая ее изнемогать от желания, изгибаться и стонать. Сильван мог часами наслаждаться такой сексуальной игрой. Но, видя ее беспомощное изнеможение с запястьями, обхваченными его рукой, и бедрами, извивающимися под его пальцами, глядя, как продолжает содрогаться ее тело от желания слиться с ним… он не посмел длить их сладкую муку. Да и сам он уже еле сдерживался.

Свободной рукой Сильван спустил джинсы и притянул Кэйд к себе, ощущая, как пульсирует ее возбужденная плоть, отчаянно прижимаясь к нему и двигаясь в бессознательном древнем ритме.

Поразительно, но даже тогда сдержанность не сразу покинула его, и он постепенно, нащупывая пути, входил в нее, посматривая на закрытые глаза и чувствуя, как начинают неудержимо затягивать его эти сокровенные глубины, околдованные его восставшим членом. Кэйд выглядела совершенно потрясающе на мраморном ложе, и вся эта стройность и белизна плоти, еще не до конца извлеченная из змеиной черной кожи легинсов, принадлежали ему. Невыносима была даже мысль о скором окончании этого наслаждения.

Но и сама Кэйд казалась немыслимой, совершенно невообразимой. И Сильван тоже не смог выдержать сладостно мучительного ожидания. Когда она устремилась к нему вновь, он сразу откликнулся и погрузился в нее, выплеснув всю мощь освобожденной страсти.

Кэйд долго приходила в себя, а потом попыталась собраться с мыслями и понять, что же будет дальше. Не очень удобно обниматься на мраморном столе. Тем более с презиравшим тебя мужчиной, который несколько минут назад впервые обратился к

тебе на «ты» лишь потому, что неохотно согласился удовлетворить твою сексуальную жажду. Ведь он по-прежнему способен вышвырнуть ее в любой момент, или нет?

Сильван еще парил, нависал над ней, опираясь на руки. Его лицо, такое суровое и напряженное несколько минут назад, было сейчас совершенно расслабленным, почти сонным. Но он не закрывал глаза. Кэйд даже предпочла бы, чтобы он закрыл их, но нет, его горящий взгляд продолжал блуждать по ее телу. А на его чувственных губах, обычно столь строгих и педантичных в произношении гласных звуков, играла мягкая улыбка. В общем, Сильван был вполне доволен своей жизнью.

Естественно, какой мужчина не испытает полного удовольствия от соблазнения женщины, готовой от одного прикосновения наброситься на него, сорвать одежды и распластаться перед ним? Почему бы тут и не возрадоваться?

Кэйд прикрыла глаза. Его руки оказались воплощением ее самых смелых снов. Очень сильными, уверенными и… уместно деликатными. И безусловно, они знали температуру ее плавления.

Как же быстро она поддалась искушению! Холод мрамора возвратил ее с небес на землю. Продолжая опираться на одну руку, он положил другую на ее живот, машинально поглаживая его пальцами. Стало немного теплее. Кэйд перестала ощущать полнейшее отстранение, странную неловкость. Но продолжала замерзать. И не знала, что сказать. А Сильван, разумеется, не собирался подкидывать ей никаких идей.

А чуть позже, ощутив влагу на своих бедрах, она потрясенно осознала, что впервые в жизни занималась сексом без всякой защиты. Кэйд, конечно, принимала таблетки, но… ведь он мог развлекаться с другой любовницей, с этой Шанталь. И вообще, кто знает, со сколькими женщинами Сильван спал, учитывая его эротичные руки и губы, и карие глаза, и самоуверенность, и весь его соблазнительный шоколад.

Обескураженная, потрясенная и подмерзшая до легкой тошноты, Кэйд попыталась выбраться из-под Сильвана. Мягкая улыбка исчезла с его губ, и он, повернувшись боком, оперся на локоть. Потерев лоб, Сильван откинул назад волосы и посмотрел на нее. Его долгий взгляд и упорное молчание пробудили в Кэйд смутную тревогу. Неужели нельзя просто отвернуться? Она одевалась, стоя к нему боком и опустив голову. Не представляя, что ей следует сказать или сделать. Кэйд упорно пыталась что-нибудь придумать, но не находила нужных слов. Да и что она может сказать: «спасибо»? Ни в коем случае… Не станет благодарить его за любезный секс. «Что ж, милое получилось

свидание»? О, боже! Или: «До завтра»? Нет, нет, не то!

– А еще я могу приготовить тебе chocolat chaud, – произнес Сильван.

Дерзость исчезла из его голоса. Он звучал… ласково, не угрожающе. С оттенком легкого поддразнивания.

– Вероятно, получше тебя.

Кэйд встрепенулась и посмотрела на него.

– Правда?

Неужели он хочет угостить ее горячим шоколадом?

– Vraiment[95], – с улыбкой добавил он.

Она обиженно прищурилась.

– Но ты же не пробовал мой напиток.

– А ты не пробовала мой!

Только ли о горячем шоколаде они спорили?

– Садись. – Сильван поднял и вновь усадил Кэйд на мрамор. – Смотри, как это делается. И надень свитер, пока не замерзла.

Однако сам он предпочел не натягивать свитер или рубашку. С обнаженным торсом, не замечая холода, Сильван забрасывал специи в ковшик, взбивая молоко с шоколадом, готовя ей горячий напиток. В движении его гибкое тело смотрелось очень красиво. Высокий и худощавый, он обладал идеальными мужскими формами, плоским животом, широкими плечами, на груди курчавились темные волоски, а волнистые пряди его шевелюры, с одной стороны заправленные за ухо, с другой – ниспадали на щеку. Он умел придать каждому движению замечательные целесообразность и легкость.

– А твой мускатный орех из Занзибара? – спросила Кэйд, поднося ко рту чашку, приятно согревающую руки и лицо.

– Бывает и оттуда.

Она попробовала напиток. Вкус получился восхитительный. Густой и маслянистый, с ускользающими оттенками слившихся воедино специй и воспламеняющий жаром все ее замерзшее, по-новому неловкое, словно едва рожденное тело. Сильван так же, как Кэйд, добавлял корицу, мускатный орех и ваниль, хотя пришлось признать, что у нее не получилось бы так вкусно.

Допив шоколад, она пригляделась к поблескивающему коричневому осадку на донышке, пожалев, что никому не удавалось предсказать ее будущее по шоколадной гуще.

– Ты собираешься сообщить обо мне в полицию?

– А разве ты похитила рецепты, чтобы использовать их без моего разрешения в компании «Шоколад Кори»?

– Пока нет. И тем более не буду, если ты дашь мне разрешение. Это значительно упростит дело.

– Ты имеешь в виду, могло бы сделать его более выгодным? В

Америке смешивают понятия эффективности и простоты.

– Они родственны.

– Это разные понятия.

Сильван прислонился к мраморной столешнице, держа свою белую чашку, контрастно выделявшуюся на фоне его матовой кожи и курчавых волос на груди. Если он продумывал каждое движение, чтобы опять соблазнить ее, то не мог бы сделать это более эффективно.

– Вызов полиции представляется мне бесполезной тратой одной хорошей возможности.

– Какой?

– Для шантажа. – Его губы медленно расплывались в соблазнительной улыбке.

Кровь застыла в ее жилах. Неужели она сама предоставила ему возможности для шантажа? Незаконное вторжение. Сколько же сможет заплатить «Шоколад Кори» за сохранение тайны? А сексуальные утехи на столе… У него действительно установлена тут скрытая видеокамера? И вновь Кэйд окинула тревожным взглядом комнату, пытаясь разглядеть место, из какого мог поблескивать глазок одного из тех миниатюрных устройств, что так красиво смотрелись в витринах магазина на центральном рынке.

– И какими же будут требования вымогателя?

Его ресницы опустились, пальцы напряженно сжали чашку.

– Не думаю, что мне следует выдавать их прямо сейчас, но завтра… возможно. Где-нибудь… в более уютной обстановке. Там я опишу их тебе во всех подробностях.

Жаркая волна возбуждения вновь прокатилась по телу Кэйд. О чем они будут говорить? О взятке за молчание или о взятке за секс? Видимо, и о том и о другом. С него станется затребовать за все одним махом! Ведь, в сущности, Кэйд ничего о нем не знала. За исключением того, что прямо сейчас ей ничего так не хотелось, как занять место его чашки с горячим шоколадом, прижаться к его обнаженной груди и с неспешным наслаждением целоваться с ним. Что он подумает, если она подойдет и приложит голову к его груди, прямо к сердцу? Неужели она достойна лишь жалости? И ее красная цена – тридцать три цента в «Уол-марте»?

Кэйд поставила чашку на мрамор, этот тихий стук вдруг прозвучал в лаборатории последним отчужденным и холодным стоном.

– Ладно. Спасибо за шоколад.

По крайней мере этот chocolat chaud подсказал ей прощальные слова перед уходом.

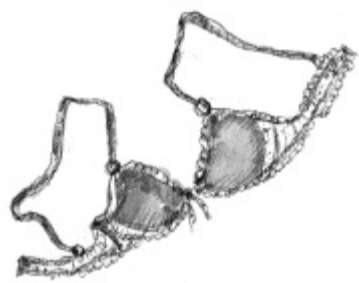
Сильван издал приглушенное скептическое мычание, словно она нокаутировала его.

– Il n’y a vraiment pas de quoi[96]. Не стоит благодарности, уверяю тебя.

Кэйд не поднимала головы, боясь увидеть выражение его лица. И направилась к выходу. По крайней мере это не похоже на бегство после позорного поражения. Никакого унижения. Хотя ощущение весьма неловкое.

Сильван последовал за ней и остановился за дверью, украдкой поглядывая, как Кэйд перешла улицу, и убедившись, что она удалилась в свой безопасный мир.

Под навесом промелькнула чья-то тень. Кто-то стоял там, наблюдая за ней. С участившимся пульсом Кэйд посмотрела в ту сторону, готовая либо бежать, либо дать отпор, но темная фигура отступила во мрак. Она облегченно вздохнула. Кто бы там ни был, сегодня ночью он не представлял для нее опасности. Наверное, увидел, что Сильван провожает ее взглядом.



Глава 14

– Сильван!

Тот прищурился, тряхнул головой и обернулся к Паскалю.

– Мы же хотели решить, какие конфеты готовим сегодня, – напомнил Паскаль, кивая в сторону старой потрепанной школьной папки, в которой хранилась пачка рецептов, собранная за десять лет. Вернее, ингредиенты рецептов. Методика и временные параметры хранились только в голове Сильвана.

Сильван потер лоб.

– Извини. Сегодня мне не удалось выспаться.

Губы Паскаля сложились в выразительную усмешку, свидетельствующую о том, что на ум ему пришла дюжина шуточек относительно бессонных ночей, но он предпочел придержать их до лучших времен.

– Передайте мне дела, а потом идите домой и отоспитесь. Вы и так пашете почти без выходных.

Дверь открылась, и в нее вошла Франсин, управляющая его магазином.

– Сильван, вы можете объяснить мне, что это за глупая серия репортажей о похищениях? Последние пару дней покупатели только об этом и спрашивают, а сейчас одна из живущих поблизости американок заявила, будто утром видела статью на сайте «Нью-Йорк таймс». И еще звонит какой-то репортер из «Ле монд». Правда, что какой-то американский шоколадный барон крадет ваш шоколад? Ко-рий?

Сильван прищурился еще сильнее.

– «Нью-Йорк таймс»? В сегодняшнем номере?

В смущении он попытался вспомнить, какое же время сейчас на противоположном берегу Атлантики. Но так и не смог, поскольку его никогда не волновало, что происходит на том самом противоположном берегу Атлантики.

– Говоришь, упоминали Кэйд Кори?

Франсин развела руками.

– Сама не читала. Но подозреваю, что статья есть в Сети.

Сильван молча бросил папку с рецептами и прошел в кабинет к своему компьютеру.

«Похитительницей Шоколада могла стать любая лакомка» – гласил заголовок кулинарной рубрики. Он усмехнулся. Прелестно. Всякий раз, как его имя мелькало в кулинарном разделе «Нью-Йорк таймс», в последующие пару месяцев он зарабатывал целое состояние на продажах американским туристам. У него и так уже сложился солидный контингент покупателей из американских знаменитостей и сумасбродных богачей, которым раз в неделю доставляли партии его конфет авиапочтой, и он мог наверняка увидеть расширение этого списка. Сильван испытал удовольствие, когда смотрел фильм Стивена Спилберга, или на персонажа, сыгранного Кейт Бланшет, или когда открывал «Гугл» на своем компьютере и представлял, как эти знаменитые деятели поедали его конфеты, работая над созданием своих шедевров.

«Последние два дня, – как сообщили блогеры, – похититель крадет всемирно известные шоколадные конфеты Сильвана Маркиза».

«Всемирно известный». Сильван усмехнулся. Пусть так, но всегда приятно видеть, как это повторяется теми, кто признан глобальным авторитетным источником новостей.

«Вероятно, в это дело замешана Кэйд Кори, дочь Мака Кори и совладелица компании «Шоколад Кори», в настоящее время живущая в Париже. Согласно нашим сведениям, она предоставила одной женщине на день свою кредитную карту – ссудив ей около тридцати тысяч долларов – в обмен на ее место на мастер-классе Сильвана Маркиза. А прошлым вечером, как было замечено, она проскользнула в закрытую мастерскую Сильвана Маркиза и через несколько часов покинула ее под покровом ночи».

«Правда, там ее поджидал сам Сильван», – подумал он, теряя нить сообщения из-за более ярких, вновь вспыхнувших в нем ощущений во время близкого общения с Кэйд Кори и живо представляя ее гордо вскинутую голову и настороженный взгляд, когда он застал ее на месте преступления в своей лаборатории.

«И сейчас, судя по всему, ее телефон должен постоянно звонить», – подумал он.

Лицо его отразило явные сомнения. Как отреагирует Кэйд на эту статью? Пришлось признать, что в основном его обеспокоило то, что она может перестать тайно красться по ночам в его лабораторию за шоколадом. А если прошедшая ночь станет единственной и их роману не суждено продолжиться? То, чем

двое занимались в тайном молчании, может никогда не повториться, они могут даже отказаться признать, что между ними имелась связь. С годами жизнь научила Сильвана многому.

Он предоставил ей больше шансов, чем ему хотелось бы, больше возможностей для отступления, чем подсказывало ему чувство, оставшееся после их встречи в его лаборатории. Вчера ожидание казалось Сильвану невыносимо долгим, пока он проверял, не захочет ли Кэйд отклонить его притязания или передумать. Но она, казалось, не колебалась. Ни секунды. И это означало… сегодня это уже абсолютно ничего не означало. Можно ли удержать в руках легкокрылую бабочку? Так просто обольститься ее красотой и разрушить из-за нее всю свою жизнь. Суровая реальность стерла улыбку с его лица.

«Ça, alors… ça serait vraiment con!»[97] – подумал он.

Он повел себя как идиот. Все знал о тонкостях обработки шоколада; и также отлично знал, что ему следовало потом приласкать ее, успокоить, охладив пыл до нормальной температуры, вернув к обычной жизни. А он не удосужился. Слишком поглощенный собственными переживаниями, просто околдованный случившимся – словно потер одну из своих склянок с ванилью, а оттуда вылетел суккуб[98] со всеми вытекающими из этого последствиями.

Только после того, как Кэйд начала одеваться в том неловком молчании, у него хватило сообразительности попытаться спасти ситуацию, предложив ей горячего шоколада. Сильван приготовил его по лучшему рецепту, пытаясь искупить свою глупую невнимательность. С того момента он уже обдумывал каждое движение, каждое слово, стараясь вновь настроить Кэйд на сердечные отношения, заманить обратно в свои объятия. Специально не надевая рубашку, он даже не замерз, пока готовил горячий напиток. Но если его обнаженный торс и породил в ней вновь безумное вожделение, то она умело скрыла его.

Сильван не знал, помог ли тот шоколад исправить… хоть что-то. С женщинами все сложно, никогда не поймешь, о чем они думают. Похоже, ими движут какие-то странные инстинкты, после секса они почему-то становятся сумасбродными и загадочными. Казалось бы, секс мог вселить в них уверенность в собственных силах, подарив блаженное ощущение того, что мир этот устроен прекрасно, – но ничего подобного. С женщинами постоянно надо быть предельно внимательным и тактичным, а он оплошал.

Его попытки закинуть удочку на будущее, очевидно, не сработали. Ему подумалось, что вымогательская сексуальная игра может раздразнить женщину, которая, наряжаясь в кожаные легинсы, проникает в его лабораторию специально, чтобы ее там

поймали, но Кэйд это жутко разозлило. В ушах еще звучал холодный стук пустой чашки о мрамор, точно лязг закрывшегося дверного засова.

Если он потерял ее, то по своей идиотской вине… Ça serait vraiment, vraiment con[99].

В этот момент зазвонил его собственный телефон.

А телефон Кэйд звонил не переставая, сводя ее с ума, точно назойливый зловредный шмель, пока наконец не вырвал из сонного блаженства. Счастливого, беспечного сна. Взяв мобильник, она увидела количество пропущенных вызовов от отца, деда и даже от Джейми, потом озабоченно потерла лоб и переключилась на сообщения своей почты. Поток входящих сообщений беспрерывно пополнялся из «Гугла». Вот наказание! Чем же на сей раз привлек Сильван Маркиз столько внимания?

Кэйд открыла первое сообщение, небольшую цитату на сайте «Нью-Йорк таймс», и увидела, что, помимо имени Сильвана, склоняется не только дерзкая похитительница, но и ее собственное имя.

От ужаса ее чуть не стошнило прямо в кровати.

Мобильник продолжал гудеть, точно растревоженный улей. Кэйд вскочила, забежала в ванную и надолго обнялась с туалетом, пока не убедилась, что рассталась со всем выпитым ночью горячим шоколадом. Вернувшись в комнату, Кэйд прочитала основные статьи. После чего ей пришлось опять заглянуть в туалет и еще немного пострадать над ним. Придя в себя, она открыла новый ноутбук, купленный вчера, и минут двадцать пыталась наладить работу Скайпа, набиралась мужества, чтобы стоически перенести вызванные ее безумствами неприятности.

Отец Кэйд, небритый, со всклокоченными после сна начинающими седеть волосами, еще пытавшийся выгнать дремоту из своих голубых глаз, практически потерял дар речи.

– У меня… просто… нет слов… Ты с ума сошла? Кэйд, зачем? У нас же есть для этого специалисты.

– Тебе не следовало позволять уличить себя, – добавил дед, выглядывая из-за отцовского плеча.

По сравнению с коренастым сыном он выглядел более стройным и изящным, с белоснежной шевелюрой, обрамлявшей морщинистое, но оживленное лицо, словно он давно бодрствовал, что в принципе вполне могло быть правдой. Дед привык спать по ночам всего по несколько часов. Его голубые глаза были светлее, чем у Кэйд или ее отца, Мака, поблекли с возрастом, но речи, неизменно яркие, полнились абсолютной уверенностью в каждом

изрекаемом им слове.

– Я же предупреждал, чтобы ты не попадалась в ситуации, где тебя могут выследить!

– Когда ты собираешься вылететь домой? – спросил отец.

Кэйд нахмурилась, сосредоточенно покусывая ноготь большого пальца.

– А я не собираюсь. Пока не собираюсь.

Затянувшееся молчание. Из-за задержки передачи с видеокамеры ее отец замер, неподвижно взирая на нее.

– Зачем тебе задерживаться? Трудно придумать, какой еще ущерб ты надеешься нанести нам! Кэйд, я связался с «Уолл-стрит джорнал». Просто сделал дополнительный политический вклад на тот случай, если нам придется вытаскивать тебя из какой-то французской тюрьмы. Опомнись, ты же не Джейми!

Увы, почему-то Джейми всегда добивалась того, чего хотела, какое бы сумасбродство ни взбрело ей в голову. Протесты на саммите «Большой восьмерки», шествие с плакатом против применения слезоточивых газов для разгона антикапиталистических демонстраций, туристические поездки по миру, в то время как Кэйд еще со школы начала трудиться на их семейном предприятии. Сестра могла плюнуть на все дела и последовать зову сердца, причем ее отец да и сама Кэйд только поощряли ее выходки – предприятия Кори обеспечивали Джейми лейбористские программы на шоколадных плантациях, осуществление любых ее желаний. Кэйд подумала, что если бы в юности дерзнула попасть на первые полосы газет, выразив протест Всемирной торговой организации, то тоже могла бы стать свободной практически в тот же момент. Свободной следовать за своими мечтами. И тогда, вероятно, именно Джейми пришлось бы взвалить проблемы компании «Шоколад Кори» на свои плечи, поскуливая о том, что старшая сестра сбросила их на нее.

– Франция не станет утомлять себя экстрадицией из-за одного незаконного проникновения, поэтому если вернешься домой до того, как они выпишут ордер на арест, то сможешь избежать тюрьмы, – услужливо подсказал дед.

– Я еще не добилась того, зачем приехала, – упрямо возразила Кэйд.

– И мне пока не удалось облагородить шоколад вкусом шпината, – парировал дед. – Невозможно добиться всего желаемого.

Она посмотрела на экран. Значит, дед в одночасье превратился в ренегата, вот хитрец. А ведь сам всегда поддерживал ее, пока в прессе не всплыла фамилия Кори.

– Верно, но ты же не отказался от попыток. Да и прадедушка

упорно сражался за тот молочный шоколад, даже после того, как спалил дотла ферму из-за своих экспериментов.

Это воспоминание внезапно придало ей уверенности. Как бы она сейчас ни огорчила своих родных, прадедушкины родные огорчились гораздо больше, когда он обратил в руины их отчий дом из-за одной несбыточной мечты. А посмотрите, чего они достигли благодаря его экспериментам.

И теперь благодаря ее стараниям они все… во власти настроения французского шоколатье.

– Давай перейдем сразу к делу, – заявила мать Сильвана, Маргерит, позвонив из Прованса, где Сильван помог купить дом вышедшим на пенсию родителям.

Везет как утопленнику. А он-то уже обрадовался, что увернулся от звонка «Монда».

– Значит, какая-то избалованная миллионерша вламывается в твой магазин и крадет шоколад? – Мать Сильвана, как обычно, очаровательно играла голосом, но милые оттенки несли такой колкий подтекст, что у сына загорелись уши.

– Как ты пронюхала об этом так быстро?

– Мой «Гугл» настроен на тебя, разумеется. А кроме того, проснувшись сегодня, я смогла спокойно принять душ только после десятка утренних звонков от наших друзей. Так это правда?

– На самом деле пока ей не удалось украсть ничего, кроме конфет, – уклончиво ответил он. – Она не нашла моих рецептов.

Да и они, в общем, ей не сильно помогли бы. В рецептах Сильван указывал лишь список ингредиентов. А весь процесс смешивания, температурных режимов и прочей обработки держал в голове.

– Maman, une alerte Google?[100] – поинтересовался он.

– Почему ты сказал: «пока»? – оставив без внимания его вопрос, поинтересовалась мать. – Разве ты не задержал ее?

Сильван лихорадочно соображал, что ответить.

– Шоколад – дело тонкое.

Впрочем, и его личные дела не так-то просты. Пора закрывать тему.

– У меня все нормально, – успокаивающе добавил он.

Естественно, его мать не поняла намека на то, что это вовсе не ее дело. Никогда не желала понимать.

– Так ты не смог задержать ее? – мелодичный голос вызвал у Сильвана острый приступ негодования, даже уши опять загорелись. – Так и позволил ей просто уйти с твоими конфетами?

Мало того, он еще надеялся, что она вернется и похитит у него гораздо больше.

– Сложный вопрос.

– Что же в нем сложного?

– Она… очаровательная особа, – сконфуженно объяснил Сильван.

– О, нет, умоляю, не говори мне, что ты собираешься позволить какой-то взбалмашной богатой кукле воспользоваться твоей глупостью и похитить твои ценности. А заодно и разбить тебе сердце.

– Я и не позволю, – решительно заявил он.

Похоже, он начал врать. Это уже опасный признак.

– Сильван, – простонала мать, – неужели жизнь тебя так ничему и не научила?

Что за черт! Почему это все заранее принимаются оплакивать его?

Когда случались подобные утренние неожиданности, Кэйд обычно предпочитала долго стоять под душем, оттягивая момент возвращения к делам. Но в тесной парижской ванной ей удалось только залить бумажные обои на стенах и замерзнуть. Кончилось дело тем, что она набрала ванну и погрузилась в воду, оставив на поверхности лишь нос. Кэйд уже много лет не принимала ванны, и когда бодрящее воздействие этой процедуры закончилось, испытала смутную тревогу. Вдобавок она не сомневалась, что температура в квартирке не превышает шестнадцати градусов.

Она оделась с особой тщательностью, насколько возможно для женщины, привыкшей следить за своей внешностью, – безупречно подобранные тени для век, изысканная тушь для ресниц и долгие, чертовски долгие сомнения по поводу идеальной губной помады. Следующим этапом стал выбор безупречной пары брюк, равно привлекательных и деловых, но чтобы ни у кого и мысли не возникло о черных кожаных легинсах. Кэйд уже остановилась на шоколадно-коричневом оттенке, когда ее вдруг взбесила их цветовая связь с шоколадом, и вместо брюк она решительно достала короткую серую юбку-карандаш, серые в тонкую полоску колготки и высокие черные сапоги. Темно-бордовый свитер. И подвеску с черным жемчугом. Но к строгому комплекту требовалось подобрать длинное шерстяное пальто. Без пальто на улице и простудиться недолго. А если уж без пальто не обойтись, то хотелось в нем выглядеть достойно. И ее выбор пал на вызывающе красное шерстяное пальто.

Снаружи у дверей шоколадного магазина выстроилась очередь, и Кэйд, рискнув использовать украденный код при дневном свете, направилась к черному ходу. Правда, там вполне мог торчать какой-нибудь журналист с фотокамерой. Либо один

из этих дьявольски любопытных кулинарных блогеров. Пожалуй, туда соваться не стоит!

Тогда она, усвоив уже местные обычаи, с важным деловым видом прошествовала мимо очереди и решительно вошла в дверь магазина. Ну ладно, попыталась решительно войти в магазин. На практике оказалось сложно проскочить и протиснуться через плотно сбитую толпу, жадно пожирающую глазами стеклянные витрины.

Кэйд взялась за ручку двери лаборатории.

– Мадам! – воскликнула одна из служащих в коричневом переднике, украшенном надписью «Сильван Маркиз». – Vous ne pouvez pas…[101]

– Vous êtes Cade Co-ree?[102] – услышала она радостное восклицание какого-то мужчины.

Она не удостоила вниманием никого, хотя вздрогнула при громогласном упоминании ее имени в этом магазине. Особенно ее фамилии. Слава богу, их материнская компания доступна лишь узкому кругу инвесторов.

Сильван и Паскаль склонились над потрепанной коричневой папкой, оба в поварских колпаках – более высокий из них венчал голову владельца. Заметив ее, Сильван мгновенно выпрямился и закрыл папку. Улыбнулся, но настороженно.

Кэйд, прищурившись, посмотрела на него.

– Можно мне поговорить с… – Она запнулась, сообразив, что обращение к этому французу сейчас представляло для нее неловкий выбор. Она могла также сказать «vous», обратившись к нему безукоризненно официально и профессионально, или «tu», интимно обнаженное перед всеми, кто мог услышать. К черту местоимения! Кэйд сделала вид, будто забыла даже азы французского языка и не может вспомнить ни слова.

– Мне хотелось бы поговорить без свидетелей…

Отступать поздно, осознала она, вспомнив, что задавала примерно такой же вопрос при первой встрече, закончившейся позорным изгнанием из его лаборатории. Если бы Сильван в сомнении поднял брови и сказал: «Это так важно?» – то Кэйд могла бы вспыхнуть со взрывоопасной силой, способной спалить содержимое этой папки. А где же именно он хранит сокровища, когда не просматривает их? Кэйд искала повсюду.

– Bien sûr, – любезно ответил он. – Если, конечно, мне выпадет честь услышать хоть слово по-французски.

Она рассердилась, пожалев, что у нее нет стека, чтобы постукивать по ноге с угрожающим или многозначительным видом. Он угадал ее колебание по важному выбору между «tu» и «vous» и поддразнил ее. Кэйд заметила, как Сильван ловко

избежал в своем ответе упоминания о том, что сам он, безусловно, является вторым собеседником диалога без свидетелей.

А ведь ночью он перешел на «ты». Хотя она не могла вспомнить, перешла ли на «ты» сама.

– Par ici, peut-être, mademoiselle Кори[103]. – Сильван взял ее под локоток.

От его прикосновения Кэйд будто ударило электрическим током.

– Полагаю, вы еще не бывали в моем кабинете, – добавил он с многозначительной иронией, поскольку они оба знали, что она заглядывала туда три ночи подряд.

И наконец употребил отстраненное «vous». Кэйд проглотила эту ледяную «пилюлю».

Сопроводив ее в кабинет, Сильван плотно закрыл дверь. Отпустив ее руку, он присел на край письменного стола и улыбнулся.

– Bonjour, – произнес он, сняв и небрежно бросив свой белый колпак на стол, и тряхнул головой.

Прошлой ночью Кэйд даже не дотронулась до его волос. Все произошло с такой ошеломляющей быстротой. Ее пальцы невольно задрожали, словно сожалея, что упустили шанс ощутить, так ли его волосы шелковисты, как выглядят. Она не сомневалась, что если бы сейчас сняла перчатки, то не удержалась бы от того, чтобы зарыться пальцами в его шевелюру и…

– Позвольте мне объяснить вам кое-что по поводу шантажа, – процедила Кэйд сквозь зубы. – Если вы хотите манипулировать кем-то, за кем водятся, так скажем, тайные грешки, то нельзя сообщать о них всем.

Его взгляд блуждал по ее красному пальто.

– Что? – Сильван посмотрел ей в лицо.

– Повторяю, если вы собираетесь шантажировать кого-то, то должны суметь удержать компрометирующую информацию в тайне.

Он уставился на ее грудь, словно пытался проникнуть взглядом под толстое пальто.

– О чем вы?

– Вы меня не слушаете?

– Я стараюсь, – признался Сильван, улыбнувшись. – Но прошлой ночью мне не удалось толком выспаться. И я невольно продолжаю грезить о причинах бессонницы.

«Слава богу, что я в пальто!» – подумала Кэйд. По крайней мере он не увидит, как затвердели ее соски или сжались бедра.

– Мне показалось, что вы допускаете мысль о шантаже. Я даже уверена в этом!

Шоколадные глаза Сильвана потемнели.

– Так тебе понравилась моя идея? Может, под пальто у тебя легкая пижамка или даже…

Она заметила, что Сильван опять перешел на «ты». Не пытается ли он свести ее с ума? Она уже не представляла, на что может подвигнуть ее его близость.

Хотя в такую словесную игру могут играть и двое. Никто в Париже, казалось, даже не понял, что она умеет говорить по-французски. Она могла, строя фразу, путано употреблять то «tu», то «vous», изображая полнейшую невинность.

– Да, та твоя идея понравилась мне гораздо больше, чем связь моего имени с похитительницей в «Нью-Йорк таймс». Тебе следовало подумать, прежде чем выкладывать им скандальные сведения.

Его брови поднялись.

– Ты полагаешь, что это я сообщил им? Неужели считаешь меня imbécile[104]?

– Но ты же отказался от многомиллионного контракта, а потом мог решить, что выгоднее просто шантажировать меня. У меня пока не сложилось мнения относительно вашей сообразительности.

– Мне не выпала удача родиться лучшим шоколатье Парижа, – прищурившись, заявил он, – поэтому пришлось поработать мозгами, чтобы добиться успеха. А вы, видимо, родились владелицей «Шоколада Кори»?

Это был мучительный и вызывающий ярость удар. Именно так к ней вечно и относились, завидуя, что она унаследовала миллиарды, будто из-за них сама она превратилась в ничтожество. Но Кэйд упорно трудилась на благо своей компании, и факт ее рождения наследницей только подтвердил, что иногда фортуна улыбается достойным. Управление семейной фирмой стало целью ее жизни с того момента, как она утвердила свое появление в материнском чреве, вызвав у матери отвращение к запаху какао.

И пытаясь как-то проявить себя и сделать хоть какой-то собственный выбор, Кэйд глупо увлеклась и пустилась в немыслимую авантюру, пытаясь завладеть в Париже старинным рецептом изысканного темного шоколада во благо своей компании.

Пока она, закипая от гнева, размышляла над ответом, Сильван произнес:

– Какую связь мог иметь шантаж с вашей нелепой идеей

контракта? Неужели ты подумала, будто я собираюсь использовать близость, возникшую между нами, ради наживы?

Кэйд молчала. В его глазах разгорался огонь возмущения.

– Прошлой ночью… после моих слов… ты подумала, что все это было ради денег? – Он резко встал со стола, оказавшись зажатым в тесном кабинете в шаге от нее. – И ты еще подумала, что это я не очень сообразителен? А все потому, что, видимо, ваше своеобразное понятие об интеллекте равносильно лишь способности отследить выстраивание цепочки из шести нулей за значимой цифрой!

«Девяти нулей», – машинально подумала она.

– А какое определение слова «интеллект»?

– Из множества значений мне близко одно… Это способность распознать нечто ценное в созерцаемом мире, – не задумываясь, ответил Сильван. – Или в мире вкусовых и… тактильных ощущений.

Кэйд покраснела. О чем он говорит? Об общей жизненной философии или о ней самой? Представляла ли она собой нечто ценное? В не связанном с деньгами смысле?

Ну вот опять… Ей нравились его вкусы и прикосновения. Смущение Кэйд придало лицу оттенок, близкий к малиновому цвету ее свитера, когда она вспомнила его потрясающие ласки и ошеломляющие прикосновения. Может, он имел в виду, что сам представляет собой некую ценность, а ей следовало распознать это по вкусовым и тактильным ощущениям? Тогда это просто очередной всплеск его высокомерия!

– Я вполне способна дать адекватную оценку вещам и явлениям, – резко проговорила она. – Именно поэтому я проникла сюда, пытаясь стащить рецепты ваших шоколадных конфет.

Чего бы она ни намеревалась добиться таким высказыванием, ей это явно не удалось, поскольку лицо Сильвана было непроницаемым, похожим на маску.

– Или уговорить Доминика Ришара, чтобы он продал мне свои рецепты, – капризно добавила она.

Его губы плотно сжались.

– Скажите мне еще кое-что. Ради шоколада Доминика Ришара вы могли бы также заняться с ним сексом?

Еще чего! Ведь импозантный Доминик Ришар был грубым неразборчивым волокитой. И она не лишалась умственных способностей, глядя на его руки. Или на его губы. Он не обладал красотой и совершенством движений.

Но Кэйд не собиралась объяснять это Сильвану Маркизу. Особенно сейчас, когда он напоминал оскорбленную, уползшую в свою раковину улитку, а ее смущение вдруг исчезло, сменившись

усталостью.

– Мне не нужен ваш шоколад. Мне не нужны вы. – «Нет, нужен, нужен, чертовски нужен! – мысленно кричала она себе. – Замолчи, заткнись, идиотка!» – Я отзываю предложения о контракте.

Кэйд плохо помнила, как звучит эта фраза по-французски. Хотя видела ее в одном из своих пособий по деловым переговорам, которое нравилось ее учителю, но не уделила этой фразе должного внимания. И еще одно французское выражение она не выучила, поэтому перешла на английский и воскликнула:

– Идите к дьяволу, Сильван Маркиз!

После чего Кэйд удалилась.

Глава 15

– Черт, – оставшись один в кабинете, пробормотал Сильван. – Паршивая ситуация!

Она права, он действительно imbécile. И почему именно рядом с ней он так глупеет? Всякий раз Сильван думал, что надо проявлять ласковую заботу, напоминал себе о правилах обольщения, но все оборачивалось только хуже.

Она же сама явилась к нему. Не пыталась скрываться. Пришла в боевом настрое, вновь искала с ним встречи.

Зачем он начал рассуждать о ценности своего шоколада? Он понимал, во что это выльется. Но испытывал странное возмущение. Внутренний голос нашептывал ему: «Не торопись, если все дело лишь в шоколаде, то почему ты согласился на секс с ней?» В прошлом году лучшим шоколатье Парижа признали Доминика Ришара. Правда, в силу ошибки судейства со стороны мэра, который оказался соседом Доминика. Однако… Кэйд Кори наверняка выделила его среди парижских шоколатье независимо от того, насколько хорош изготовляемый им шоколад.

Сильвана охватило внезапное отчаянное желание заставить ее признать его первенство – по крайней мере признаться самой себе, если не захочется громогласно подтвердить это ему. А то, чего он добился в итоге, напоминало грустную историю красивой модели самолета, которую ребенку повезло получить в подарок на Рождество, но он разбил ее в приступе ярости из-за того, что не удалось аккуратно перевести на самолет фирменную картинку.

Сильван вернулся в лабораторию, но вдруг осознал, что не в состоянии думать о своих рецептах.

– Ладно, я сам разберусь, – произнес расстроенный Паскаль. – Вы, шеф, сегодня ни на что не годны.

Точно, абсолютно бесполезен. Сильван вспомнил, как краска необъяснимого смущения Кэйд Кори начала бледнеть, и вскоре на побелевшем от гнева лице уже сверкали лишь одни глаза.

– Пойду проветрюсь.

В прихожей, сорвав с себя tablier[105] и поварскую куртку, он облачился в кожаную куртку, одетую сегодня утром в честь его соблазнительной Похитительницы. Сильван направился в Люксембургский сад. Ноябрьский ветер покачивал лишенные листвы ветви и холодил щеки. Под ногами похрустывал гравий.

Сад заметно опустел, ведь весной и летом его заполняли толпы туристов Но даже в холодный сезон всегда находились желающие обрести в этих ровно подстриженных аллеях утешение. Туристы, попадавшиеся в Париже даже в ноябре, фотографировались перед дворцом около большого, правильной восьмиугольной формы пруда, бродили стайками или по одиночке, размышляли, сидя на стульях или ступенях лестниц. Находчивый бездомный сдвинул в ряд восемь стульев и, расположившись на них, укрылся старыми одеялами и подобранной где-то новой курткой. С блаженным довольством он подкреплялся чем-то из коробки.

Сильван замер, заметив, что бродяга лакомится конфетами из коробки с его логотипом. И мало того, рядом с ним еще стоял большой пакет с названием кондитерской Сильвана, заполненный коробками с конфетами.

– Где вы раздобыли подобную роскошь? – спросил он, догадываясь, какой услышит ответ.

– Une femme[106], – улыбаясь, произнес бродяга, махнув рукой в сторону аллей. – На днях угостила меня каким-то chocolat de merde[107], и я сообщил ей, что думаю по поводу такого угощения. Наверное, почувствовала себя виноватой и на следующий день дала мне коробку вкусных конфет. От Сильвана Маркиза, – сообщил он. – Вот уж не предполагал, что мне повезет когда-нибудь в жизни попробовать «Сильвана Маркиза».

– Там ведь у вас даже не одна коробка, – заметил Сильван.

Сильван тоже испытал чувство вины, наблюдая, как бездомный поедает его конфеты. Неужели Кэйд даже не прикоснулась к его творениям? Не тосковала у себя в квартире, с жадностью поедая конфеты одну за другой?

Бродяга с угрожающим видом накрыл рукой свой пакет.

– Она дала мне их всего пару минут назад. Распереживалась из-за того, что в первый раз всучила мне ту гадкую «Плитку Кори». Да, в придачу подарила новенькую куртку. – И он продемонстрировал ее, радуясь качеству подаренной теплой одежды. А потом вдруг шмыгнул носом. – Жаль только, что она любит приставать со своими советами. Все пыталась уговорить меня отправиться в приют, когда в моем распоряжении весь этот

прекрасный сад.

Кэйд вломилась в его лабораторию, стащила шоколадные конфеты и отдала их случайному бродяге в Люксембургском саду? Кого же она изображает? Шоколадного Робин Гуда?

Сильван дал бездомному десять евро и решительно зашагал в том туманно неопределенном направлении, которое указал бродяга. Вскоре он заметил красное пальто. Кэйд Кори гуляла по каштановой аллее мимо пустых зеленых скамеек и белых статуй французских королев. Ветер трепал ее волосы, но она упорно продвигалась вперед, опустив голову и спрятав руки в карманы пальто.

Вот она остановилась возле фонтана Медичи, в конце длинного bassin d'eau[108], пристально разглядывая его темные воды и установленную в центральной нише скульптурную группу, изображавшую влюбленных, застигнутых врасплох циклопом[109]. Лианы ухоженного плюща обрамляли живописную композицию, на страже которой высились два оголенных платана. По воде плавали опавшие листья.

Приблизившись, Сильван заметил, что Кэйд подняла руку и смахнула что-то с глаз. Неужели она плачет? Его живот сжался так, словно она, улучив момент, неожиданно ударила его. «Нет, конечно, нет, – подумал он, припомнив, как она деликатно сопротивлялась против его натиска прошлой ночью. Судя по ощущениям, удар ему нанес кто-то более мощный. Или он просто не осознавал, какие внутренние силы таятся в ней?

Ему необходимо научиться быстрее реагировать, чтобы достойно противостоять очередным ударам.

Когда чья-то рука коснулась ее плеча, Кэйд невольно отпрянула. Глупые, гнусные подонки продолжали приставать к ней, куда бы она ни отправилась. Кэйд оглянулась и едва не подскочила, увидев, что грубияном оказался Сильван.

Он повернулся к ней, держа руки в карманах куртки, – не оказалась ли его кожаная куртка своего рода нелепой насмешкой над черными легинсами похитительницы? Накануне он был в элегантном шерстяном пальто.

– Не плачь.

– Я не плачу. Просто здесь холодно и ветрено, глаза слезятся.

– А-а. Тогда позволь мне защитить тебя от непогоды. – Он приблизился к ней почти вплотную, и его грудь, подобно щиту, приняла на себя сильнейшие порывы ветра.

Кэйд сжала губы, пытаясь избавиться от жжения в глазах и носу. Понадобилось не меньше минуты, чтобы слезы по ее щекам перестал гнать ветер.

Было что-то необычайно трогательное в том, как Сильван защитил ее от ветра. Мерзавец… Вероятно, он и это сделал с дальним расчетом.

– Это была испорченная партия или причины более серьезные? – спросил Сильван.

– Нет. – Она усмехнулась, глядя на него. – Мне просто стало тошно от них.

– Правда?

– Уходите.

– Je m'excuse[110].

Неужели он извиняется? Вот ведь мерзавец, законченный мерзавец. Кэйд сжала кулаки и опустила голову, борясь с пронизывающим, обжигающим глаза ветром.

– Но разве ты действительно хочешь этого? – спросил он.

– Отказаться от ваших конфет? Да я с удовольствием раздала бы их всем, если бы имела такую возможность.

Он вытащил руку из кармана куртки и слегка коснулся подбородка Кэйд.

– Чтобы спать с Домиником Ришаром?

Она вдруг вспомнила, как удачно избавилась вчера от нахала, упавшего в Сену.

– Именно вы, похоже, помешались на нем. Вот и спите с ним сами.

Сильван бросил на нее возмущенный взгляд. Кэйд развернулась и двинулась дальше, но Сильван догнал ее и зашагал рядом.

– В таком случае могу я предположить, что вы помешались на мне?

Не останавливаясь, она озадаченно посмотрела на него. Сильван объяснил, что пошутил, Кэйд смущенно зарделась, засунула руки еще глубже в карманы и опустила голову. Он больше ничего не добавил, но когда она украдкой посмотрела на него, он вновь выглядел вполне довольным. Что ж, чудесно! Хоть кто-то воспрял духом.

Сильван проводил ее до дома и стоял, беззастенчиво наблюдая, как Кэйд набрала код на домофоне своей парадной. Что означает его внимание? Она никогда больше не сможет лечь спать в уютных широких штанах и теплой фуфайке.

Он склонился к ней, словно хотел поцеловать ее.

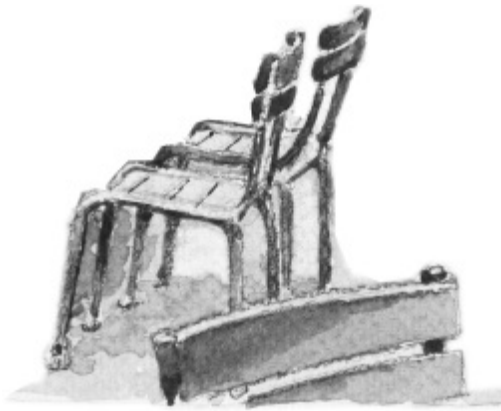
– У тебя сохранился ключ от моего магазина?

Рука Кэйд сжала лежавший в кармане дубликат. Она молча взглянула на Сильвана. Он не попросил у нее вернуть дубликат.

Внезапно Сильван нежно отвел в сторону упавшую ей на лицо прядь волос. Лишь на мгновение его затянутый в перчатку палец

задержался на губах Кэйд.

Потом шоколатье развернулся и направился к своей лаборатории.



Глава 16

Этот ключ сводил ее с ума весь вечер.

Сам вечер получился классным. Тусовка с настоящими парижанами, не имевшими представления о том, кто такая Кэйд Кори, общение с ровесниками, не обремененными особой ответственностью, помимо той, что побуждала их не упустить годы беспечного удовольствия студенческой жизни. Выйдя из бара, они присоединились к многолюдной компании двадцатилетней молодежи, которые вели себя как подростки. Беспечно и весело. Причем в самом Париже! Вот и она приобщилась к его настоящей жизни.

Однако Кэйд продолжала размышлять о «ключевом» вопросе. Хотел ли Сильван дождаться ее в полумраке своей лаборатории? Или планировал проникнуть к ней в квартиру и довести до исступления прямо в ее постели? Кэйд пыталась выбросить из головы темные мысли. Старалась сосредоточиться на веселой вечеринке, но неопределенность сводила ее с ума. Целый вечер она провела в возбужденном состоянии, вспоминая о недавнем.

Кэйд вышла из такси у дома в четыре часа утра и быстро поднялась по лестнице в свою квартирку. Сбросив сапожки с дрожащих от усталости ног, она рухнула на кровать прямо в одежде и твердо сказала себе, что сегодня вечером сделала правильный выбор.

Хотя чувствовала себя как наркоман, решивший провести один вечер без зелья.

Сильван тщательно продумал ночное свидание. Он приготовит ее самые любимые конфеты. Проведет ее шаг за шагом через все стадии процесса: медленное кипячение, плавление, взбивание, пластование, – они займутся любовью к шоколаду, наслаждаясь взаимными прикосновениями, вместе пробуя, смакуя и трепеща от вкусовых удовольствий. Он будет медленно соблазнять ее, терзая их обоих прелестной

неспешностью. Сплетя пальцы, они будут помешивать тающий шоколад, потом он предоставит ей возможность самой что-то смешать. Прижавшись к ней, он обнимет ее, соскальзывая ласкающими пальцами к лону и взлетая к округлостям грудей, нежно поддразнивая и побуждая сочетать шоколадное увлечение с откликами на его ласки.

И на сей раз он не забудет о гармонии.

Сильван размышлял, какими запахами ему хочется дать ей насладиться, какими вкусами насытиться на пути соблазнения. И все нужные склянки, «пистоли» и мешочки уже выстроились перед ним на мраморной столешнице.

Но она так и не пришла.

Он провел ночь в одиночестве. Его терзали мысли о капитуляции, о признании того, что она не придет, и о возвращении домой. А потом Сильвана охватило волнение. Вдруг он упустит шанс и не дождется ее появления? Вдруг она явится через пять минут после его ухода? И он вновь облачался в поварскую куртку и ждал.

Но она так и не пришла.

Глава 17

– Вы провели здесь целую ночь? – удивленно спросил Паскаль.

Он окинул взглядом грязные кастрюли, рассыпанные специи, свежие конфеты, поблескивающие в формочках великолепными, почти черными каплями, еще не успевшими застыть. Осенний утренний свет, проникая через большие окна, поблескивал на стенах над ними.

– Где же вы почерпнули вдохновение?

– На самом деле сегодня мне не хотелось бы ни с кем говорить, – ответил Сильван. – Прошу прощения.

Паскаль посмотрел на шефа и уже открыл рот, чтобы спросить, все ли с ним в порядке, но тот предупреждающе поднял руку:

– Ни о чем. Извини.

Очередной пытливый взгляд, но Паскаль, уважая шоколадного maître[111], понимал, что Сильван заслужил право тайной жизни в своей волшебной пещере, и тактично промолчал.

Оставив шефа в покое, Паскаль, встречая остальных приходящих сотрудников, намекнул им, чтобы они не докучали хозяину. Даже задержал Франсин, когда она направилась к Сильвану с сообщением о новых звонках с просьбами об интервью.

Сильван закончил процесс охлаждения конфет, приготовленных им на исходе ночи, и решил, что необходимо хоть чем-то оправдать обманутые ожидания. Вновь вернувшись в мир les petites dames blanches[112], он взял один из пакетиков, которые они использовали для доставки конфет на банкеты или свадебные пиршества. Завязал его фирменной ленточкой и вышел из лаборатории, чтобы перехватить одного из служащих, контролирующих доступ в магазин очередных покупателей.

Да, очередь выстроилась с самого утра. Прибыли все те, кому

полюбилась история Похитительницы Шоколада. Он отозвал сотрудника в сторонку, подальше от чужих ушей.

– Не могли бы вы доставить это на противоположную сторону улицы и оставить у одной двери? На шестом этаже. Не знаю номера квартиры, но ее окна выходят в нашу сторону. Вот вам входной код…

Кэйд проспала целое утро. Проснувшись, она скривилась от запаха курева – напоминание о вчерашней вечеринке, – ощущая разочарование. Приняв душ и одевшись, она немного посидела за новым ноутбуком, налаживая работу своей электронной почты. На французском, поскольку не сообразила, как переключить на компьютере выставленный по умолчанию язык. Обычно для подобных дел Кэйд пользовалась услугами персонала технического отдела.

В итоге она разобралась с сообщениями с помощью мобильного телефона, получив также послание от компьютерщика о доставке ей к вечеру нового англоязычного компьютера.

Вскоре голод побудил ее выйти из квартиры. Даже она не могла жить вечно на одном шоколаде. Так и заболеть недолго!

Вдохновленная общением со студентами и сознавая, что Похитительнице Шоколада следовало бы придерживаться особого стиля в одежде, Кэйд натянула узорчатые ажурные легинсы и обтягивающую серую трикотажную тунику, короче той кожаной куртки, что накинула сверху. Высокие кожаные сапоги и крупные вызывающие серьги с лазуритом довершили ансамбль, а волосы Кэйд скрутила на макушке, чтобы выставить на обозрение серьги.

Захлопывая за собой дверь квартиры, она почувствовала под пальцами какой-то неожиданный предмет. На дверной ручке покачивался скромный бумажный пакетик, перевязанный фирменной ленточкой с уменьшенной копией торговой марки «Сильван Маркиз».

Кэйд вздрогнула. Волна возбуждения прокатилась по телу, словно она увидела *его* перед собой.

Взяв пакетик, Кэйд долго вертела его в руках, а затем осторожно открыла. Конфетка замечательная! Такого варианта она еще не видела в его ассортименте. Легкую произвольность округлой формы подчеркивала волнистая поверхность с задиристым завитком на самом верху, придававшим конфетке яркий образ ручной, а не конвейерной отделки. Шоколадная обливка казалась совершенно черной, или настолько близкой к черному цвету, что иной оттенок не различался в тусклом освещении лестничной клетки.

Кэйд долго взирала на маленькую каплю. Может, она отравлена? Смерть от конфеты Сильвана Маркиза – как романтично! Кэйд осмелилась поднести конфетку ко рту, ощутила губами ее гладкость, зубы встретили легчайшее сопротивление внешней оболочки.

Кэйд ощутила горечь. Но какую восхитительную горечь! Темную, тайную, магическую, с почти неуловимым привкусом сладости. Так вот каково томление на вкус! Под легким нажимом ее зубов тихо сломалось шоколадное облачение, вскрыв приятнейшую, нежнейшую и мягчайшую горечь, когда либо таявшую на ее языке. Таяние оставило чистейшее послевкусие, лишь с намеком на коричный оттенок, ускользающее, словно обещание сказки. Мгновенное ошеломление от горечи сменилось расплавленным горьким соблазном. Никогда в жизни она не думала, что нечто горькое может обернуться столь соблазнительной и сладостной новизной.

Пристально взглянув на оставшуюся в руке половинку конфеты, Кэйд заметила четкий след своих зубов на начинке, такого же темного цвета, как оболочка.

Выйдя на улицу, она сразу увидела Сильвана – в джинсах и куртке он стоял перед входом в лабораторию и, похоже, давал импровизированное интервью нескольким журналистам с фотоаппаратами, микрофонами и видеокамерами.

– …безумное отчаяние. – Он пожал плечами. – Я понимаю ее безрассудную тягу к хорошему шоколаду.

Сейчас Сильван выглядел трогательной жертвой – растрепанные волосы, небритый, с покрасневшими от бессонной ночи глазами. В общем, вид, знакомый ей по собственным бдениям из-за срочной проблемы, возникшей на их фабрике. Однако привлекательный! Кэйд не сомневалась, что на фото в газете он получится отлично: изнуренный нападками на него отвратительной многонациональной корпорации, но все же поддерживающий идеал французской сексапильности.

Кэйд лихорадочно соображала, как улучшить свой имидж на тех снимках, но поняла, что сейчас ее репутация изрядно подпорчена. Вне зависимости от того, будет ли она выглядеть хорошо или плохо, сильной или слабой, ей все равно суждена всесокрушительная роль злодейки. Кэйд попыталась вернуться в дом, пока журналисты не заметили ее, но предательская дверь успела захлопнуться.

Для набора кода могло понадобиться несколько секунд. Если они увидят, как она ускользает обратно в свою квартиру, и устроят осаду, то неизвестно, сколько ей там придется отсиживаться. Ее ждет провал, если придется запереться в своей

парижской квартире, не смея высунуть носа на улицу и поддерживая в себе вялую жизнь поеданием «Плиток Кори».

Кэйд направилась к ближайшему углу, надеясь, что никто ее не заметит. В любом случае вряд ли они успели хорошо изучить ее фотографии. Она не принадлежала к знаменитостям, имея в общем-то весьма неброскую внешность – прямые светло-каштановые волосы, голубые глаза и четкие, ничем не примечательные черты лица. Разумеется, Сильван Маркиз узнал ее сразу. Лицо его застыло, но острый взгляд мгновенно пронзил ее.

Кэйд еще чувствовала горьковатый вкус его подарка на языке. Возможно, даже шоколадные отпечатки не стерлись с ее пальцев.

– Если подумать, то она подобна богатой, одержимой шоколадом бедняжке, – произнес Сильван, повысив голос.

Втягивает ее в сферу своей благотворительности? Неужели он намекнул, что занимался с ней сексом исключительно из жалости к ее явному безумству? Она остановилась и развернулась к нему. Прежде чем Кэйд успела совершить глупость, например бросить ему вызов, выступив перед журналистами, пока не замечавшими ее присутствия, кто-то крепко взял ее за локоть. Мужчина среднего роста, с темной курчавой шевелюрой, с восторгом улыбнулся ей.

– Mademoiselle Co-ree, – очень тихо произнес он. – Je peux vous offrir un café?[113]

Кэйд понимала, что когда-нибудь ей придется побеседовать с прессой. И было нечто удивительно парижское в интервью за чашечкой кофе. Вдобавок это могло хоть немного поднять ее шансы предстать в позитивном свете.

– Да, если сумеете скрыть меня от ваших коллег, – ответила она.

– Буду счастлив, если вы сделаете меня вашим помощником и соучастником.

Вздохнув и закрывая ее своим телом, он повел ее за угол. Кэйд все еще хотелось вернуться, чтобы увидеть выражение лица Сильвана, но благодаря удерживающей ее за локоть твердой руке она подавила это желание. Услужливый журналист держал ее крепко, не позволяя даже повернуться, словно боялся, что она сбежит от него.

Зайдя в кафе, они прошли мимо прилавка с вывеской «Табак», рядами сигаретных пачек на стенных полках и какого-то азартного любителя, зачеркивающего цифры в лотерейных билетах, к столику возле огромных окон, выходивших на другую улицу.

Журналист заказал кофе, а Кэйд попросила стакан молока,

чувствуя, что ее живот начинает угрожающе урчать. Последнее время она жила на одном шоколаде. И стакан обычного холодного молока представлялся ей удивительно полезным. Официант взглянул на нее так, будто Кэйд только что вылезла из ракеты, прибывшей с Марса.

– Это кофейня. У нас не бывает молока.

Незнакомец предусмотрительно отвернулся, как человек, не желающий быть свидетелем неловкого положения малознакомой особы.

– Но вы же добавляете молоко в кофе? – возразила Кэйд. – А я готова заплатить за стакан простого молока.

– Мы не продаем молоко, – упорствовал официант.

– Может, вы продадите его за двадцать евро? За тридцать?

– Дальше по улице есть épicerie[114], – вежливо произнес он. – Если вы желаете молока.

– Может, вас устроит горячий молочный шоколад? – дипломатично предложил курчавый журналист. – Или какой-нибудь сок?

Кэйд вспомнился горячий шоколад, приготовленный для нее Сильваном.

– Сок. Как же сложно быть богатым в вашей необычной стране!

– Почему? – смущенно поинтересовался курчавый.

– Мне ничего не удается у вас купить, – беспомощно разведя руки, пояснила она.

– Ну… в кофейне действительно не продают молоко, – заявил он с таким видом, словно она попыталась купить клубнику или нечто съедобное в ювелирном магазине.

– Но у него есть в холодильнике молоко. И он мог бы получить за него сверхприбыль. Вам не кажется, что отказ в данном случае противоречит принципам самой торговли?

– Мне кажется, что он просто не хочет уступать американским фантазиям. Ваши соотечественники вечно просят в кофейнях принести молока, и если дать разок слабину, то неизвестно, чем все это может закончиться!

– Вас пугает еще одна выгодная строчка в меню? – сухо поинтересовалась Кэйд.

От голода у нее испортилось настроение. К тому же перед глазами продолжало маячить отстраненное лицо Сильвана Маркиза, слизывающего свой горький шоколад с ее языка, а в ушах звенела упомянутая им «безрассудная тяга».

Курчавый легко смахнул ее наваждения, прежде чем оно смогло испортить ему интервью.

– Поговорим, как выйти сухим из воды, вы – моя героиня. –

Он широко улыбнулся. – Меня зовут Кристоф. «Гурман».

Кэйд удивилась, решив, что только во Франции человек может носить фамилию Гурман. Но потом сообразила:

– Так вы из кулинарного блога «Гурман»? Вы один из тех, кто состряпал историю о Похитительнице Шоколада?

– Признаюсь, мне больше нравилась эта идея, когда я думал, что какая-то доведенная до отчаяния бедняжка, мечтающая создать свой кулинарный блог, вламывается к Маркизу, желая выкрасть у него секретные рецепты. Да, молодец Сильван, сочинив сказку о богатой бедняжке, одержимой шоколадом, он вставил ее для меня в золотую оправу.

Кэйд, сжав зубы, напомнила себе, что перебранка с этим блогером не улучшит ее имидж мировой злодейки. Хотя она почти не сомневалась, что в компании «Шоколад Кори» предпочли бы, чтобы она выступила в роли простой злодейки, а не богатой бедняжки, одержимой шоколадом. Руководство «Марса» и «Кэдбери», наверное, заходится от хохота.

– Итак, расскажите мне, как вам это удалось? – пылко спросил он. – Вы использовали кожаную веревку, чтобы проникнуть в одно из его больших окон? Объясните, как все происходило?

– О чем вы?

– Все понятно, конечно, вы не можете признаться в этом. У нас нет намерения отправлять вас в тюрьму. – Он понизил голос до шепота. – Неужели вы решились на это, чтобы украсть конфеты? – Он оглянулся, убедившись, что их никто не подслушивает. – Обещаю, что никому не скажу ни полслова. Но просто мне очень интересно, ради чего…

Дверь в кафе открылась, и на пороге появился мужчина.

– Все конфеты Сильвана Маркиза я раздаю бездомным в парках, – громко заявила Кэйд.

Да, со вчерашнего дня это стало ее официальной стратегией. Разумеется, она не собиралась признаваться в том, сколько коробок съела до того, как отречься от их творца. Но те коробки не были похищены.

– Да… – Кристоф схватился за грудь. – Вы только что воткнули нож мне в сердце. Неужели вы похищаете шоколадные конфеты, чтобы раздавать их бедным? А можно я переименую свой блог в вашу честь?

Кэйд прищурилась.

– Я не…

– Успокойте меня, признайтесь! Пока никто не видел, как вы попробовали конфеты по пути из мастерской, во мраке ночи, спускаясь из окна по веревке. И лишь недавно обрели решимость

отказаться от них ради бедных страждущих.

– Нет, мне больше нравятся изделия Доминика Ришара, – продолжила Кэйд, заметив подошедшего к ним Сильвана Маркиза. – И с ними мне не хватило бы духу расстаться.

Сурово сжав губы, Сильван смотрел на Кристофа и Кэйд.

– Кристоф, никаких веревочных лестниц!

– Откуда вы знаете? Вы видели ее? – воскликнул Кристоф, сверкнув глазами. – Застали на месте преступления?

– Это же моя лаборатория, – напомнил Сильван со странной многозначительностью, будто хотел подчеркнуть, что это касается только его, и никого другого.

– Почему бы вам не пойти немного вздремнуть, оставив нас одних? Судя по вашему виду, вы нуждаетесь в отдыхе, – язвительно произнесла Кэйд.

Он наградил ее взглядом, горечь которого соперничала с горечью его шоколадного подарка, оставленного у ее двери. Даже его мрачный взгляд вызвал у нее волнение. Она судорожно вздохнула и затаила дыхание.

– Хотелось бы мне тоже устать от того, что такая очаровательная похитительница тайно проникла в мою мастерскую, – с блаженной улыбкой заявил Кристоф. – Я провел бы чудесную бессонную ночь, не сомкнув глаз.

Сильван выглядел так, будто всерьез размышлял о том, не вытолкать ли отсюда блогера взашей. Кэйд не понимала, какая провинность Кристофа могла вызвать у Сильвана столь сильное отвращение. Ведь история о Похитительнице Шоколада нанесла вред ей, косвенно ее семье и тридцати тысячам служащих, а также их поставщикам, но была безмерно полезна Сильвану.

Вернулся официант с кофе для Кристофа и абрикосовым соком для Кэйд. Сильван неодобрительно покачал головой.

– Как ты умудряешься переварить такое количество сахара?

– Я хотела заказать молоко, – попробовала оправдаться Кэйд. – Но мне не продали его.

Удивленно подняв брови, Сильван отошел к стойке бара. Кэйд видела, как он небрежно перемолвился о чем-то с барменом, потом бросил на прилавок пару мелких монет, получив в обмен пакетик молока. Вернувшись к их столику, он молча поставил пакет перед Кэйд.

Она испытала странное ощущение, подобное тому, что испытывала, беря приносящий счастье «Шоколад Кори», – словно ей в руки попала волшебная палочка, способная пробудить в ней воодушевление. Но Сильван опять перешел на «ты». И это «ты» показалось ей похожим на клеймо владельца, хотя к Кристофу обращался на «вы». «Ты», молоко и горечь горького шоколада –

вот что она положит в свою копилку. Взявшись за уголок молочного пакета, Кэйд рассеянно улыбнулась.

Сильван присел за их столик, не спросив разрешения, взял высокий цилиндрический бокал, принесенный вместе с бутылкой абрикосового сока, вылил туда молоко и вручил Кэйд. Она почувствовала себя кошкой, которая могла признать его… Кем же? Своим хозяином, раз уж он налил ей молочка? Кэйд почувствовала, как Сильван коснулся ее ноги. Случайно? И как теперь сообщит Кристофу сведения, полезные для улучшения ее имиджа в Интернете, когда одно только присутствие Сильвана уже лишило ее боевого настроя и сосредоточенности и все мысли разбежались в разные стороны. Может, ей нанять какого-нибудь знаменитого блогера для распространения позитивного образа «Шоколада Кори»? Наверное. Реклама – обычное дело. Никто не кусает руку, которая кормит.

– Полагаю, что компании «Шоколад Кори» следовало бы с большей выгодой использовать рекламные возможности кулинарных блогеров, – заявила Кэйд, льстиво улыбнувшись. – Вы же, надеюсь, не против размещения рекламных объявлений на своем сайте?

– Интересная мысль, – отозвался Кристоф. – Как раз вчера по этому поводу со мной связывались представители компании «Марс».

Коварные подхалимы. Кэйд представила их самодовольные лица, когда они придумывали новый рекламный ход.

– Но, по-моему, в таком случае может возникнуть конфликт интересов, – заметил он. – Я предпочел бы размещать рекламу от небольших фирм. В основном я сотрудничаю с ними.

Кэйд устало откинулась на спинку стула, мысленно признавая поражение. Неужели в этой стране ничего не решается с помощью денег?

Повисло напряженное молчание. Мужчины обменялись разочарованными взглядами. Но ни один из них, похоже, не собирался признать поражение и уйти. Появился официант с двойным эспрессо для Сильвана. Тот хмуро посмотрел на него, словно предпочел бы не взбадриваться, а отоспаться, однако взял чашечку и выпил кофе одним глотком.

– Tu as aimé ton chocolat?[115] – обратился Сильван к Кэйд.

– Она очень вкусная, – медленно произнесла она. – Хотя и горькая.

– Тебе захотелось бы после первой конфетки съесть вторую?

«По-моему, из твоих рук я готова съесть все, что угодно», – мысленно признала она.

– В качестве дополнительной дегустации? Да, я попробовала

бы еще одну. Но потом мне захотелось бы чего-нибудь послаще.

– Так вы создали новый сорт конфет? – оживился Кристоф. – Из горького шоколада? Какая прелесть. А можно мне попробовать?

Сильван забарабанил пальцами по столу с такой скоростью и силой, что казалось, хотел бы, чтобы под рукой оказался не стол, а тупая башка навязчивого Кристофа.

– Я не собираюсь продавать их в магазине.

– Моя мечта попробовать экспериментальный сорт конфет! Вы говорите, они горьковаты? С горьким шоколадом? Не могли бы вы оказать мне такую любезность?

«Неужели он сделал их специально для меня? – удивилась Кэйд. – Единственную партию, исключительно для меня?» Она внимательно посмотрела на лицо Сильвана. Только что он фактически сообщил журналистам, что она одержимая, богатая бедняжка. Но потом достал для нее молоко.

Что же теперь думать о нем?

Сильван не собирался преследовать Кэйд или даже говорить с ней. Он прождал ее целую ночь, а она не соизволила явиться. Нет, он не станет ни перед кем унижаться. К тому же он действительно смертельно устал. Провел бессонную ночь и накануне спал всего четыре часа.

Но потом Кристоф взял ее под локоток с таким видом, словно сбылась его самая заветная фантазия, и Сильван увидел, как за спиной блогера скрываются на боковой улочке эти стройные ножки в черных кружевных легинсах и кожаных сапогах. Кристоф привел свою спутницу в кофейню. Да и сейчас он пребывал в таком воодушевлении, что Сильвану захотелось осадить его. Грубо осадить. Если он поддастся этому желанию, то, конечно, позднее будет чувствовать себя так, словно пнул беспомощного щенка.

– Разве вы устали строчить статейки для вашего блога?

– Нет, я даже захватил с собой планшет, – с готовностью сообщил Кристоф. – Фактически мы могли бы прямо сейчас снять небольшое интервью, если хотите. У меня есть и встроенная веб-камера.

– То есть вы записываете меня? – воскликнула Кэйд.

Сильван сомневался, что этот блогер станет снимать ее без разрешения. А поскольку он не нес на своих плечах бремя ответственности за миллиардные доходы, то не испытал такого страха, как Кэйд. Но и слова не сказал в защиту Кристофа. Лучше уж пусть она относится к этому болтуну с подозрением. Как к навязчиво-оживленному скользкому журналисту, своровавшему чужую мечту.

– Нет, разумеется, нет, – опешив, возразил Кристоф. – Но если бы вы только согласились дать эксклюзивное интервью для моего блога, то могли бы сделать меня очень счастливым человеком.

Черт побери, с какой радости Кэйд Кори осчастливливать этого пройдоху?

– Как вам удается получать десятки миллиардов долларов на одних «Плитках Кори»? – спросил Сильван, перехватывая инициативу у Кристофа.

Ночью, коротая время в ожидании Кэйд, чем он только не занимался, и в том числе ознакомился с доходами компании «Шоколад Кори». Когда он набрал в «Гугле» ее фамилию, она появилась в бесконечном множестве статей, и среди них попадались ссылки на разнообразные пожертвования и участие в благотворительных приемах. И сама Кэйд, похоже, серьезно относилась к своей роли в семейной компании. Настолько серьезно, что была упомянута в пятидесяти тысячах ссылок в поисковой системе «Гугла». Потом Сильван впервые в жизни решил поискать там свое имя и обнаружил, что ссылки на него перевалили за двести пятьдесят тысяч. После такой информации ему с трудом удалось не загордиться. В его понимании, естественный порядок вещей не должен вызывать самодовольства.

– Мне непонятно, – продолжил он, – ведь это означает, что люди покупают у вас сладости на десятки миллиардов в год. На земле живет всего пять миллиардов людей. Большинство из них знает, что бывает и более вкусный шоколад.

Кэйд возмущенно посмотрела на него. Уже хорошо. По крайней мере ее внимание переключилось с Кристофа на него.

– У нас много дополнительной продукции, помимо шоколадных сладостей.

– Вот как, – кивнул Сильван. – Тогда понятно.

Он заметил, как Кэйд стиснула свои белые зубки. Испытывала ли она сейчас то же разочарование, какое испытал он за прошедшую ночь? Едва ли.

– Но мы действительно продаем их миллиардами. Например, наши шоколадные плитки считаются самыми популярными в США. Миллионы и миллионы американцев могут за год съесть их по нескольку сотен.

– В Америке живут странные люди, – вставил Кристоф с умным видом человека, повторяющего общепринятое мнение. – Здесь, у нас, ваши плитки даже не назвали бы шоколадными, если бы несколько лет назад этот дурацкий Европейский союз не принял известный закон.

– В состав «Шоколада Кори» не входит никаких посторонних

растительных жиров, – объяснила Кэйд. – Только масло-какао. И в нашей стране они всегда считались шоколадными. Кстати, мы возражали против принятия закона, согласно которому допускается использование других растительных жиров. А если бы ваши европейцы могли позволить себе купить что-то стоящее, то и сегодня под маркой шоколада не допускалось бы использование других растительных жиров.

– А у вас есть при себе образец? – спросил Кристоф. – По-моему, я пробовал их только в детстве.

Кэйд открыла свою сумочку и достала одну плитку.

Сильван посочувствовал ей. Он бы не стал хвалиться «Шоколадом Кори». И Сильван попытался бы сейчас отвлечь Кристофа, чтобы спасти ее, если бы она не ограбила прошлой ночью его лабораторию. Если бы Кэйд появилась вчера ночью там, то они, возможно, еще нежились бы в теплой постели. Он на всякий случай застелил дома кровать чистыми накрахмаленными простынями. Сильван вспомнил, с какой надеждой менял эти простыни накануне, и уже решил, что теперь дерзкая воровка получит то, что заслужила. Она делала миллиарды на этом продукте и сумеет защитить его в прессе.

Кэйд взяла стакан и, закрыв глаза, большими глотками выпила молоко.

– Обертка мне нравится, – произнес Кристоф. – И всегда нравилась. Золотисто-коричневый цвет, простой шрифт, четкая именная печать. Ее претенциозность заключается в отсутствии претензий. Она не показная, а естественная. Вы, Сильван, делаете подобное, только в более утонченном варианте.

Этот парень становится невыносимым! Никогда в жизни Сильван не окажет больше никакой поддержки кулинарным блогерам.

Кэйд молчала. Ее рука лежала на столе, а кончики пальцев еще касались края этой бумажной обертки. Сильван отодвинул от нее батончик. И в первый момент ее пальцы невольно потянулись за ним, но потом она убрала их.

Кристоф аккуратно открыл обертку, стараясь не порвать бумагу или золотистую фольгу. Отломав квадратик с оттиском изящной буквы К, он положил его в рот. Кэйд взглянула на Сильвана. Думал ли он когда-нибудь, что состязание с назойливым кулинарным блогером за женское внимание дойдет до такого – до поедания «Плиток Кори»? Кристоф отломил следующий квадратик с буквой О и попробовал его.

– Ничего не понимаю, – поморщился он. – Почему эти плитки так любят? У меня осталось ощущение какого-то кисло-сладкого невразумительного вкуса.

– Если бы швейцарские шоколадники позволили моему прадеду стащить секрет их молочного шоколада несколько десятилетий назад, то нам не пришлось бы изобретать его самим. А теперь наш рецепт под самой строгой охраной.

– Почему? – удивился Сильван. – Кому может взбрести в голову украсть его? Вам же удалось выяснить, как делать правильный молочный шоколад.

Его очень возбуждало, когда Кэйд вот так смотрела на него, стильная, роскошная, уверенная в себе. Но в ее глазах прыгали оттенки гнева.

«Давай, – подумал он, – перегнись через стол и схвати меня за горло. Мы можем начать близкий бой в любое удобное для тебя время».

Воображение разыгралось, Сильван представил, как Кэйд борется с ним, его руки скользят по ее телу в попытках сдержать натиск, сейчас она навалится на него, опрокинет на спину, а сама окажется сверху…

– Людям они нравятся, – заявила она. – Благодаря им они чувствуют… уверенность. Счастье.

– Звучит высокопарно, – улыбнулся Кристоф. – Но вы правы: никаких посторонних растительных жиров.

Какого черта этот тип не может просто убраться отсюда, шел бы себе домой! Вместо того чтобы нагло пытаться присвоить фантазии Сильвана. Тогда и сам Сильван ушел бы домой. И не торчал бы здесь, добиваясь любви женщины, которая прошлой ночью даже не соизволила тайно проникнуть в его лабораторию.

Сильван как бы невзначай резким движением отодвинул от ног Кэйд ноги Кристофа. Через прижатые к икрам джинсы он ощутил теплую кожу сапог, и мысли его вновь унеслись в мир сладостных фантазий.

– А каково ваше профессиональное мнение? – обратился Кристоф к Сильвану.

Ему захотелось своих новых конфет с горьким шоколадом, чтобы очистить язык от жалкого кисловато-молочного вкуса, – таково было профессиональное мнение. Но ему также хотелось бороться и играть с Кэйд Кори на чистых простынях, или на холодном мраморе в его лаборатории, или в ее квартире, или в любом другом угодном ей месте. Поэтому он попытался реанимировать свои дипломатические способности.

– Эта шоколадная плитка массового производства с минимальным содержанием какао предназначена для детей. – Сильван пожал плечами. – А вы ожидали чего-то иного?

Он не понял, почему его высказывание заслужило обжигающий взгляд. Неужели Кейд ожидала, что он выскажется о

«Плитках Кори» с восхищением?

– Для детей и американцев, – поправил его Кристоф.

Сильван развел руками, не желая вдаваться ни в какие тонкости, определяя развитие, вкусы и осведомленность этих двух групп. Он вел крепкий бизнес с туристами, эмигрантами и контингентом богатых американцев, которым раз в неделю доставлялись его конфеты в герметичной упаковке, хотя полагал, что их умение оценить качество продукта следовало скорее отнести к исключениям из правил.

Кэйд Кори, безусловно, тоже представляла собой некое исключение: он желал обладать ею и удерживать в качестве награды. Сильван чувствовал, что в нем вновь ожили пламенные и безрассудные времена юношеских увлечений. Хотя его увлечения раньше заканчивались печально. Всем его пассиям нравились сексуальные игры и шоколадные изыски, но женщины всегда, испокон веков, вели себя непредсказуемо.

Где Кэйд пропадала прошлой ночью? Почему не пришла?

– Людям они нравятся, – заметила она. – Они пишут нам хвалебные письма. В нашем офисе есть стена почета со своеобразным коллажем, где означены наши знаменитые почитатели.

– Неужели? – взволнованно произнес Сильван. – Мне тоже пишут письма, причем с теми же хвалебными отзывами.

Зачастую с подписью знаменитостей, включая французского и американского президентов и разнообразных кинозвезд со всех континентов. Он с улыбкой зачитывал их в лаборатории и хранил. Но ему никогда не приходило в голову, что можно устроить рекламный стенд, вывесив подобные похвальные отзывы. Такая реклама, видимо, нужна тем, кто отчаянно нуждается в подтверждении своих достоинств. Уму непостижимо, как массовая продукция «Плиток Кори» и его изысканные конфеты могли заслужить одинаковую оценку? Впрочем, в мире полно дегустаторов с идиотскими вкусами.

– Приятно, что между вами, в сущности, много общего, – усмехнулся Кристоф.

Сильван, повернувшись, сердито взглянул на него. Заметив его возмущение, Кэйд склонила голову и уставилась на свои руки, лежавшие на столе. Сильван изумился. Она выглядела… усталой… Печальной. Неужели он опять оскорбил ее?

Похоже, он только и делал, что вызывал ее возмущение, которое в определенном смысле его возбуждало. Но уже дважды ударило по уязвимому месту.

– Мне пора где-нибудь позавтракать. – Кейд взяла сумочку. – Кристоф, приятно было познакомиться с вами. – Она вручила ему

свою визитку.

Сильван напрягся. Неужели она запросто раздает свои личные телефоны и адрес электронной почты? Да еще и Кристофу?

У него самого даже не было ее визитки, ведь он выгнал Кэйд в первый же день из лаборатории. Надо запомнить: не следует раздражаться и выгонять красотку до того, как она сообщила вам номер своего сотового телефона. Иначе потом можно всю жизнь сожалеть об этом. Например, прошлой ночью возникла бы неловкость, если бы Сильван позвонил ее секретарю, чтобы выяснить, почему она – черт побери – не желает больше тайно вламываться в его лабораторию.

Мужчины встали вслед за Кэйд. Буквально за секунду, пока она тянулась за своей курткой, Сильван оценил ее экипировку – серый свитер, облегающий стройное тело, тонкую шею, так уязвимо открытую и подчеркнутую голубыми серьгами, вызывающие черные кружевные легинсы и высокие сапоги, напряжение и гибкость мышц, когда Кэйд натянула кожаную куртку, оставив мужскому взгляду лишь стройные ножки.

Она обменялась рукопожатием – уверенным и крепким, как у всех американцев – с Кристофом и лишь кивнула Сильвану. Ну, естественно, могла ли она позволить себе большее? Рукопожатие выглядело бы фальшиво, а уж поцелуй в губы – грубейшей наглостью. Подобно дилемме общения – «ты» или «вы». Кем же они стали друг для друга? Ему отчасти нравилась такая дилемма. Она возбуждала. Забавно ходить по краю обрыва. Но Сильван сомневался, что ему захочется долго пребывать в подобной неопределенности.

– Потрясающе, – прошептал Кристоф, наблюдая за Кэйд.

Сильван стрельнул в него яростным взглядом, но журналист пялился вовсе не на ножки. Он рассматривал визитку Кэйд, обхватив ее руками и держа перед собой так, что Сильвану не удалось увидеть номер телефона.

– Когда я сочинял первое объявление в своем блоге, то даже не мечтал о такой удаче.

Внезапно Сильван расхохотался. Если бы не Кэйд Кори, то он мог бы наладить дружеские отношения с этим парнем.

– И я не мечтал о том же, когда изобретал первый рецепт своего шоколада.

Его первая попытка оказалась неудачной. Зато к третьей попытке он точно знал, чего должен добиться в жизни. И упорно шел к своей цели.

Кэйд Кори покинула кофейню, направившись в сторону дома. Сильван строго предупредил Кристофа:

– Не вздумайте следить за мной!

Кулинарный блогер рассмеялся.

– Сильван, я обожаю ваши конфеты не меньше других. Но следить я буду лишь за ней.

– Вы отлично поняли, что я имею в виду! – бросил тот, направившись к двери.

Глава 18

Кэйд словно сквозь землю провалилась. Куда она подевалась? Сильван прошел всю улицу от начала до конца, проверив все ресторанчики и магазины.

– Coucou, me voilà![116] – донесся откуда-то сверху веселый голос.

Сильван вздрогнул, отвлекшись от попыток разглядеть людей за окнами в полутемных недрах бара, находившегося неподалеку от его дома.

Шанталь помахала ему с боковой улочки, стоя перед входом в многоквартирный дом, приблизившись к Сильвану, поцеловала его.

– Выбираешь место для выпивки?

– Я… нет, прости, не сегодня вечером.

Может, ему следовало бы проверить соседние кварталы? Шанталь взяла его под руку, нахмурив тонкие выщипанные бровки.

– Что случилось?

– Ничего.

Ему захотелось высвободиться от Шанталь и продолжить поиски. Кто еще может охотиться за теми ножками прямо сейчас? Он не сомневался, что ее пожелает подцепить сегодня любой праздношатающийся мужчина в этом квартале. Какова вероятность того, что Кэйд не попадется на удочку очаровательно улыбающегося ей озабоченного туриста и не позволит ему угостить ее выпивкой? Она выглядела слишком высокомерной, слишком равнодушной, но с ним повела себя как легкодоступная особа.

Радостная улыбка исчезла с лица Шанталь. Она помрачнела. Потом брови ее игриво изогнулись, и она бросила на него поддразнивающий взгляд.

– Я прочитала о Похитительнице Шоколада. По-моему, это

просто возмутительно! Неужели к тебе действительно вломилась Кэйд Кори? Та американская богачка из ресторанчика, где мы на днях ужинали? Она пыталась выкрасть твои рецепты?

– Шанталь, прости, – отрывисто произнес Сильван и, наклонившись, запечатлел на щеках подруги пару легких примирительных поцелуев. – Давай как-нибудь пообедаем на днях. А сейчас мне надо идти.

Она уже смотрела на него серьезно и с сочувствием, словно видела человека, спешившего на похороны. В последний момент, когда Сильван шагнул в сторону, рука Шанталь соскользнула с его локтя и сжала его ладонь.

– Сильван, – сказала она, удерживая его.

Он оглянулся, стараясь быть вежливым и терпеливым со своей давней подругой.

– Не нарывайся на страдания, – небрежно бросила Шанталь. – Ты вечно попадаешь впросак.

Ему так и не удалось отыскать Кэйд. Он обошел ближайшие кварталы, всматриваясь в окна витрин, потом осознал нелепость своих поисков, захотел спать и вернулся домой. Там он рухнул на кровать, не раздеваясь, и проспал до следующего утра. Всякий раз, когда Сильван забывал принять душ перед сном, его одеяло еще несколько дней пахло какао.

На следующее утро он пришел в лабораторию поздно и увидел, что служащие оставили мраморную столешницу в неприкосновенном виде, словно оберегали место преступления. Там лежало очень странное пирожное: два тонких коричневатых печенья, слепленные вместе начинкой из зефира, и «Шоколад Кори». Зефир, похоже, слегка подгорел. Его сердце забилось чаще.

– Что это?

Бернар покачал головой.

– Мы не в курсе. Когда пришли сюда утром, то все так и было.

Значит, она возвращалась. Может, опять в своих кожаных брючках или в кружевных легинсах с высокими сапогами. Увы, он упустил ее.

Сильван взял пирожное и с подозрением оглядел его. Может, Кэйд сыпанула туда отравы? Иначе для чего она оставила для него какую-то подпорченную стряпню?

– Интересно, как она умудрилась получить подгорелый зефир? – удивленно проворчал Сильван себе под нос.

Ни у кого не возникло желания ответить. Никто не выразил удивления и по поводу того, где она умудрилась найти зефир или печенье в его лаборатории. Неужели на сей раз притащила ингредиенты с собой?

Что это могло означать? Сильван думал, что Кэйд Кори отчаянно стремится приобщиться к его миру. Похитительница, оставляющая ущербные подарки, вместо того чтобы похитить нечто более ценное… Что за глупость?

Сильван осторожно попробовал пирожное и поморщился. Печенье раскрошилось, а зефир прилип к губам.

– Приторная гадость, – проворчал он.

Подняв голову, он увидел, что сотрудники собрались вокруг, взирая на это изделие почти как на ядовитую змею.

– Однако тут есть простор для творческой фантазии… – неуверенно произнес Сильван.

Он не смог заставить себя продолжить дегустацию, но и выбросить этот «шедевр» не решился. Забрав его к себе в кабинет и положив на письменный стол, Сильван вышел из лаборатории, направился через улицу к знакомой парадной и поднялся наверх к ее квартире.

На звонок никто не отозвался.

Кэйд в это время находилась в квартире Кристофа, и он учил ее готовить шоколадный торт, который – по его заявлению – собирался назвать в ее честь. «Ля Кэйд». Она улыбнулась. Парень смешил ее. Его энтузиазм был крайне беззастенчивым и заразительным.

Кэйд провела у него утро, чувствуя себя играющим ребенком, и даже разрешила Кристофу снять для своего блога десятисекундный видеоклип о том, как она, улыбаясь, пробует его новый торт. Потом Кэйд отправилась в Брюссель на скоростном фирменном поезде. Отец захотел, чтобы она выяснила – пока неофициально – мнение братьев Фирензе об участии в покупке акций «Девон канди».

«Девон канди». Один из их сладких батончиков выпускался в ярко-розовой обертке. Даже мысль о нем вызывала у нее уныние.

Прочитав вечером новости блога «Гурман», Сильван разозлился. Кристоф провел целое утро, готовя вместе с Кэйд? Даже назвал в ее честь какое-то шоколадное пирожное? Эта роль предназначалась Сильвану. И он сыграл бы ее гораздо лучше. В их видеоклипе, который Сильван просмотрел раз десять, Кэйд искрилась радостью. Он реально мог бы прикончить этого парня, окажись тот поблизости!

Возвращаясь в Париж, Кэйд успела сесть на вечерний девятичасовой поезд, но он задержался в пути на полчаса, поэтому лишь около полуночи такси доставило ее к дому.

Таксист сразу укатил, она еще даже не успела набрать код на домофоне. Кэйд чуть не закричала, увидев, как в то же мгновение

чья-то темная фигура появилась из подъезда на противоположной стороне улицы.

Узнав приближающегося человека, она успокоилась. Он оказался там, и она тоже, на сей раз они не разминулись. Кэйд не знала, что ей предпринять – проникнуть в его лабораторию, зайти в свою квартиру или просто окликнуть его.

Ее тело уже откликнулось, готовое… растаять от любви в очередной жаркой и страстной ночи, без всяких вопросов.

Сильван молча взял ее за руку и набрал код на домофоне. Кэйд мечтала повернуться к нему и прижаться головой к его груди в безмерной благодарности за то, что он дождался ее. Ей не хотелось бы огорчать его, опять вернувшись домой поздно. Не хотелось, проникнув очередной раз в лабораторию, обнаружить, что его там нет. Не хотелось сомневаться, гадать или надеяться. Она жаждала определенности.

Не отпуская от себя Кэйд, Сильван протянул руку и распахнул дверь.

– Не надо возвращаться так поздно одной, – пробормотал он глухим, хрипловатым голосом. – Париж – большой город. К тому же недавно на нашей улице произошло несколько взломов.

– Почему же ты не устроил ловушку, чтобы поймать преступницу?

– Попытался. Но, видимо, тогда сплоховал, вовремя не надев на нее наручники.

Разочарование в его голосе смешивалось с шутливой искренностью и такой загадочностью, что она подумала, не спрятаны ли в его кармане готовые к употреблению бархатные наручники.

Кэйд пребывала в смятении. Сегодня она отработала полные двенадцать часов: анализ добытых сведений, цифр, принятие решений и отправка деловых писем в поезде. Кэйд привыкла жить в подобном режиме, и сегодняшняя работа, казалось, ураганом перенесла ее из волшебного чрева Парижа за океан в ее прозаичный торговый мир.

Обнаружив, что волшебство еще действует, а магический мир не до конца закрылся для нее, она испытала отчаянное желание погрузиться в него с головой. Слегка отклонившись назад, Кэйд убедилась в реальной близости этого чародея. Заглянула ему в глаза, стремясь узнать, не возникло ли снова между ними неожиданной отстраненности.

Сильван вошел вместе с ней в сумрачный подъезд многоквартирного дома, не отпуская ее от себя ни на шаг, не давая возможности вырваться на свободу. Дверь за ними захлопнулась, отрезав бледный уличный свет от мрака холла.

Светилась лишь оранжевая кнопка выключателя, нажав на которую можно было осветить лестницу.

Кэйд потянулась к этой кнопке. Сильван перехватил ее руку.

– Подожди.

Он обнял Кэйд и, прижав спиной к двери, поцеловал.

Все ее тело мгновенно вспыхнуло. Руки обвились вокруг его плеч, вцепившись в кожаную куртку. Переведя дух, он поцеловал ее страстно. Их желания совпадали, она воспламеняла его, и их поцелуй, казалось, мог длиться вечно, меняя глубину и интенсивность порывистых ласк.

– Не могу поверить, что ты реальна, – выдохнул Сильван, пробегая пальцами по ее спине, ощущая, как ее тело вздрагивает, откликаясь на его прикосновения. – Однако ты все-таки существуешь.

О, живительное, благотворное знание! В последнее время Кэйд потеряла уверенность в собственной реальности. Но ей хотелось обрести ее именно здесь.

Ее ощущения достигли такой головокружительной высоты, что казалось, будто прилетевший на самолете в Париж странный бледный призрак наконец воплотился здесь в живого человека. Способного чувствовать, наслаждаться и дышать полной грудью, страдать и ненавидеть, да, способного жить полной жизнью.

Его чувства, прикосновения, манеры, иногда даже взрывы ненависти действовали на Кэйд так ошеломляюще, что она мгновенно забывала обо всем на свете, кроме него самого. Его худощавого тела, мускулистой спины и гибкого торса под ее пальцами. Его волос, щекотавших ей щеки. Его губ. Его рук. Боже, его прекрасные руки!

Сейчас от Сильвана пахло шоколадом, ромом и немного ванилью – от кончиков пальцев, когда они нежно касались ее щек, отводя назад пряди непослушных волос.

Кэйд потянулась к его губам, страстно стремясь припасть к ним, желая слиться с Сильваном воедино каждой клеточкой своего тела. Ей нравилось, что его дыхание становится все глубже и учащается, когда он прижимал ее к своей груди. Она обожала его гибкие и сильные пальцы, легко устраняющие преграды многослойной зимней одежды. Кэйд любила – хотя отчасти и ненавидела – то, что он сумел сохранить достаточно уважения к ней или самоконтроля, чтобы наконец оторваться от ее губ и окинуть взглядом подъезд. Сейчас, когда глаза уже привыкли к темноте, окна на лестничных клетках, через которые просачивался тусклый уличный свет, позволяли различить смутные очертания его подбородка и широких плеч.

Сильван не произнес ни слова. Просто поднял Кэйд на руки,

словно ее вес не превышал… большого котла с шоколадной массой… и опустил ее на ноги на первую ступеньку лестницы. Она прижалась к нему, с радостью осознавая эту новую высоту, приблизившую к ней его губы и лицо.

Сильван обхватил ее бедра и, развернув в сторону лестницы, прижался к спине. Она не сразу поняла, чего он хочет, и он слегка подтолкнул ее.

– Поднимайся, – прошептал Сильван.

Кэйд ухватилась за перила и, нащупывая темные ступени, начала восхождение.

По мере подъема его руки начали соскальзывать. К ее бедрам, к ногам, когда он позволял ей опередить себя на пару шагов. Дистанция между ними выросла до нескольких ступеней, и его руки спустились к самому краю ее сапог, его палец пробрался внутрь, щекоча икры, а потом поднялся выше. Сильван вновь догнал Кэйд. Она слышала звук его шагов по ступенькам, его смутную и еще более таинственную близость за ее спиной. Он проник под ее узкую, едва достигавшую колен юбку-карандаш и поднял к талии, его искусные руки соблазнительно и дразняще ласкали чувствительные внутренние зоны ее бедер.

Вцепившись в перила, Кэйд замерла, не способная сделать очередной шаг. Секунду его палец щекотал ее промежность, а рука мягко подтолкнула Кэйд, побуждая подниматься к квартире.

Она вновь двинулась по ступеням, и Сильван стал расстегивать на ней куртку, потом его руки пробрались под свитер и поглаживали ее груди до тех пор, пока Кэйд не застонала в изнеможении. Она жаждала, чтобы он овладел ею прямо на лестнице, и больше ее уже ничего не интересовало.

Хотя он, очевидно, имел иной интерес, поскольку слегка ощутимый шлепок заставил ее осознать, что, охваченная желанием, она опять остановилась. Следующий шлепок привел Кэйд в неистовство. Ей хотелось лишь привалиться к перилам и позволить ему шлепать ее до полного безумия, чтобы только его руки вернулись к ее лону и он овладел ею.

Внезапно ласки прекратились. Судорожно вздохнув, Кэйд громко охнула.

– Поднимайся дальше, – прошептал Сильван. – Иначе я больше не прикоснусь к тебе.

О, какая жестокость! Кэйд уже не помнила себя от возбуждения. В ней жила лишь пламенная мольба и жажда ласк, объятий, полнейшего слияния и подчинения его власти. Но он сдержал слово, не прикасаясь к ней. Она, спотыкаясь, двинулась дальше. Они уже преодолели половину третьего лестничного пролета, но впереди оставалось еще три этажа. Тогда Сильван

наградил ее. Его руки вновь слегка погладили бедра Кэйд, почти дотянувшись до лона, но вновь игриво отклонились в сторону, терзая дразнящей близостью.

Сильван вновь отступил на шаг вниз, нарушая близость. А Кэйд издала слабый стон, но заставила себя подниматься, мечтая о награде и ненавидя наказание.

Тогда его рука продвинулась выше, лаская через колготки и трусики, словно поощряя послушную девочку.

В награду за ее усилия Сильван начал понемногу спускать с нее колготки и трусики. Кэйд быстро уловила этот ритм. И пальцы, его прекрасные, ловкие, искусные пальцы, способные брать простые плоды земли и превращать их в нечто удивительное, ласкали ее обнаженную плоть.

Подъем близился к концу, впереди остался лишь один лестничный пролет, когда пальцы Сильвана наконец проскользнули к ее обнаженному, истекающему соками безумного вожделения лону. Кэйд с силой сжала его руку и услышала его тихий вздох. Его палец прижался к ее клитору, и она, вцепившись зубами в рукав своей куртки, задрожала, приближаясь к оргазму. Осознав жестокость пытки, Сильван убрал палец, но Кэйд ухватилась за его руку и вернула на прежнее место, заливаемая волнами глубочайшего наслаждения. Полностью лишившись контроля над собой и конвульсивно содрогаясь всем телом в темноте узкой лестничной клетки, с его ладонью на клиторе, Кэйд буквально падала на Сильвана, зажимая себе рот рукой, чтобы удержаться от крика. Крепко прижав ее к себе, Сильван дождался окончания оргазма. Потом подхватил ее на руки и быстро преодолел оставшиеся ступени. Кэйд растерянно рылась в сумочке, ища ключ. Сильван уверенно открыл дверь. Квартира оказалась маленькой. Он сразу нашел кровать. Положив Кэйд на покрывало, Сильван опустился сверху и быстро овладел ею.

Он разгорелся почти мгновенно, сильные руки крепко обхватили ее спину, и он слился с ней в единое целое. Его рука еще удерживала Кэйд, и вскоре у нее перехватило дыхание от потрясения, вызванного его мощным оргазмом.

Возбуждение медленно сменялось блаженной истомой, но Сильван обнимал ее крепко, зарывшись лицом в каштановые волосы. Они уснули одновременно, рука Сильвана нежно обвивала талию Кэйд.

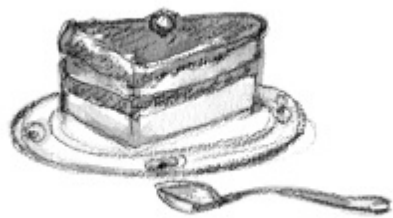
Пробудились они еще затемно. Сильван издал тихий счастливый возглас, словно выплывая из сказочного сна, осознал, что сон стал явью. Он посмотрел на Кэйд, впервые увидев ее обнаженной. У нее не осталось сил противиться своим желаниям.

Мускулистое тело Сильвана выглядело божественно прекрасно. Какое сладострастное удовольствие гладить его, не находя для своих ласк ни малейших препятствий.

Сильван неспешно ласкал Кэйд, начав со ступней, чуть раньше освобожденных им от колготок, и исследовал тайны наготы, поднимаясь к бедрам, талии, груди, рукам, которые она закинула за голову, где наконец переплелись их жаркие пальцы. Уличный свет начал просачиваться в окна спальни. В его глазах, казалось, загорелись солнечные лучики.

– Ты можешь делать со мной все, что угодно, – прошептала Кэйд.

– Я готов, – откликнулся он.



Глава 19

Когда она проснулась, ее постель пахла шоколадом. Она пахла, в сущности, домом, городком Кори, где сам воздух вечно пропитан ароматом какао. Выплывая из сонного забытья, Кэйд улыбнулась чудному запаху, источник которого ускользал от нее.

Комнату заливал яркий дневной свет. Это смутило ее, и, ощущая ноющую боль во всем теле, она подумала, не заболела ли. Кэйд никогда не спала долго. Даже во время путешествий. Постепенно она начала осознавать, что находится очень далеко от дома и лежит голая на кровати под тонкой простыней. Влажноватой простыней. И тогда прошедшая ночь…

Кэйд мгновенно вспыхнула. Несмотря на то что в колледже у нее бывали случайные свидания, она ожидала, что Сильван останется с ней. Ожидала воочию увидеть его, обнаженного и смущенного.

Но в ярком солнечном свете позднего утра ее квартирка была безжалостно, откровенно пуста. А за дверью квартиры поскрипывали перила лестницы, словно кто-то спускался по ступеням. Разбудивший ее звук оказался стуком закрывшейся двери.

– Кэйд, – укоризненно произнес Мак Кори.

Из-за отцовского плеча на нее внимательно смотрел дед. Кэйд показалось, что глаза его лукаво поблескивали.

Кэйд чувствовала себя неважно. Виноватая, мятежная, неуверенная в собственных силах и запутавшаяся в целях. Она переживала какие-то подростковые метания, возможно, из-за того, что прежде не испытывала ничего подобного. Кэйд давно приспособилась к их миру, уяснив, как должна себя вести, чтобы стать очередной лучшей представительницей семейного бизнеса. Вопреки собственным желаниям (а она предпочла бы погрузиться в более простодушный и приятный мир кустарного шоколадного производства) она сознавала груз ответственности и не проявляла

никаких бунтарских настроений в отличие от Джейми. Та отвергла семейные традиции, проявляя активные действия по спасению мира от порочных крупных капиталистов типа собственной сестры.

– У тебя все в порядке? Я серьезно обеспокоен, ведь вчера ты не ответила ни на одно из моих сообщений.

– Я работала, – быстро отозвалась она. – Ездила в Бельгию.

– И тем не менее, – строго продолжил отец, – тебе следовало черкнуть пару слов. Я извелся.

Кэйд старалась отучить отца от привычки чрезмерно опекать выросшую дочь. Она казалась себе Марией-Антуанеттой, играющей в фермершу в своем Малом Трианоне. «Господи, как же мне не хочется больше править этим королевством. Ну хоть ненадолго… можно я побуду другим человеком?»

– Мне пришлось сделать несколько звонков, чтобы убедиться, не арестовали ли тебя за кражу шоколада.

– Я… не думаю, что Сильван Маркиз собирается выдвинуть обвинения.

Доверие к нему возникло не после секса. Секс тут ни при чем. Кэйд с нежностью вспоминала, как он защищал ее от ветра в саду.

– Значит, дельце обделано? – спросил дед. – Ты заманила его, приобщив к нашей пастве? Он согласится продаться нам?

«О да, конечно, он согласится, не пройдет и тысячи лет…»

– Нет.

– В сущности, это даже лучше, – заявил отец. – Сейчас неподходящее время для запуска новой линии. Но если ты сама уверена в его отказе, то почему продолжаешь торчать в Париже?

– Неужели ты не можешь хоть раз дать ей нормально отдохнуть? – воскликнул дед. – Разве последнее время ты не подыскал заместителей для выполнения ее работы? И я вообще не понимаю, какого черта я зарабатывал нам миллиарды, если мои внучки не могут пофлиртовать, гуляя по Парижу!

Мак Кори отвернулся от видеокамеры и сердито посмотрел на своего отца.

– Да, ты заработал нам миллионы. А я приумножил их, превратив в миллиарды. И я не понимаю, как ты можешь говорить такое! Ведь ты сам заставлял меня пахать сутками и без выходных!

– Когда ты был ребенком, я был молодым и глупым, – терпеливо пояснил дед. – И тогда мы владели всего лишь миллионами. А семейка «Марс» становилась все наглее, и нам требовалось обеспечить победу над ними. Вдобавок, сынок, доля у тебя такая, ты родился мальчиком.

Кэйд вздохнула. Досадно, что ее лучшей защитой стала

дискриминация женщин.

– Полагаю, ты помнишь, что я обеспечил тебе годовой тур по Европе, такой же устроил мне когда-то мой папочка, – продолжил дед. – И уж никак не моя вина, что тот год ты провел без толку, даже не попытавшись за двенадцать месяцев тайно проникнуть в лабораторию хотя бы одного шоколатье.

– А Кэйд, между прочим, учась в колледже, тоже провела за границей целый семестр! И не моя вина, что она предпочла двойную специализацию и не нашла причин, чтобы задержаться на год. К тому же она постоянно разъезжает по миру по делам нашей компании. И побывала практически во всех странах! За исключением нескольких, где нам пришлось бы нанимать армию для ее защиты от киднепинга.

– Либо все эти поездки лишь возбудили ее аппетит, – заявил дед, скрестив руки на груди, – либо Кэйд не получала там того, что ожидала, либо тебе нужно предоставить ей достаточно свободы, чтобы она могла провести хотя бы один день в Париже, не работая, но при этом не вызвав твоего раздражения. Она же окончила колледж четыре года назад. Не многовато ли времени прошло с тех пор, учитывая, что у нее не было даже нескольких часов нормального отдыха?

– Я не возражаю, чтобы она отдохнула, – угрюмо произнес отец.

Одна из привилегий принадлежности к сплоченному семейству миллиардеров заключалась в том, что ей доводилось видеть угрюмым главу одного из пятисот любимчиков Фортуны. На публике он себе подобного не позволял.

– Хотя, честно говоря, сейчас для этого не самое подходящее время. Но я лишь хотел убедиться, что с ней все в порядке. Просто Кэйд стала сама на себя не похожа, ведь раньше ей удавалось быстро разбираться с проблемами и отвечать на наши звонки. Вдобавок она же знала, что мне хотелось узнать ее мнение о настроениях братьев Фирензе.

– И что же, по-твоему, могло с ней случиться? – с усмешкой поинтересовался дед.

– Авария на дороге, похищение, пищевое отравление, перебор алкоголя, она могла оступиться, свалиться с лестницы, разбить голову, а там вокруг никого нет, кроме разъяренного французского шоколадника, или, вероятнее всего, при таком стиле поведения ее могли посадить в тюрьму.

Дед задумчиво поглядел на сына.

– Трудно быть отцом, сынок? – сочувственно спросил он.

– Очень трудно, – вздохнул Мак Кори, не уловив двусмысленности.

Дед хлопнул сына по плечу, но в ответ получил лишь непонимающий взгляд.

Кэйд спрятала усмешку, чувствуя, как в ней зарождается ностальгия по уютному семейному очагу. Как непривычно! Ведь на самом деле ей вовсе не хотелось домой.

Кэйд отправилась в Лувр. После полудня долго бродила по музейным залам. Удивленно разглядывала гигантских стражей в облике ассирийских крылатых быков. А попав в окружение итальянских художников, пыталась припомнить, не страдал ли кто-нибудь из них сифилисом, и понять, не сможет ли замечательное искусство этих страдальцев помочь ей улучшить настроение. Может, ей перебраться к Ван Гогу в музей Д'Орсэ?

Она бродила среди египетских саркофагов, осознавая, что находится среди представителей андеграунда, дошедшего до наших дней из глубины тысячелетий, и наконец, выбравшись на верхний уровень, увидела над собой небесный свет, льющийся через грани пирамиды, установленной в огромном внутреннем дворе Лувра. Там Кэйд просидела час на каменной скамье, скрестив ноги, почти в медитативном состоянии, ожидая духовного прозрения. Тихие голоса людей окатывали ее подобно журчанию водного потока, пока она созерцала мягкую освещенную бледность внутренних пространств и огромные мраморные статуи.

Охранники бросали на Кэйд подозрительные взгляды, и это забавляло ее. Никто в империи Кори не посмел бы смотреть на нее так. Может, преступная жизнь и поведение камикадзе создали вокруг нее особую ауру? Если чьи-то ауры и могли стать заметными, то именно в этом тихом, спокойном месте.

Ей вдруг представилось, что все посетители, поднимающиеся по эскалаторам из музея и вступающие на плиты дворцового двора в бодряще-холодный ноябрьский воздух, окружены белыми аурами. И, вновь оживая для реальной жизни, медленно обретают старую, привычную им окраску.

Выйдя из Лувра, Кэйд шла по дощатому покрытию первого в Париже железного моста Искусств, когда у нее зазвонил телефон.

– Ты ешь что-нибудь, кроме шоколадных конфет? – спросил Сильван. – Где ты? И вообще, осознаешь ли глубину своей непоследовательности? Тайно проникаешь в мою лабораторию, пытаешься купить меня, подкупаешь людей… Неужели ты действительно заплатила той американке тридцать тысяч американских долларов за утреннее занятие? Но когда я сам набиваюсь к тебе с приглашениями, даже не отзываешься.

– Тридцать тысяч долларов потерялись случайно. А о каком

приглашении ты говоришь?

– Я оставил тебе сообщение сегодня утром.

Разве для приглашения на свидание нужны какие-то сообщения? Это нарушение одного из основных правил. Кэйд быстро просмотрела список сообщений. На лице ее появилась робкая улыбка.

– Как ты узнал мой номер?

Ноябрьские сумерки с каждым днем сгущались все раньше. Кэйд смотрела на берег острова Сите, исторического сердца Парижа, с оголенными деревьями и редкими парочками, бросавшими вызов холоду и угасающему дневному свету. Теплые лучи уличных фонарей оживляли сумерки, и мягкое свечение постепенно украшало дворцовые стены Лувра и собор Парижской Богоматери, и музей Д'Орсэ с его огромными вокзальными часами, поблескивающими зеленью. Ветер брызнул на нее пронизывающей изморосью, побуждая отправиться домой.

К сожалению, здесь у Кэйд не было настоящего дома. Она лишь сняла на короткое время скромную квартирку, из окон которой могла видеть то, что ей хотелось.

Приближался День благодарения, а за ним последует Рождество. Может, ей пора подумать о возвращении в настоящий дом? Глаза Кэйд погрустнели, а сердце встревоженно забилось. Где ей следует встречать эти праздники? Она договорилась с отцом, что проведет в Париже не более месяца. Месяц, казавшийся в момент соглашения огромным периодом личного свободного времени, теперь казался ничтожным, очень коротким.

– Пока ты спала, я взял визитку из твоего бумажника, – небрежно сообщил он.

– Ты украл ее у меня? – возмутилась она.

Последовала долгая, вероятно, скептическая пауза.

– Ты разыгрываешь меня? А не стащил ли ты еще что-нибудь?

У нее опять противно засосало под ложечкой. Например, кредитку. А если все эти страсти разыгрываются только ради ее денег…

– Ton passeport?[117] Чтобы ты не смогла исчезнуть… со всеми моими тайнами?

Ей показалось, или он действительно думал только о своих тайнах? Его не волновало, что может исчезнуть она сама. А вот что с ней исчезнут украденные ею в его лаборатории секреты…

– Неужели люди, летающие на частных самолетах, должны предъявлять паспорта?

– Конечно, только иммиграционные штампы ставятся золотом.

Он рассмеялся.

– У меня для тебя одно предложение. Ты ела сегодня что-нибудь без сахара? Я мог бы приготовить ужин.

Стоя под пронизывающим мелким дождем и вглядываясь в бурые воды, омывающие остров, и в готическую громаду собора Нотр-Дам, Кэйд улыбнулась. Хотя постаралась ответить как можно равнодушнее:

– В твоей квартире?

– Ну, в твоем-то холодильнике нет ничего для достойного ужина, – решительно заявил Сильван.

На самом деле там лежали образцы коробок от каждого приличного шоколатье Парижа – кроме его самого, разумеется. Вся его продукция досталась бездомному бродяге в саду. По тону Сильвана она заподозрила, что он открывал ее холодильник и увидел там все эти коробки других шоколатье.

– Поэтому вечер придется провести у меня.

Глава 20

Сильван встретил Кэйд около кондитерской. Лаборатория уже закрылась, но магазин продолжал работать до девяти, с длинной очередью у входа.

– Тебе не кажется, что я должен вознаградить тебя? – спросил он. – Получается, что кража моих шоколадных конфет является лучшей рекламой для дела – кроме меня самого, конечно, – какая только бывала у меня прежде.

Она обиженно взглянула на него.

Сильван усмехнулся и повел ее к себе, заглянув по пути в boulangerie[118] за свежим багетом. Кэйд наблюдала за ним. Все получалось у него с непринужденной легкостью, словно покупать багет для него так же естественно, как дышать. Что, разумеется, так и было.

– Их только что вынули из печи, – объяснил Сильван, протягивая ей хлеб.

Стащив перчатку, Кэйд накрыла багет рукой, ощутив теплоту длинного, тонкого батона через узкий бумажный ободок. Сильван отломил хрустящую и теплую горбушку и вручил Кэйд. Она с улыбкой смотрела, как он отломил второй кусок для себя.

– Нет ничего более соблазнительного, чем только что испеченный хлеб.

Он жил в конце той самой rue piétonne[119] за ресторанчиком, где Кэйд случайно встретила его, и всего в двух кварталах от своей лаборатории.

Квартира ей понравилась. Такая же чистая и просторная, не загроможденная вещами, как его лаборатория. Но кухонные столы в лаборатории Сильван протирал гораздо чаще, чем домашние полки. Просторная, открытая свету гостиная с большими французскими окнами, створки открывались внутрь как двери, а снаружи вились кованые кружева защитной ограды. Спокойного теплого оттенка ковер сочетался с полированной

гладью паркета. Диван выглядел вполне уютно, похоже, кто-то любил растянуться на нем и почитать хорошую книгу или посмотреть телевизор с плоским экраном. На подлокотнике, там, где обычно покоилась голова, даже осталась заметная вмятина, свидетельствуя, что лежавший там мог видеть перед собой балконные окна. На полочке под столиком в изголовье дивана темнел фотоальбом в коричневой кожаной обложке, с оттиском его инициалов. Наверное, кому-то пришла в голову идея хорошего подарка.

Дальше по коридору тянулся ряд закрытых дверей. Кэйд взяла фотоальбом и вернулась в кухню. Помещение оказалось просторным для одного обитателя квартиры. И оборудовано по последнему слову техники.

Сильван уже доставал продукты из холодильника – грибы, лук-шалот, завернутое в пленку мясо. Из винной стойки он взял бутылку вина. Помедлив, дождался, когда Кэйд приблизилась и прислонилась к темной гранитной столешнице.

– Это тебе. – Сильван вручил ей помятый пакетик.

– Что это?

В глазах его отразилось смущение. Сильван смущается?

– Просто милый пустячок, попавшийся мне на глаза во время перерыва на ленч. Увидев его, я сразу подумал о тебе.

Кэйд зарделась. И с опаской, словно ожидая обнаружить там бархатные наручники, открыла пакетик. И вдруг встретила веселый взгляд маленького бежевого медвежонка ручной вязки, с глазами-звездочками, вышитыми черными нитками. А из рюкзачка на его спине выглядывал еще более крошечный, такой же бежевый мишутка. Это оказалась кукла, надевающаяся на палец. Кэйд надела игрушку на палец и, улыбаясь, вытащила из рюкзачка крошечного мишку, рассмотрела его и вернула на спину медвежьей мамы. Очаровательный подарок, не отягощенный никаким смыслом. Ведь она давно выросла из детского возраста, и их отношения были далеко не детскими.

Она взглянула на Сильвана. Его улыбка стала шире, менее неловкой, словно надетая на палец Кэйд игрушка напомнила ему, почему у него возникло желание купить ее.

– И почему? – наконец спросила она.

Он вытащил деревянную разделочную доску и взял широкий поблескивающий металлом нож.

– Потому что я подумал, что такой игрушки у тебя никогда не было. Возможно, она тебе будет полезна.

– Полезна? – удивилась Кэйд, размышляя о том, что же она могла упустить из внимания, разглядывая медвежонка.

– Эта игрушка по-детски легкомысленна. Она прелестна и

забавна.

Неужели после ее безответственного поведения Сильван подумал, будто ей не хватает легкомыслия? Развернув медвежонка к себе, Кэйд согнула вдетый в него палец, наслаждаясь новым ощущением игры. Да кому мог не понравиться такой оживший на пальце медвежонок? В ее жизни было так мало милых безделушек. Или он и хотел поведать ей о пользе безделья?

– Прежде я не получала таких романтичных подарков, – призналась она.

Черные брови взлетели.

– Dis, donc![120] – Он покачал головой, возвращаясь к разделочной доске. – Тогда другим кавалерам будет легко превзойти меня, верно?

Она пристально взглянула сзади на его черноволосую голову, на спокойный разворот широких плеч, на худощавую высокую фигуру. Неужели ему хотелось превзойти в романтичности всех мужчин? Сильван великолепно справился со своей задачей, но… этого ли на самом деле он хотел? Секс ведь не подразумевает особой романтичности.

Он намочил полотенце и принялся аккуратно протирать шампиньоны.

– Ты хочешь сказать, что тебе не дарили даже цветов?

– Конечно, дарили.

Да, ей дарили множество цветов. Самый легкий путь для знакомства с ее деньгами – прислать цветы, заказав букет по телефону.

– И никто не дарил тебе шоколадных конфет?

Кэйд рассмеялась.

– Нет. Никто и никогда не дарил мне шоколадных конфет.

– Как трудна твоя жизнь, – с сочувствием заметил он. – Вечно мечтать, чтобы тебе подарили настоящие конфеты, но ведь никто не осмелится оскорбить ими твою шоколадную семью.

В его словах, возможно, таилось зернышко правды.

Секунд пять Сильван поколдовал с ножом над грибами, потом отложил его и поискал что-то в кармане своей брошенной на стул куртки. В руке его появилась коробочка из его магазина – там обычно помещались четыре конфетки. Сильван снял крышку и протянул ей. В ней действительно разместились четыре простые, ничем не украшенные шоколадные бомбошки. Она перевела взгляд с коробочки на державшую ее широкую ладонь, сильное запястье, прямые темные волоски на мускулистом крепком предплечье. Дальше взгляд переместился на его глаза, почти такого же цвета, как шоколадная обливка конфет.

Кэйд вдруг осознала, что хотела бы сейчас просто, не отрываясь, смотреть на Сильвана. А он держал на ладони конфеты. Она провела рукой по волосам и вновь обратила внимание на конфеты. Попробовав одну бомбошку, Кэйд, естественно, узнала в таинственном и восхитительном вкусе едва уловимый коричный оттенок.

– Ну и как?

Она подумала, что он с легкостью превзошел романтичностью всех прочих кавалеров, с которыми она когда-либо встречалась или спала. Насколько легко это у него получилось? Может, это своеобразный рецепт практичной тактики его соблазнения? Стоило ли ей вообще беспокоиться, если у Сильвана имелась столь обширная практика, или лучше просто наслаждаться моментом?

– Тебе понравилось? – Он закрыл коробочку. – Сегодня я поэкспериментировал с новыми вкусами. С этим рецептом надо еще поработать.

– Нет, – возразила Кэйд. – Не надо ничего дорабатывать.

Он был безупречно и естественно идеален. Именно идеален.

Она отвернулась и посмотрела на фотоальбом. Какими могли быть более личные фотографии Сильвана, не те, что печатались в журналах? Сильван протянул руку, словно хотел отобрать альбом. Но жест остался незавершенным, и внимание владельца вновь переключилось на луковки. Он измельчил шалот так тонко и быстро, что Кэйд даже испугалась, что он порежет себе палец. Сильван положил лук в сковородку и хотел вытереть пальцы о фартук, потом, вспомнив о его отсутствии, воспользовался джинсами.

Кэйд смотрела на его длинные, тонкие пальцы и мечтала, чтобы они гладили ее волосы, смахивали какую-то крошку с ее щеки.

– Кто сделал его для тебя? – спросила она, кивнув на фотоальбом.

– Ma maman, – ответил он.

Упоминание о матери заставило Кэйд вздрогнуть от мысли, что эта женщина могла вдруг появиться из-за открывшейся двери одной из комнат.

– А где живет твоя мама?

– Несколько лет назад, после выхода на пенсию, они с отцом переехали в Прованс.

Кэйд облегченно вздохнула. Она принялась листать страницы, с улыбкой разглядывая снимки беззубого малыша и мальчика лет пяти с перепачканной шоколадом физиономией – под этим снимком его мать написала блестящими серебристыми

чернилами: «Доброе знамение». Видимо, этот фотоальбом отражал основные вехи его жизненного пути. Кажется, он был любимым ребенком. Она присмотрелась к его фото в подростковом возрасте. Сильван не принадлежал к тому типу мальчишек, которые рано расцветают. В семнадцать лет он был долговязым и нескладным, челка скрывала глаза – она скользнула взглядом по гладким волосам его нынешней удлиненной стрижки и улыбнулась. Правда, теперь Сильван стригся у хорошего парикмахера, но длина осталась такой же. Ему по-прежнему нравилась романтичность или чувственность удлиненных волос. С той фотографии на нее смотрели слишком большие, распахнутые глаза юноши с прыщавой кожей. Перед камерой Сильван держался смущенно и застенчиво. И сейчас опять, заметив, что она размышляет над пойманным фотоаппаратом моментом, он выглядел таким же смущенным и застенчивым. Нож лег на стол, пальцы потянулись к уголку альбома, но потом рука отдернулась, словно он решил не скрывать от нее свое прошлое. Кэйд усмехнулась, увидев, что он отвернулся и сосредоточился на кулинарном процессе.

– В детстве ты тоже ел слишком много шоколада?

– Шоколад не вреден для кожи, – с раздражением произнес Сильван. – Этот миф уже развеян.

– Я знаю. Мы финансировали подобные исследования.

Она перевернула очередную страницу. Мать, похоже, сфотографировала его на домашней кухне – тесное помещение с кухонным столом, покрытым темным линолеумом, – в окружении полного шоколадного хаоса. На этом снимке он склонился над своей работой с таким же сосредоточенным выражением лица, с каким по-прежнему трудился в нынешней лаборатории. Точно таким же был даже угол наклона его головы с красивой линией подбородка.

– В юности ты был сообразительным и чертовски привлекательным.

Ботаником, конечно, но увлеченным кулинарией, а не математикой или компьютерами. Она не сомневалась, что застенчивые одноклассницы обожали Сильвана, а он их не замечал.

– Я не отказалась бы пококетничать с тобой.

– Нет, отказалась бы.

– Могла бы согласиться, – усмехнулась Кэйд. – Мне всегда нравились мужчины, способные творить чудеса из какао.

Это была правда. Одного воспоминания о нем, потрясающе красивом, отстраненном и напряженном, полностью сосредоточенном на магическом котле с шоколадной массой,

было достаточно для того, чтобы взыграли гормоны, и ей отчаянно захотелось познать его, почувствовать его близость. Даже сейчас, несмотря на отсутствие шоколадной магии, Сильван был очень красив, хотя всего лишь был сосредоточен на приготовлении соуса из красного вина. Вернее, был бы очень хорош и просто неотразим, если бы перестал хмуриться.

– Да, я заметил, – сухо отозвался он.

Так, и что бы это могло значить? Ничего хорошего в любом случае.

– Знаешь, я вообще не ходила на свидания с мужчинами, которые знали бы о шоколаде больше меня, – произнесла Кэйд, пытаясь перевести разговор на другую тему.

Его брови поднялись, и он искоса взглянул на нее, наконец соизволив уделить ей внимание.

– Это правда, – добавила она.

– Ты думаешь, что знаешь о шоколаде больше меня? – уточнил Сильван.

Вероятно, она действительно знала больше о некоторых аспектах производства шоколада. Но отчаянно нуждалась именно в его познаниях и… отчаянно жаждала самого творца.

– Я знаю, как продавать его, – дерзко заявила Кэйд.

– Ты знаешь, как продавать его… то есть знаешь, много ли людей пожелают заплатить за него деньги? – Он махнул рукой в сторону ее лежавшей на столике сумочки с таким видом, словно там находилась мышеловка с жирной дохлой мышью.

За тридцать три цента в «Уол-марте».

– Да, например, по доллару за штуку, – ответила она.

В кинотеатрах их продают за один доллар. И в автоматах аэропортов. Сильван покачал головой с таким видом, словно его не переставали удивлять людские вкусы.

– Понятно, что взять с американцев. Ладно… Ты знаешь, как продать его за доллар американцам. А как продать его парижанам по сотне евро за килограмм?

Или около четырех долларов за унцию. При таких расценках их «Шоколад Кори» мог бы продаваться по двенадцать баксов за штуку.

– Разумная цена составляет три доллара за плитку шоколада, – заметила Кэйд. – Достаточная, чтобы люди осознали необычное качество продукта, но достаточно умеренная, чтобы могли позволить себе купить его.

Сильван выглядел обиженным. Невежливо расстраивать человека, который готовит тебе ужин.

– С моим именем, – проворчал он. – Dans les supermarchés…

Сильван посмотрел на выкипающее вино, будто вдруг усомнился, нужно ли заканчивать приготовление ужина для такой нахалки.

– А почему бы и нет? Разве массовая доступность может погубить твои таланты?

Судя по выражению его лица, именно такую возможность он и предполагал.

– У тебя намерения шоколадной анархистки!

Кэйд улыбнулась, обрадованная таким определением. Ей захотелось поделиться им со своим дедом. Джеку Кори понравилось бы, если бы его назвали шоколадным анархистом. Сильван покачал головой, но когда выкладывал на тарелки стейки, уже улыбался. По квартире витали соблазнительные запахи жаренного в красном вине мяса с луком-шалотом. Светлый и теплый дом; на улице темно, а оконные стекла поблескивали мелкими каплями дождя. Сильвану наконец удалось отвлечь Кэйд от рассматривания фотоальбома – милого подарка от матери. Хотя ему надо бы запомнить, что на время свиданий с красотками лучше убирать этот предательский альбом с его подростковыми снимками. Тем не менее он чувствовал себя счастливым.

Приготовить вкусную еду для красотки, которая превращалась в его руках в пылкую страстную любовницу, сидеть с ней в уютном теплом доме в холодный, дождливый вечер. Она обожает его конфеты, и он всегда сможет удержать ее, выложив на ладонь милой шпионки приманку.

Они могли поужинать, выпить, поспорить, лечь на диване, почитать, уснуть. Проснуться утром или ночью. Сильвану нравилась такая перспектива. Он жутко устал после напряжения последних суток и очень хотел спать. Но если Кэйд устроится рядом с ним на диване, такая доверчивая и соблазнительная, и прижмется к нему, то уснуть он не сможет. В общем, все хорошо. В этом вечере плохо только одно – то, что он закончится.

Они сели за стол, и Сильван налил вино в бокалы.

– Тебе понравилось «Сух-мо»? – внезапно спросила Кэйд.

– Что?

– «Сух-мо». Ну, та вкуснятина… шоколадная фантазия в крекерах, которую я оставила тебе прошлой ночью.

Наверное, под вкуснятиной подразумевалась та подгоревшая стряпня. Правильнее назвать бы ее «Больной фантазией».

– А что в ней особенного? – поинтересовался Сильван.

Уж не подложила ли она туда яда? Может, теперь удивляется, почему он не умер? Или проверяла его, пытаясь понять, не похитил ли кто-нибудь настоящего Сильвана Маркиза, подменив самозванцем? Не могла же она на самом деле подумать, что ему

понравится подгоревшая стряпня со сладким молочным шоколадом!

– Это одно из тех забавных угощений, которые мы в Штатах обычно сами готовили в детстве. Так тебе понравилось?

Боже милостивый! Ее глаза лучились надеждой. Сильван размышлял, как бы ему дипломатично сказать, что он не оценил вкуса ее подарка.

– Я понимаю, почему детям это нравилось. – Не его будущим детям, конечно. Сильван надеялся привить им более изысканный вкус.

– С печеньями не повезло. Мне не удалось найти крекеры Грэма, – сказала Кэйд. – И вообще, остывшее пирожное не так вкусно. «Сух-мо» надо есть, когда зефир горячий и вязкий, а шоколад расплавлен.

Сильван попытался скрыть отвращение.

– При случае я покажу тебе, как их готовят, – добавила она.

Он молча кивнул.

– Ты сам увидишь. Это так интересно.

Приятно, что Кэйд строит планы на их совместное будущее. И если он будет осторожен, то сумеет отвлечь ее от перспективы липко-зефирного будущего.

– А камин у тебя в рабочем состоянии? Я могу показать все прямо после ужина.

– Искусственное пламя, – произнес Сильван. – В Париже запрещено использовать открытый огонь. Кое-кто иногда нарушает этот запрет, но у меня перекрыт дымоход.

На лице Кэйд отразилось разочарование, но вскоре она опять оживилась.

– Но я, может, у тебя есть… – Она запнулась, начала жестикулировать, пытаясь заменить неизвестное слово наглядным изображением предмета. – Что-то типа свечки для подогревания кастрюль с фондю?

– У меня нет зефира и сухих крекеров.

Так же, как «Плиток Кори», избави боже, хотя у нее в сумке наверняка найдется хоть одна. Она ведь обязана всегда иметь их при себе.

Кэйд нерешительно посмотрела на темное мокрое окно и расправила плечи.

– Мы можем выйти и купить нужные ингредиенты, – сказала она. – Чуть дальше по этой улице есть магазин.

В ней сочетались качества питбуля и симпатичной музыкальной неваляшки. Так же непредсказуемо замирала и вновь начинала играть. Она стиснула зубы с видом обиженного ребенка, которому вечно запрещали шалить. А Сильван ведь даже

не выразил недовольства. Кэйд стискивала зубы и при мысли завладеть его шоколадными рецептами, и раз уж он ими владеет, то надо воспользоваться всеми имеющимися у него преимуществами. Ее жизнерадостность выглядела эротично. Возбуждающе. Ему сразу захотелось поцеловать ее, заодно проверив, сможет ли поцелуй отвлечь Кэйд, чтобы спасти его от снятия пробы с липкого зефира и расплавленной плитки «Шоколад Кори», сплющенных между двумя крекерами.

– В следующий раз, – произнес Сильван и увидел, как сверкнули ее синие глаза.

У него в запасе имелось еще множество шоколадных приманок для таких одержимых красоток.

Кэйд положила в рот кусочек стейка и на мгновение закрыла глаза с тем же выражением лица, какое он заметил в момент поедания ею ravioles du Royan.

– Восхитительно, – пробормотала она.

Сильван попытался скромно потупить взор, но ему не раз говорили, что скромность не относится к числу его достоинств.

– Пустяки. Просто un petit truc[122].

– И вино идеально.

Взяв бутылку, Кэйд взглянула на этикетку, совершенно примитивную, вероятно, предназначенную для юного племянника какого-нибудь знакомого vigneron[123].

– Откуда у тебя такое чудесное вино?

– Когда я навещаю родителей, мы гуляем по разным крошечным виноградникам. Я хотел бы…

Он едва не сказал: «Я хотел бы показать их тебе в скором времени», но если они не могли пока уверенно говорить даже о следующей встрече, то он совершил бы ошибку, предположив, что через пару месяцев они поедут вместе на юг навестить его родителей. Кэйд помогала руководить компанией, которая зарабатывала более тридцати миллиардов долларов в год. И сейчас просто приехала сюда в отпуск.

– Non, attends[124], по-моему, эта бутылочка от месье Жака.

Она удивленно посмотрела на него. Он обожал ее синие глаза. От каждого ее взгляда Сильван испытывал возбуждение во всем теле, физиология подавляла разум, и ему хотелось заключить Кэйд в объятия.

– Это один человек, который стучится в мой дом каждую осень и предлагает заказать партию вина с мелких виноградников.

– То есть какой-то человек просто заходит к тебе и предлагает купить вино, произведенное на маленьком, никому не известном винограднике? Неужели правда?

Для него это, видимо, в порядке вещей. Тот месье Жак знал, какие у него простые и несколько наивные предпочтения. Сильван la bonne poire?[125]

К сожалению, эта квартира не обеспечена большим cave[126]. В прошлом году Жак уговорил его заказать так много, что ящики пришлось ставить в спальне. Чтобы хоть немного освободить жилое пространство, Сильван подарил пару дюжин бутылок своим служащим на Рождество.

Сквозь ее бурную радость пробивались иные чувства, переходящие в странное и задумчивое томление или чувственную жажду, и ему захотелось, чтобы эти чувства она испытывала именно к нему. Если бы Кэйд жаждала его, то он мог встать из-за стола, забыв об ужине, и удовлетворить ее желания прямо сейчас. Господи, быть желанным с такой страстью…

– А как ты думаешь, выгодно ли будет поставлять «Шоколад Кори» на европейский рынок? – неожиданно спросила Кэйд.

Неужели в этом крылась причина ее влечения к нему, ее томления и желания? Деловой подход к жизни никогда не покидал ее? Наверное, подумал Сильван. Ведь и его не оставляли мысли о шоколадных изысканиях.

– Нет, не выгодно, я надеюсь, – ответил он.

Кэйд прищурилась, и взгляд стал холодным.

– А я уверена, что европейцам мог бы понравиться шоколад высшего качества с твоим именем.

– Когда им хочется чего-то подобного, то они знают, где это найти.

– Плохо, если «Марс» завоюет весь европейский рынок. Или «Тотал фудс». – Она вздохнула. – И я знаю, что в этом плане желания у нас с отцом совпадают.

Сильван положил в рот большой кусок стейка, сочтя, что набитый рот лучше всего избавит его от необходимости высказывать свое мнение по поводу борьбы между компаниями Кори и «Тотал фудс» за вкусы его соотечественников.

– С тем же успехом мы могли бы продать страну «Макдоналдс» и покончить с ней, – пробурчал он, подумав: «Черт побери, кусок оказался недостаточно большим». – Ты же не хочешь, надеюсь, заставить французов полюбить плавленый сыр?

Она скрипнула своими безупречными зубками и сердито взглянула на него.

– Лучше я посоветуюсь с Кристофом. Уверена, что у него появятся кое-какие полезные для нас идеи.

– Знаешь, если тебе захочется обвинить кого-то, кроме себя, в возникновении скандальной истории Похитительницы Шоколада, то могу подсказать, что именно Кристоф в своем блоге с

удовольствием распускает слухи о личной жизни людей, – произнес Сильван, мысленно добавив: «И присваивает себе чужие фантазии».

– Да, но он – славный парень. Забавный.

Сильвана охватило раздражение.

– К тому же сообразителен, понимает, чего хотят европейцы, и поможет мне, если я попрошу его, – заметила Кэйд.

– Да уж, тут я тебе не помощник, – твердо заявил Сильван.

Он представил, как хватает Кристофа за грудки и трясет. Нет, лучше послать ему коробку отравленных конфет, а потом наблюдать, как он внезапно свалится со стула. И предпочтительно умрет, корчась от боли, медленной мучительной смертью. Достойная месть.

– Кристоф – слабовольный подпевала, – усмехнулся Сильван. – А у меня высокие требования.

– Может, мне следовало бы просто выкупить чью-нибудь фирму? – задумчиво, словно размышляя вслух, проговорила Кэйд. – Так считает мой отец. «Валрону», например. Это могло бы стать более выгодным.

– В каком смысле?

Сильван понимал, что ему следовало бы держать язык за зубами, но даже ради ее пылкой страсти, ради их близости не мог продать свою душу и душу своей страны.

– До какой ущербности ты хочешь довести вкусы моей страны? – Он махнул рукой в сторону ее сумочки, где лежал «Шоколад Кори».

Кэйд нахмурилась, опустила голову и потерла задумчиво нахмуренный лоб. Она выглядела усталой и печальной. Вновь появилось ощущение хрупкости. Но Сильван не мог помочь ей. Не мог, не собирался помогать ей понимать, как завоевать французский рынок каким-то массово произведенным шоколадом, своего рода незаконнорожденным отпрыском его здешнего мастерства, его души.

– И вообще, зачем тебе это нужно? Разве у вас недостаточно денег?

Кэйд промолчала. Ей не хотелось говорить ему о своих причинах.

Почему женские головы вечно забиты дурацкими проблемами? Неужели нельзя просто наслаждаться приятным вечером?

– Хочешь, чтобы я сбегал и принес немного зефира и печенья?

Ее лицо прояснилось. Отвлекающий маневр сработал. Хотя бы подумала, что он принес в жертву собственный вкус.

– Показать тебе, как готовить «Сух-мо»?

– Конечно.

Такой уж он простофиля. Увы, ему очень нравилось смотреть, как Кэйд улыбается. Вот так Сильван Маркиз, известный как лучший шоколатье Парижа, оказался вдруг втянутым в приготовление «Сух-мо» из зефира, печенья и дешевого массового шоколадного батончика, которыми его не удавалось соблазнить с трехлетнего возраста.

Господи, но зато какой счастливой становилась Кэйд! Они устроились на полу возле камина, где она установила металлический ковшик, – убедила его, что «Сух-мо» надо готовить, сидя на полу. Кэйд напоминала восторженного ребенка, с гордостью показывающего пастельный эскиз какой-то искривленной смешной рожицы самому Леонардо да Винчи.

Роль да Винчи, разумеется, отводилась ему, поскольку Сильван приравнивал свои шоколадные творения к художественным шедеврам великого Леонардо.

Однако ему удалось избежать пытки и не снимать пробу. Кэйд с ликованием слепила две печенины расплавленной зефирно-шоколадной массой, а когда поднесла первый «шедевр» к его губам, он не выдержал и начал целовать счастливую кулинаршу. Они и так уже сидели на полу, поэтому прилегли на ковер, где Сильван припал к ней, опираясь на локти, и… оказалось, что сил у него гораздо больше, чем он думал.

Когда Кэйд вновь вспомнила о горелке под ковшиком в камине, огонь в ней уже потух. Мысленно Сильван поздравил себя. Но самодовольство скоро исчезло.

Лежа на жестком ковре, с крошками печенья, прилипшими к его голой спине, Сильван поглаживал шелковистые волосы Кэйд, ощущая приятную тяжесть головы на своей груди, и рассматривал белый лепной потолок. Он чувствовал ее глубокое ровное дыхание, возможно, с легчайшим намеком на дамское посапывание. Ему следовало бы сиять от счастья, все в порядке с его миром, но после бурного секса наступило опустошение.

Кэйд любила заниматься с ним сексом. Она любила его шоколад. Сильван сомневался, что ее хоть немного заботили какие-то другие ценности его жизни, правда, эти два аспекта имели для него важное значение.

И главное, он готов смириться с этим. Остальное его мало волновало. Сильван стремился сделать свой шоколад неотразимым; и не собирался жаловаться на то, что в награду за труды ему может достаться Кэйд Кори со всеми ее достоинствами и недостатками.

Сложность заключалась в том, что ей даже не нужно покупать обратный билет. Она могла просто запрыгнуть в свой частный

самолет в ту самую секунду, когда решит, что пора домой. А это ведь должно случиться очень скоро. Потому что Кэйд приехала в Париж с деловым визитом.

Глава 21

Проснувшись от яркого света, Кэйд услышала, как Сильван тихо напевает какую-то французскую песню. У него был хороший голос, приятный мягкий тенор.

– Я хочу выйти купить pains au chocolat[127], – донесся до нее его голос.

Ей нравилось нежиться в его гнездышке. Уютном, теплом, таинственно пахнувшем шоколадом и смесью запахов двух человеческих тел. Ей захотелось, чтобы Сильван просто на время ушел, а она осталась бы и с удовольствием побездельничала. Забыла и о нем, и о себе. О любых делах и обязанностях. Ведь если уж она не смогла договориться об организации новой линии продукции, то понятно, что скоро ей, увы, придется возвращаться домой.

– Или тебе опять хочется малиновое пирожное?

Она что-то пробурчала и вскоре услышала стук захлопнувшейся входной двери. Вскочив с кровати, Кэйд нашла душевую комнату, решив, что сегодня не попадет в такое же невыгодное положение, как накануне. В квартире Сильвана была настоящая душевая кабина. Застекленная от стены до стены, так что ей не придется сдерживать свои желания. На одной стенке кабинки даже имелась панель с рядами боковых верхних и нижних струй. Подставив запрокинутое лицо водным струям, Кэйд вздрогнула, услышав легкий стук по стеклу. Сильван протянул ей толстое коричневое полотенце, посмотрел на ее влажное обнаженное тело и улыбнулся.

– Выходи и одевайся, – с усмешкой произнес он. – Я в изнеможении. Нужно же мне хоть немного передохнуть.

Кэйд вспыхнула, подумав, что он мог посчитать ее нимфоманкой. Поскольку со дня их знакомства она чувствовала да и вела себя как нимфоманка. И будучи мужчиной, он вряд ли выразил бы недовольство, а просто наслаждался бешеной

сексуальной верховой ездой.

Во всем виноваты его изумительные руки. Они настолько завладели ее воображением, что Кэйд постоянно мечтала о них с тех пор, как впервые увидела на его веб-сайте ту фотографию, где пальцы его правой руки клали зернышко какао на крошечную шоколадную конфетку. И они идеально подходили этому высокому, темноволосому, привлекательному и страстному мужчине, познавшему всю полноту чувств, такому высокомерному и уверенному в себе, и с легкостью завладевшему ее душой и телом. Кэйд хотелось ощутить на себе его красивые руки. Ей не хватало его прикосновений. Не хватало его самого.

И когда она подумала, что бурный секс и являлся достойной самоцелью, эта мысль показалась ей прекрасной. Прекрасно и то, что им не нужно ничего, кроме шоколада… Но потом вдруг он сделал нечто такое, отчего прекрасная простота изменилась. Изменилась цель, и ей уже захотелось большего.

Чего-то подобного вот такому совместному домашнему уюту. Одевшись, Кэйд с влажными волосами, стянутыми в хвост, и без макияжа вышла в кухню. Сильван долго смотрел на нее, и выражение его лица постепенно менялось, становясь отстраненным и закрытым. Почему? Неужели он переживает из-за того, что спал с кем-то из семейства «Шоколад Кори»?

Аромат свежей выпечки, маслянисто-дрожжевой, доносился со стола из белого бумажного пакета и прямоугольной коробки. В пакете лежали три pains au chocolat – с обеих концов этой воздушной слойки просматривалась двойная шоколадная начинка. А под крышкой прямоугольной коробки обнаружились три пирожных.

– Взял разные, – пояснил Сильван ей.

– А какое это пирожное? – Кэйд показала на лежавшее в середине коробки желтое пирожное, покрытое дольками яблок, напоминавшее по структуре омлет. – Может, это яичный омлет с фруктами? В нашей стране подобные блюда на завтрак очень популярны.

Бросив взгляд на пирожное, Сильван произнес:

– У американцев странные вкусы. По-нашему это называется нормандское пирожное. Может, кто-то из нормандцев изобрел его, чтобы порадовать американского солдата.

– Нет, не похоже, – сказала Кэйд, попробовав кусочек.

Основа напоминала мягкий сладкий пирог, идеально смешанный с яблоками. Немного похожий на те яблочные оладьи, что она пробовала в Германии.

– И, вероятно, это более полезный вариант десерта. В нем больше протеина и фруктов и меньше жира и сахара.

Сильван пожал плечами.

– Тебе хочется чего-нибудь диетического? У меня в холодильнике есть йогурт. И остатки вчерашних шоколадных конфет, если у тебя появились симптомы ломки после восьмичасового воздержания от шоколада. Без моего шоколада, – пояснил он с усмешкой. – Кстати, ты не пожалела, что подарила все свои запасы?

Отчасти пожалела, потому что реально испортит репутацию, если вернется в его магазин и купит очередную партию конфет у одного из заносчивых служащих. А раз уж она не может жить без них, то придется обращаться к нему всякий раз, как захочется съесть конфетку. Похоже, Сильван завладел ее душой и телом.

– Мне надо уходить, – вдруг сказал он.

Кэйд прикрыла глаза, пытаясь уловить оттенок сожаления в его голосе.

– Сегодня приезжает один stagiaire[128], и мне хотелось бы присутствовать на встрече с ним, на тот случай, если понадобятся мои объяснения.

Она вспомнила слово «stagiaire» – так называли интерна, практиканта, проходящего обучение.

– А на каком языке он говорит? – спросила Кэйд.

– На своеобразном диалекте. Связующем близкие миры. – Диалект того пригорода, где он родился, сильно отличается от диалекта шестого округа Парижа.

– Тогда как ты сможешь что-то объяснить ему?

Кэйд смутно помнила из его биографии, что он родился где-то в окрестностях Парижа, но сейчас вряд ли могли быть существенные языковые различия между окрестностями и центром Парижа.

– Я вырос в том же пригороде, – поднимаясь из-за стола, сообщил Сильван.

Неужели ему не хочется откровенно поделиться с ней детскими воспоминаниями? Кэйд сочла это добрым признаком. Он не пытался использовать секс в качестве трамплина для душевных отношений. По крайней мере никакой попытки примазаться к ее жизни и жениться на миллиардах. В духе романтики, хотя это приводило в недоумение. Обычно ее миллиарды служили гарантией того, что мужчины ею заинтересуются. Без их внимания Кэйд чувствовала себя так, словно попала в чужой город, не имея при себе ни визитной карточки, ни телефона, как обычный человек, защищенный лишь одеждой, которому для выживания необходимо проявить изворотливость.

Сильван вымыл руки и, подойдя к Кэйд, остановился, глядя,

как она сидит с нормандским пирожным в руках. Он наклонился и поцеловал ее в губы.

И ушел.

Несколько минут Кэйд сидела неподвижно, пока не раздался телефонный звонок.

– Ты можешь тоже прийти, если хочешь, – сказал Сильван. – Я покажу тебе, как готовить кое-что интересное.

Улыбнувшись, Кэйд подошла к окну и увидела, что он стоит посередине пешеходной улицы.

– Но я покажу кое-что лично тебе, а не вашей шоколадной компании, – добавил Сильван. – Так что не продавай мой рецепт. И ради бога, не ставь на изделии мое имя.

Глава 22

В лаборатории Паскаль, потряхивая большим ситом, точно сельский житель с собранным урожаем зерна, посыпал партию трюфелей крупинками перемолотого карамелизированного миндаля, отчего сам окутался вкусной пыльцой. Достаточно далеко от Паскаля, чтобы избежать загрязнения под пылевым миндальным облаком, стоял подросток, выделявшийся не только своей юностью, но и тем, что единственный в этом помещении обладал темной кожей. Он испытывал одновременно гордость и неловкость, трудясь над порученным ему заданием. Парень перемешивал лопаткой шоколадную массу в огромной кастрюле.

Женщина колдовала с трехзубой вилкой возле enrobeuse[129] «Золлиха», откуда выезжали брусочки конфет в шоколадной оболочке. С каждым взмахом вилки на конфетах оставался четкий оттиск, который Кэйд мгновенно узнала, вспомнив, что эти конфеты содержат ganache vanille[130]. Другая мастерица, обрызгивая формочки из кулинарного пульверизатора, покрывала каждую заготовку тончайшим слоем шоколада.

Рядом с подростком стоял Сильван, с помощью зубной щетки и большого пальца сбрызгивая гибкий лист пластика похожей на бледно-зеленую краску смесью. Потом он взял другую щетку и окунул ее в более темную зеленую массу, которая оказалась подкрашенным белым шоколадом.

Заметив Кэйд, Сильван посмотрел на нее и улыбнулся. Паскаль Гюйо тоже взглянул на гостью и вернулся к своей работе. Подросток, тот самый стажер, изумленно поднял брови и усмехнулся.

Парень уверенно схватился за огромный котел с расплавленным шоколадом, но потом замер, пораженный его тяжестью. Сильван бросил щетку, ловко перехватил у паренька котел и залил глазировку в машину.

– Et les muscles dans tout ça, Malik?[131] – обратился к парню

один из поваров.

Смущенный Малик согнул руку в локте, словно пытаясь убедиться, что его бицепсы будут заметны даже через широкие рукава поварской куртки.

– Теперь у меня не хватает времени на тренировки, – заявил он. – Я же вечно торчу тут у вас!

– Может, нам нужно почаще приставлять тебя к кастрюлям, чтобы ты поддерживал форму, – пошутил тощий очкарик. – На, попробуй-ка удержать хоть эту. – И он вручил Малику металлическую миску размером не больше обычной кухонной чаши для домашнего миксера.

– Или вот эту, если та для тебя тяжеловата, – подхватил атлетического вида здоровяк, поставив перед подростком крошечную кастрюльку.

– Ладно, ладно, – простонал Малик. – Ну, мог бы я донести этот котел. Меня просто застала врасплох его тяжесть.

«Не удивительно, что почти все здесь выглядят худощавыми и сильными, в отличной физической форме», – подумала Кэйд, пытаясь определить вес котла с шоколадом. – Наверное, более пятидесяти фунтов. Может, и все восемьдесят? По сколько же раз в день им приходится перетаскивать такие тяжести?»

Сильван подошел к Кэйд, на губах его играла веселая усмешка. Она почувствовала, словно в нее вдохнули какую-то живительную силу.

– Сегодня ты можешь позаимствовать одну из моих курток, – сказал он. – В куртке Бернара ты утонешь. И спрячь волосы, – добавил Сильван, протягивая ей белую шапочку, которые носили все, кроме него и Паскаля. – Никому пока не удавалось найти хоть волосок в моих конфетах.

Кэйд предположила, что Бернаром зовут плотного здоровяка. Хотя и куртка Сильвана оказалась ей очень велика. Закатывая слишком длинные рукава, она размышляла, почему он не выдал ей одну из женских курток. Может, хотел предложить ей свои личные вещи? После их сексуальных игр, стоя рядом с ним, Кэйд вдруг ощутила собственную хрупкость, странную уязвимость.

– Для чего это? – обратилась она к Сильвану, останавливаясь перед гибким листом, испещренным брызгами двух оттенков зеленого цвета.

– Я экспериментирую с новыми украшениями для моих конфет «Диковинка», – пояснил он. – С базиликом, – добавил Сильван на тот случай, если она, пробуя многочисленные сорта его конфет, не поняла, что в «Диковинке» есть вкусовой нюанс базилика. По правде говоря, она и не смогла бы распознать этой приправы, если бы в коробке не лежала этикетка с описанием

состава конфет. И тем более тонкий привкус базилика. Не удивительно, подумал он, ведь ее предпочтения отданы корице.

– Как только добьемся нужной консистенции, нанесем их на те овальчики, что появятся из глазировочной машины. И посмотрим, понравится ли нам новое украшение.

– А как много разных ганашей вы используете? – спросила Кэйд, поскольку ей нравилось слышать, как он произносит по-французски слово «ganache».

Так же, как французское слово «шоколя», оно звучало ласкающим соблазном для ее ушей.

– В настоящее время мы изготавливаем двадцать четыре ganaches au chocolat[132].

Музыка этих произнесенных им слов породила в ней жаркую волну желания, заискрилась воспламеняющими дразнящими язычками в эротических зонах груди, внутренней стороне запястий, затылка.

– Девятнадцать из них на основе noir chocolat, с разнообразными вкусами и насыщенностью, и пять – au lait chocolat[133].

– А какая ганаша твоя самая любимая?

«Ну произнеси это вновь, – мысленно взмолилась она. – Произнеси вновь ganache au chocolat».

Сильван покачал головой.

– Тут у меня нет предпочтений. Если бы я не считал их всех лучшими, то не стал бы изготавливать их на продажу.

Кэйд тихо вздохнула, напомнив себе, что в их продажах считались лучшими «Шоколад Кори». Этот вид продукции продавался миллиардами, лежа на удобных для покупателей полках в сети известных магазинов.

Нет, их значение не ограничивалось объемами продаж. Эти плитки, снискавшие любовь покупателей, внушали надежду, придавали людям уверенность, став частью их радостных детских воспоминаний. Они позволяли им играть у камина, увлеченно стряпая «Сух-мо».

– А какой сорт конфет ты ешь чаще других?

– Я редко ем конфеты ради удовольствия. Здесь постоянно приходится что-то пробовать. Или иногда новый шоколатье привлекает внимание критиков, и мне тоже хочется попробовать его изделия. Мне нужно снимать пробы, поэтому вряд ли я мог бы испытать такое же, как ты, удовольствие, открыв новый набор шоколадных конфет и размышляя, какую из них попробовать первой.

Да, вероятно, он прав. Новая коробка изысканного шоколада казалась ей шкатулкой с драгоценностями, собранными из

тайных сокровищниц мира.

– Для меня исходным является удовольствие открытия, когда я впервые создаю сорт и пробую его после завершения процесса, решая, безупречен ли он или нужно продолжать поиски.

Поясняя свою позицию, Сильван положил перед Кэйд чистый лист пластика, вручил зубную щетку и, накрыв своей ладонью ее руку, показал, как разбрызгивать массу. Зеленые брызги получились у нее слишком большими. Одним движением его загрубевший от разнообразной кухонной работы палец протер испачканный пальчик Кэйд, и Сильван вновь показал ей правильный способ разбрызгивания.

– Мне нравится этот этап. Но если что-нибудь сравнимо для меня с чувством, что испытываешь ты, открывая новую коробочку шоколадных конфет, то это открытие неизвестного прежде отличного ресторана, когда я, выбирая блюда из меню, предвкушаю, как я буду пробовать то, что кто-то другой приготовил для меня.

Кэйд задумалась, есть ли еще в Париже такой изысканный ресторан, блюда которого Сильван не успел попробовать. В ее душе вспыхнули искорки счастья, когда перед глазами возникла картина, как они вдвоем сидят в ресторане и сам Сильван мысленно смакует каждое воображаемое им блюдо, прежде чем решить, какой сделать заказ. Несомненно, он будет выглядеть элегантно в любом выбранном им наряде. Кэйд могла бы отвезти его в любой выбранный им ресторан. Заказать вертолет и слетать с ним в ресторан на юге Франции, если бы Сильван захотел. Она могла бы…

– Сейчас мне хочется сделать конфеты с еще более горьким шоколадом, чем те, что я приготовил для тебя, – задумчиво произнес он.

– Ты правда сделал их специально для меня?

– Oui, bien sûr[134], – ответил Сильван.

«Будь то на грешной земле или в райских небесах, он, похоже, особо не тратил время на подделки, – решила Кэйд. – Сильван все делает по-настоящему, на сто процентов, либо не делает вообще».

Что бы тогда это означало по отношению к ней?

– Ты думал о том, чтобы продать их? – спросила она.

– Пока делал, не думал. Но мне еще хочется поэкспериментировать с ними. Возможно, они понравятся нашим клиентам. Я бы назвал их «Горчинка» или «Разочарование».

Он забрал у нее забрызганную пластиковую доску и заменил ее на чистую.

– А ты как считаешь? Следует ли мне предложить их на суд покупателей?

– У меня осталось странное навязчивое послевкусие, – призналась Кэйд. – Я бы с удовольствием попробовала еще разок.

Сверкание в его глазах – насмешливое, удивленное, настороженное. Его скулы также заметно порозовели? Он взглянул на нее.

– Мы говорим о шоколаде? Или о жизни?

– О шоколаде, разумеется, – произнесла она, смущаясь. – Однако, добившись желаемого, человек успокаивается. Перестает искать, стремиться к чему-то новому. В моем мире это называется плохой торговлей, а как в твоем – неизвестно. Ты мог бы продавать каждую штучку по пять сотен евро, и клиенты покупали бы их. И с другой стороны, не имеет значения, насколько велики будут продажи.

– Пять сотен евро – это слишком, но идея хорошая. Мы станем продавать каждую конфетку в особой обертке и упаковке в пару раз дороже других сортов.

То есть в таком же крошечном пакетике, какой он подарил ей. Кэйд засомневалась, хорошо ли то, что сама послужила вдохновением для этого темнейшего, горчайшего, нежнейшего и вкуснейшего шоколада. Пожалуй, хорошо.

– Уверен, что вскоре этот изыск станет популярным, – с довольным видом произнес Сильван и добавил, словно забыв о присутствующих: – Особенно такой подарок подойдет для примирения поссорившихся влюбленных.

Кэйд уставилась на пластиковую доску, будто последнее слово вернуло их на хрупкую зыбкую почву. На мостик из яичных скорлупок, перекинутый, видимо, через широкий, обрывистый и глубокий провал, причем никому не известно, что ждет на другом берегу, поскольку никому не удавалось достичь его, не проломив переправу.

Она, Кэйд Кори, наследница семейства Кори из Мэриленда. От нее зависят судьбы множества людей. Даже думать о возможности переплыть на другой «берег» означало витать в облаках. А раз уж что-то заведомо невозможно, то следует быстро отказаться от этого и возвращаться домой.

Она с нажимом провела большим пальцем по зубной щетке, и капля зеленой шоколадной массы брызнула ей в глаз. Сильван рассмеялся, коснулся ее подбородка и развернул к себе забрызганное лицо. Кэйд еще находилась под впечатлением этой легкомысленной попытки предъявления на нее собственнических претензий. Она подумала, что любой посторонний их семье мужчина, когда-либо пытавшийся прилюдно заявить о своих собственнических претензиях на нее, на самом деле пытался завладеть ее состоянием.

Ее ноги, словно она шла босиком, ощущали ломкую хрупкость яичных скорлупок.

– Ты вся покрылась зелеными брызгами.

Очищая ее лицо, Сильван провел пальцами по щекам и бровям. Он смеялся, но в его смехе Кэйд уловила оттенок искренней симпатии. Она стояла, замерев, едва дыша и во все глаза смотрела на него, прикрыв их лишь на мгновение, когда его палец стер каплю с ее ресниц.

«Могу ли я упасть в твои объятия, прижаться всем телом и счастливо замереть, не вспоминая о том, как долго продлится это счастье?» – подумала она.

Ведь если бы Сильван раскрыл свои объятия, ей захотелось бы остаться в них навсегда. Можно ли одобрить такое желание? Но, конечно, одобрение зависит не только от нее, но и от разных жизненных обстоятельств! Сильван, вероятно, воспримет это с легкостью. Видимо, он считал вполне естественным, что женщины готовы отдаться ему в любой момент. Но может ли она решиться на подобный шаг?

Вернувшись к процессу создания зеленых брызг, Кэйд еще долго ощущала на своих щеках, бровях и ресницах прикосновения его пальцев.

Глава 23

– Ты готова завершить свой отпуск? – с надеждой спросил Мак Кори.

– Пап! До сих пор я в основном здесь *работала*! И ты называешь это отпуском?

Этот день она провела в знакомстве с «Шаке су гу»[135], небольшим семейным предприятием французского производителя шоколадных плиток, известных своим отменным качеством. Отец как раз предлагал выкупить такого рода производство, не гоняясь за идеей шоколадной продукции высшего сорта с именем Сильвана Маркиза. Самой Кэйд этого не хотелось, но обсуждение возможности давало ей предлог провести во Франции больше времени.

Интересно, что сказал бы Сильван, узнав, что она подумывает о покупке целой компании просто в качестве личного оправдания для задержки с любовником в Париже? Учитывая, что в роли любовника выступал он, это известие вознесло бы его самомнение до небес. А уж если говорить об отце, то он вряд ли будет так же радоваться по этому поводу.

Надо признать, что она вела себя безответственно и эгоистично. Именно таких капризов можно ожидать от избалованного отпрыска миллиардеров.

– Ладно, ты сама понимаешь. – Искаженное веб-камерой изображение показало взмах дрожащей руки. – Заканчивай свои прогулки по Парижу с визитами к парижским шоколатье и приезжай домой. Скоро День благодарения. Мы соскучились по тебе.

В семье Кори все любили День благодарения. Спокойный и уютный. Полный радости и смеха. После смерти матери и бабушки этот праздник стал особенно важным для них, поддерживая сердечное тепло давних праздничных традиций. Кэйд пропустила между пальцами ленточку, которой был завязан

ее горький шоколадный подарок. Она то накручивала ее на мизинец, то снимала с него.

– Пап, ты считаешь, что мы сможем добиться чего-то в Европе? «Марс» завоевал здесь практически весь рынок.

Мак Кори нахмурился.

– И все потому, что европейцы ужасно высокомерны. Я не поверю, что после настоящего твердого шоколада им понравятся лишь сдобренные шоколадом сладкие батончики.

– Им не нравится *наш настоящий, твердый* шоколад. Нам надо либо привлечь их забавной оберткой, как сделал «Марс», либо пойти более сложным путем и создать твердый шоколад, способный удовлетворить их изощренный и тонкий вкус. – Сделав быстрый глубокий вздох, Кэйд сжала ленточку в кулаке. – Может, мне удастся добиться успеха.

Последовала долгая пауза. Достаточно долгая для того, чтобы Кэйд успела понадеяться на задержку передачи веб-камеры из-за океана, но также достаточная и для крушения этой надежды.

– Что ты имеешь в виду?

– Европу, – произнесла она.

Отец пристально посмотрел на дочь.

– Я полагал, что тебе хотелось попытаться найти новый сорт шоколада для производства здесь, у нас!

– Да, но… может, эта идея даже лучше. Надо же будет представить отменный первоклассный шоколад в Штатах. Хотя если мы не поторопимся, то нам придется потратить кучу денег, чтобы отвоевать у «Марса» и «Тотал фудс» хоть какой-то кусочек торговой ниши в Европе. И если мы приживемся там, то сумеем производить новый шоколад и в Соединенных Штатах, чтобы остановить спад интереса потребителей к изысканной продукции.

– Ты нужна мне дома! Твоя сестра опять в хандре жарится где-то в Кот-д’Ивуаре. Кто подхватит нашу компанию, когда я удалюсь от дел?

Она. Разумеется, она. Это давно решено. И она отлично справится с работой.

Ленточка в кулаке Кэйд повлажнела. Ей не хотелось возвращаться в Кори, следовать той же широкой, проторенной дорогой. Кэйд мечтала сбежать в лес и, побродив по его извилистым тропинкам, посмотреть, что удастся найти.

– Тебе же еще только пятьдесят лет, папуля. И если что, у меня будет много времени наверстать упущенное. Инициативное предприятие в Европе даст мне великолепный опыт.

Работа в Европе. Она видела реакцию Сильвана на эту фразу, его глаза, поблескивающие полемическим задором. Ей не

хотелось работать в Европе, сражаться за свою торговую нишу, посещать разные предприятия. Лучше бы она погружала руки в мешки с фисташками и бродила по рынкам, выискивая экзотические специи. Посещала бы разные лаборатории и училась в них магическому мастерству. Создала бы нечто большее, чем создал Сильван, – прекрасные, роскошные, волшебные шоколадные кондитерские. Кэйд не хотелось вытеснять их из бизнеса, используя свою сокрушительную огненную мощь.

Повисла очередная пауза.

– Послушай, детка, давай мы поговорим об этом после твоего возвращения. Дадим задание нашим маркетологам всесторонне проанализировать эту идею. Не забывай также, что мы положили глаз на «Девон канди». Это может значительно повлиять на ситуацию в Европе.

Это сделает их роль в Европе такой же, как в Штатах – массовые производители дешевой шоколадной продукции. Кэйд могла бы привести аргументы в пользу своей задержки здесь, если бы они договорились с «Девон канди».

– Пока я не могу вернуться, – произнесла она.

– Хорошо, побудь там еще недельку. Твой дедуля прав: тебе нужно немного поразвлечься. К тому же я уверен, что ты много узнаешь о наших шансах. Заложишь, так сказать, фундамент, и он поможет нам в будущем, если мы решим через несколько лет открыть там новое дело.

– Через несколько лет?

Без Сильвана в обозримом будущем жизнь вдруг представилась ей зловещей черной бездной. Кэйд задохнулась от ужаса, словно пошатнулась на краю этой бездны, и отчаянно взмахнула руками, пытаясь предотвратить падение.

– В зависимости от того, как мы договоримся с «Девон канди». Оставайся на неделю. Давай подробно обсудим все, когда ты вернешься на День благодарения.

Впереди еще две недели.

Закончив разговор, Кэйд расстроилась и вышла на улицу, чтобы развеяться. Она брела по старинным улицам Шестого округа, стараясь ни о чем не думать. Прохожие равнодушно проходили мимо нее, когда она, остановившись, разглядывала витрину магазина, полную старых игрушек, или замедляла шаги, вдыхая ароматы, доносившиеся из пекарни. Никто не уточнял, что такое райские запахи, но если бы Кэйд задумала создать Рай Небесный, то обогатила бы его ароматами пекарен и шоколадных кондитерских. Вскоре она поморщилась от запаха сточной трубы в какой-то fromagerie[136] и, стараясь не вдыхать глубоко, обошла огромные бруски масла и круги сыра, от которых продавец

отрезал для нее пробные ломтики. Кэйд с интересом наблюдала за ним, пока он рассказывал ей историю каждого сорта и уговаривал попробовать сыр, видела его настроение, веру и страсть к своему делу.

Когда она вернулась к своему парижскому дому, Сильван вышел из кондитерской и стоял, задрав голову и глядя на окна ее квартиры. Увидев Кэйд, он оживился. Она замерла перед ним, не зная, какими приветствиями им следует обменяться. Легкими поцелуями в щечки? Или в губы? В общем, Кэйд предпочла сунуть руки в карманы, сохраняя дистанцию. Его губы сжались в тонкую линию, которая получается на редкость выразительной только у французов.

– Ты знаешь, чего мне хотелось бы? Прогуляться, – заявила Кэйд, чтобы не получилось так, будто она просит его пойти с ней.

Сильван мог присоединиться к ней или нет; ведь в свободной стране каждый волен поступать, как ему хочется, в рамках закона, разумеется. Да, они находятся во Франции, но ведь и сами французы тоже считают, что живут в свободной стране. Кэйд не просила Сильвана пойти погулять с ней, и это важно учесть.

Она не выставила себя беспомощной, опустив щит, чтобы равнодушный отстраненный взгляд не смог разбить ее хрупкую душу. Сильван резко взмахнул рукой, словно ему не хотелось показывать свое удивление. Его темные глаза оценивающе смотрели на Кэйд, будто он был шоколадом, а она экзотическим джемом, и он размышлял о том, что получится, если их соединить.

Кэйд почувствовала, что предательский румянец снова расцветил щеки. Ее душа вдруг съеживалась в надежде, словно ей хотелось сжаться до эфирного состояния, залететь в тот тесный лифт и спрятаться на верхнем этаже в скромной квартирке, отпустив внешнюю оболочку, безрассудно гулять по миру, позволив ей делать любые глупости.

– Tu veux faire une promenade?[137] – уточнил он, видимо, проверяя, верно ли она использовала слова.

Шоколадные глаза продолжали пристально изучать ее лицо, будто желали проникнуть внутрь и понять ее внутренние побуждения, но его лицо оставалось бесстрастным.

– Вместе со мной? – добавил Сильван.

Кэйд могла предпочесть прогуляться в гордом одиночестве. Или просто уединиться в своей квартирке. За исключением того, что квартирка находилась прямо над его лабораторией. Или улететь в Америку… Наилучший следующий шаг.

– Ты хочешь общаться со мной помимо… – Он показал на свою лабораторию.

Кэйд подумала, что вчерашняя встреча и совместный ужин благотворно повлияли на их с Сильваном отношения.

Теперь красные щеки уже сравнялись с алостью шарфа, но еще хуже то, что глаза ее отчаянно защипало: слезы. Вечно она рыдает в этой дурацкой стране! А вот дома никогда не плакала.

– Забудь, пустяки, – проговорила Кэйд по-английски, не вспомнив французского выражения, и развернулась на каблуках к своей парадной, до боли сжав руки в карманах пальто.

Сильван потянул ее за рукав, вынуждая остановиться.

– Мне хотелось бы этого, – произнес он по-английски.

Она моргнула, пытаясь загнать обратно дурацкие жгучие слезы. Его акцент и слова, сказанные по-английски, обезоружили ее.

Его рука осторожно пролезла в карман ее пальто и, завладев спрятавшимся в перчатке кулачком, вытащила его. Сильван крепко держал ее руку, хотя между ними оставалось еще два слоя их перчаток. Последний раз их руки переплетались, когда он завел руку Кэйд за голову и прижал к матрацу. Она заметила, что они впервые просто держатся за руки.

– Сегодня хороший день для прогулки, – добавил Сильван.

Хороший? Холодный, серый день с пронизывающим ветром и с намеком на снежную пыль в воздухе, которая вскоре обернется дождем. Да уж, хороший день для прогулки рука об руку двух людей с взаимной сердечной привязанностью, осознающих, что впереди ждет общий уютный дом, что один из них не останется в одиночестве к приходу зимы. Понимали ли они это? Понимали, что не расстанутся к приходу зимы?

Кэйд и Сильван шли по улицам, едва успевшим просохнуть после вчерашнего вечернего дождя. Проходили мимо магазинов, заполненных вещами, которые трудно было даже вообразить в каком-то другом городе. В одной витрине красовались старые деревянные клейма для оттиска на чьем-то фирменном масле, сбитом от собственной коровы. Другую украшало тончайшее белье насыщенного лавандового оттенка, расшитое вручную пурпурными кружевами. В очередной лавочке торговали ванилью. Ничего, кроме стручков ванили – с Таити, Мадагаскара, Мартиники.

Когда они приближались к Сене, сгустились сумерки. От воды несло холодом, хорошо, что они оделись тепло, по сезону. Сильван, показывая Кэйд парижские достопримечательности, свернул налево по верхней набережной, и они вступили на старейший из сохранившихся каменных мостов Пон-Нёф, который, естественно, считался Новым Мостом в начале семнадцатого века. Перед ними возвышалась позеленевшая

конная статуя Генриха IV. Снизу донеслось пыхтение полузаполненного туристами речного трамвайчика, готового отчалить от пристани для вечернего путешествия по Сене.

Кэйд смотрела по сторонам, стараясь ничего не упустить. Она прожила здесь всего несколько недель. Каждое мгновение надвигающегося парижского вечера казалось ей чудом.

Убывающие лучи света коснулись двух конусовидных башен средневековой тюрьмы Консьержери, окрасив их розовым цветом, но потом они потемнели, словно ускользали в какую-то волшебную старую сказку. Проплывали суда, озаряя переливчатым светом черные воды. Мимо них промчался парень на роликах, они с легким режущим звуком скользили по тротуару. Кофейни начали заполняться закончившими трудовой день людьми, там они грелись и общались с приятелями. Ненавязчивая иллюминация выхватывала из темноты Лувр, являя гуляющим величественные здания одного из прославленных музеев Парижа.

Эйфелева башня возвышалась над городом точно маяк, посылая всем лучи своих прожекторов. Вдруг возникло какое-то оживление. Кэйд покрепче сжала руку Сильвана.

– Огоньки!

Она остановилась и, прислонившись к бетонному парапету набережной, взглянула вверх. Всего два раза ей удавалось увидеть это знаменитое мерцание, продолжавшееся по десять минут ежечасно. Сильван молчал. Когда Кэйд посмотрела на него, ее лицо сияло счастьем. По губам Сильвана блуждала легкая улыбка, но потемневшие глаза были серьезными. Почему? Может, он предпочел бы, чтобы они сразу занялись сексом, пропустив прогулку?

Эйфелева башня перестала мерцать, и люди вновь двинулись дальше. Хотя большинство прохожих даже не останавливались, спеша по делам резвой и уверенной парижской походкой. Поодаль на боковой улочке мужчина, поднявшись со скамейки, попытался остановить проходящую мимо женщину в черных сапогах и куртке.

Сильван решительно выпрямился, но женщина даже не замедлила шага, даже не взглянула на этого мужчину, и он, пожав плечами, вернулся на скамейку дожидаться другой возможности.

– Однажды я столкнула одного приставалу в Сену, – призналась Кэйд.

Сильван расхохотался.

– Неужели?

– Он попытался плюхнуться ко мне на колени! И тянул свою

руку к моей… – Она показала на свою грудь.

– Ты спихнула его в воду? Серьезно? C'est bien fait pour sa gueule, alors![138] Жаль, что я не видел этого наглеца.

– Если бы ты увидел его, то, вероятно, ему не довелось бы искупаться, – сухо произнесла Кэйд. – Я заметила, что подобные индивиды привязываются только к одиноким женщинам.

– Connards[139], – пробурчал Сильван, мрачно взглянув на парня, вновь занявшего свой пост на скамейке. – И все-таки на это стоило бы посмотреть.

– Он ухватился за мой компьютер, чтобы сохранить равновесие, но рухнул в воду вместе с ним, – добавила Кэйд. – А знаешь, как сложно завести новый лэптоп во Франции?

– Нет… Тебе нужна помощь?

– Спасибо, я связалась с нашим техническим отделом, и через день мне доставили новый компьютер.

Он удивленно поднял брови.

– Понимаешь, я просто побоялась разрешить продавцу в магазине переустановить мою систему, – пояснила она. – Безопасность данных нашей компании…

– Я мог бы помочь тебе. Не думаешь же ты, что я украл бы ваши секреты?

Он сказал это особым тоном, подразумевавшим, что дело тут не в его честности, а в гордой чести – по мнению Сильвана Маркиза, компания «Шоколад Кори» не имела никаких секретов, достойных похищения. Очевидно, его не интересовал и секрет получения сверхприбылей.

Кэйд удрученно покачала головой. В нем она не сомневалась. Но это предложение о помощи в установке компьютера прозвучало приветом из другого мира, где нет множества услужливых подчиненных, но зато есть один верный друг.

Кэйд украдкой взглянула на Сильвана. Сейчас Шанталь казалась далекой и забытой, непостижимо, что она могла быть его любовницей. Но непостижимо также, что Кэйд могла спросить Сильвана про Шанталь, не рискуя испортить вечер.

– Так почему ты гуляла одна? – вдруг спросил он. – Кстати, о безопасности. Разве тебе не следовало бы обзавестись телохранителем?

Он покосился на выжидающего на скамейке мужчину, когда они проходили мимо него. Парень ничего не заметил, разглядывая женщину на противоположной стороне улицы.

– Только не в Париже. Здесь много богатых людей. И меня тут никто не знает. Я всегда думала, что Пэрис Хилтон спятила, выбрав столь скандальный способ[140] парижского отдыха. Ты же понимаешь, что она могла обеспечить себе тайную личную жизнь.

– Здесь живут люди не такие богатые, как ты, – сухо отозвался Сильван.

– А я уверена, что если посчитать, то окажется, что в Париже самый большой процент богатых и знаменитых по сравнению с остальным миром. Некоторые магнаты из Эмиратов, расположившиеся здесь в собственных апартаментах, сочли бы меня представительницей среднего класса. Да и сам ты вполне состоятелен и, по-моему, более знаменит, чем я.

– Ну… не знаю насчет знаменитости… А уж если вспомнить, что я вырос в пригороде…

– Так же, как и я. Городок Кори тоже маленький. Своего рода захолустье.

– Если ты выросла в богатом пригороде, то он скорее ассоциируется с бывшим левобережным пригородом Сен-Жермен-де-Пре, который и пригородом-то можно назвать с натяжкой. А я вырос в неприглядном местечке Кретей.

– А какой он? – спросила Кэйд.

Сильван пожал плечами.

– Плохие школы, наркотики, насилие, отсутствие работы, никаких перспектив, никаких денег, безвыходное положение, с завидной регулярностью поджигались машины. Но из правил бывают и исключения. Хотя приходилось ломать людские стереотипы, самому создавая свою жизнь, пытаясь стать личностью. Именно это я стараюсь внушить Малику.

Кэйд внимательно смотрела на него. Она никогда бы не подумала, что этот элегантный мужчина, чьи руки способны превращать простые ингредиенты в нечто прекрасное, с непоколебимым высокомерием к превосходству своего искусства, с безупречным французским, из-за которого ее акцент становился таким неуклюжим и американским, с его страстностью, со сдержанным, но очевидным чувством стиля, с умением вполне цивилизованно выражать свои мысли… она даже представить не могла, что он рос и воспитывался не в изысканной благополучной среде.

– Ты не понимаешь, как странно звучат твои слова о том, что кто-то может счесть тебя представительницей среднего класса, – произнес Сильван.

Ладно, допустим, она преувеличила. Кэйд почувствовала, что смущенно краснеет, осознав, как могли быть восприняты ее слова.

– Но теперь у тебя есть деньги, – заметила она.

Кэйд видела, какие очереди выстраиваются в его кондитерскую, и могла прикинуть, какая выручка поступит в его карман при цене конфет по сотне евро за килограмм. Уж она-то поднаторела в подсчетах размера прибыли.

– Естественно, деньги у меня есть. У меня есть все необходимое. Но наши доходы просто несравнимы. Нельзя стать мультимиллионером на шоколаде, понимаешь?

Кэйд смотрела на него сосредоточенно и долго, пока не стало очевидно, что ей придется кое-что объяснить ему. Желательно при этом вбивать молотком по букве в его упрямую голову.

– Нет, не понимаю, – заявила она.

– На качественном шоколаде, – уточнил Сильван.

Она скрипнула зубами.

– А ты когда-нибудь размышлял, из каких денег складываются миллионы?

Ведь если бы он обдумал это, Кэйд сумела бы убедить его согласиться на продажу права создания шоколада с его именем. Тогда, несомненно, они смогут создать компанию в Европе. И она руководила бы европейским филиалом из Парижа…

– Нет, – небрежно бросил Сильван. – Не могу вообразить, что еще мне нужно бы купить для улучшения собственной жизни.

Вот это круто! Он говорил спокойно, уверенно, словно считал, будто его жизнь хороша, хороша настолько, что ему не приходится попусту тратить время, завидуя тем, у кого больше денег и владений. Подобное встречается в мире редко.

– О чем ты думаешь? – спросила Кэйд.

– О том, что не смог бы купить лишь одно.

Неожиданно Сильван улыбнулся легкой скользящей улыбкой, пронзившей ее чувства как молния, оставившая серебристые звездочки радости.

– Или, если смог бы, то приумножил бы то, чего у меня самого в изобилии.

Тонкий намек? Ему хотелось чего-то, что могло бы приумножить его шоколадный мир? Надежда шевельнулась в душе Кэйд, и она начала смаковать ее со всей своей богатой фантазией. Потому что как раз ее можно подкупить шоколадом или по крайней мере соблазнить.

Их прогулка продолжалась, они брели через столетия истории, от дворцового комплекса Лувра к старому железнодорожному вокзалу, вместившему музей Д'Орсэ, шли мимо вычурного декора моста Александра III с его золочеными скульптурами и витиевато украшенными фонарями, отчего у Кэйд возникло ощущение, будто ей следовало бы облачиться в тюрнюр и сапожки на кнопочках и подкатить в карете ко входу в парижскую оперу. Мимо них проезжали «Рено-Твинго», «Смарты» и «Порше», прорезая светом фар вечерний серый туман. Промчался экипированный мотоциклист, пригнувший голову к рулю и защищенный от холода дорогим оранжевым костюмом.

По мере удаления от Сены кварталы становились тише. Кэйд и Сильван пересекли несколько улиц и вышли к Елисейским Полям. Вечер начался совсем недавно, но когда, перейдя Сену около Эйфелевой башни, они направились к парковому комплексу Трокадеро, сгустились сумерки. Ноги Кэйд болели, но она мужественно терпела.

Сильван держал ее за руку, и она послушно следовала за ним на эспланаду к знаменитому фонтану Де Варсови. С этой выигрышной для обзора позиции фонтан каскадом ниспадал по ступеням и играючи выстреливал огромными струями воды под доминирующим над Сеной мерцающим железным символом романтической цивилизации.

– Так почему шоколад? – спросила Кэйд.

Вопрос прозвучал глупо. Почему бы кому-то, кроме нее самой, не выбрать шоколад в качестве жизненной стези? Это был бы логичный вопрос. Как можно противостоять искушению?

– Я с детства полюбил его. Полюбил работать с ним. – Сильван бросил на нее поддразнивающий взгляд. – И женщины не в силах устоять перед его вкусом.

Он произнес это так, словно хотел рассмешить Кэйд, но ей не хотелось смеяться.

– То есть это путь к женскому сердцу? – холодно промолвила она, стараясь не показать, как сильно ее задевает то, что она оказалась лишь одной из множества женщин, чьи сердца Сильван завоевал с такой легкостью.

Он сжал ее руку, разглядывая мерцающую городскую башню.

– Женские сердца немного сложнее, чем чувства. Поэтому нет, увы, не могу сказать, что мне удалось отыскать путь к женскому сердцу.

– А ты пытался?

Сильван медлил с ответом. Он пристально смотрел за реку на Эйфелеву башню, потом вдруг перевел взгляд на Кэйд, но ничего не сказал. Его четкий, точеный профиль мягко освещался уличными фонарями, карие глаза потемнели, черной шевелюрой играл ветер – может, один его молчаливый вид уже сам по себе был достаточно поэтичным ответом.

Однако он не дал ей путеводной нити.

Глава 24

Они зашли поесть в бистро. Оттуда на улицу выплескивался теплый свет и гул голосов.

Заведение не имело сходства с рестораном для официального ужина, на котором Кэйд могла представить Сильвана. Так даже лучше. Бистро не отличалось чопорной тишиной или изысканностью. В меню предлагались pavés de boeuf, frites, sauces au Roquefort[141]. В тесноте посетители сновали туда-сюда, протискиваясь к соседним столикам, задевая Кэйд и Сильвана локтями. Фреска за головой Сильвана выглядела так, будто однажды – лет десять назад – художник начал разрисовывать здесь стену, но отвлекся, изобразив лишь одну опору Эйфелевой башни, а закончить ее так и не получилось. Официант принес им бутылку вина – не тот сорт, что обычно поставляют к столу семьи Кори.

Но букет оказался идеальным. Кэйд не помнила, когда пила вино такого безупречного вкуса. Обстановка располагала к неспешному легкому общению. Сильван с рассеянным видом оплатил счет, похоже, не замечая или не придавая значения тому, что Кэйд может заметить момент расплаты. А после этого им уже вроде бы незачем было задерживаться в гостеприимном бистро в окружении смеющихся, довольных, сытых людей, беспечно отдыхавших за столиками, и они вновь вступили в холодную ночь. Кэйд вздрогнула от первого порыва ветра, и Сильван, улыбнувшись, натянул ей шарф на подбородок.

– Может, поймаем такси? – предложила она.

Было уже поздно, обратный путь представлялся ужасно длинным, а ее ноги гудели – расплата за то, что она ходила на высоких каблуках, подражая парижанкам. Но Кэйд не хотелось, чтобы этот чудесный вечер заканчивался.

Поблизости от бистро находилась охраняемая парковка больших, неуклюжих на вид номерных велосипедов с

закрепленными над передним колесом корзинами и с парижским логотипом «Велиб». Кэйд уже видела их раньше, такие велосипеды мог взять любой желающий. Но на этой парковке спортивные сиденья велосипедов покрывали розовые латексные чехлы, а надписи на них гласили: «А что вы сделали для своей защиты?»

– По-моему, здесь побывала группа борьбы со СПИДом, – произнес Сильван, заметив ее удивленный взгляд. И кивком показал на рули, украшенные другим лозунгом. – Насколько я понимаю, к ним присоединилась еще команда, ратующая за права голодающих.

Он постоял перед велосипедами с сиденьями, зачехленными псевдопрезервативами, и спросил:

– Ты умеешь кататься на велосипеде?

Длинное пальто и сапоги Кэйд не подходили для велосипедной езды, но, подвернув полы, она укоротила его до нужной длины и умудрилась все-таки усесться на таком импровизированном мягком сиденье самого громоздкого, вероятно, велосипеда во всем мире. Розовый чехол она оставила. Если уж она начала ездить на велосипедах с презервативами, то есть шансы, что милостивый Бог пытается вразумить ее в области секса, намекая на глупую неосторожность.

– Эти драндулеты, наверное, весят более десяти килограммов!

– Чтобы никому не захотелось стащить их, – улыбнулся Сильван.

Ветер был холодный, не спасало даже то, что Кэйд зарылась носом в шерстяной шарф. Но она смеялась как девчонка, и Сильван, поглядывая на нее, тоже веселился.

Сдав велосипеды на парковку около дома Сильвана, они покинули ноябрьскую ночь и вбежали в теплый подъезд.

– О боже, какая же холодина, – стуча зубами, приговаривала Кэйд в его квартире, хотя тепло уже обволакивало продрогшее тело.

Сильван раздел ее и уложил в кровать, продолжая посмеиваться. Накинув сверху теплое одеяло, он сбросил на пол свою одежду и, присоединившись к Кэйд под одеялом, жарко обнимал до тех пор, пока она не перестала дрожать и не начала блаженствовать в его объятиях.

«Он наверняка знал, как достичь оптимальной температуры», – подумала Кэйд, когда уже засыпала, пристроившись к его плечу.

Глава 25

– У меня есть хорошие и плохие новости, – сказал Сильван на следующее утро.

Ее сердце екнуло. Она понимала, что он может заявить ей о том, что лишь развлекался с ней. Что для его страстной натуры просто мало любовных игр с одной женщиной.

– И какая же плохая?

– Может, я просто сообщу тебе эти новости, а ты сама решишь, какая из них покажется тебе отчасти ужасной, а какая отчасти забавной.

Кэйд молча взяла йогурт. Любимый, чуть сладковатый йогурт. Впервые за десять дней она попыталась съесть здоровый завтрак, и Сильван выбрал этот момент, чтобы обрушить на нее противоречивые новости. Вопиющая несправедливость!

– Мы приглашены на вечеринку по случаю дня рождения.

– К кому? И что означает «мы»?

Он выразительно поджал губы.

– Ладно, меня пригласили на вечеринку. Обычно я хожу в гости с подругой. Составишь мне компанию?

Она не часто ходила на свидания. А если и ходила, то очень давно. Это звучало как приглашение на свидание. Нет, скорее это похоже на представление подруги друзьям.

Во Франции такого рода приглашения в порядке вещей?

– А чья вечеринка?

– Моего кузена Тьерри, ему стукнуло полвека.

О, ее представят семье в качестве… подруги?!. Кэйд чувствовала себя так, словно вела машину по извилистой дороге и вдруг обнаружила: земля ушла из-под ног, и ее уже несет по штормовому морю на утлом суденышке.

Она очень не любила бывать на семейных встречах. Старательно избегала их, поскольку ее ужасала атмосфера алчности на традиционных семейных сборищах. Кэйд вообще

избегала любых знакомств – как назначенных свиданий, даже любовных, так и дружеских или семейных компаний. Закончив колледж, она дала себе обещание не обременять свою жизнь подобными пустяками. До тех пор, пока… Конечно, сейчас ситуация в корне изменилась.

– А кто там будет?

– Oh, tout le monde[142].

– То есть?

– Ну, все родственники. Друзья. Полвека все-таки он отшагал.

– А твоя мать приедет из Прованса?

– Это же его пятидесятый день рождения.

– Значит, приедет… – Словно защищаясь от чего-то, Кэйд обхватила себя руками. – А ей известно обо мне?

– О тебе уже известно всем и каждому. Моя мать настроила оповещения «Гугла» на мое имя. Если тебе не хотелось никакой известности, то следовало дважды подумать, прежде чем тайно вламываться в чью-то фирму и пытаться стащить там шоколадные конфеты.

Кэйд поморгала.

– Интересно, известна ли ей моя альтернативная личность? Отличная от Похитительницы Шоколада?

– Tu as une identité alternative?[143] – Сильван выглядел озадаченным.

Барабаня пальцами по столу, Кэйд старалась сохранять терпение.

– Видишь ли, до недавнего времени меня не знали как Похитительницу Шоколада.

Сильван смотрел на нее с видом психолога, пытающегося понять весьма сложного пациента.

– То есть ты считаешь Кэйд Кори и Похитительницу Шоколада разными ипостасями одной личности?

– Можешь просто ответить на вопрос? Твоя мать знает, какое у меня наследство?

– Вероятно. Разве оно не опубликовано на общедоступных сайтах? Может, она и отыскала такие сведения в Интернете.

Кэйд вздохнула:

– Я не имела в виду точные цифры.

– Ты еще жива? – язвительно спросил Сильван после минутного молчания. – Ведь я еще не сообщил того, что можно счесть плохой новостью.

Она схватилась за край стола и откинулась на спинку стула.

– Вечеринка состоится в их замке в Шампани, что примерно в часе езды…

– В замке? – воскликнула Кэйд. – Разве не ты рассказывал мне

о деревенском детстве?

– Неужели в Штатах замки баснословно дороги? Да стоимости одной такой квартиры в Париже хватит на покупку полдюжины загородных домов. Правда, если повезет с затратами на ремонт и содержание. В любом случае Тьерри имеет персональный доступ к генеральному директору КПД.

– К какому генеральному директору? – удивилась Кэйд. – При чем тут коэффициент полезного действия?

– Комитета политических действий. По одной легальной церемонии. Между людьми, которых не хотят считать семьей, или – в их случае – не позволяют по закону. Они – геи.

Кэйд потерла лоб, пытаясь переварить услышанное.

– Я еще жду тех новостей, что ты считаешь плохими.

– Держись. Нам придется нарядиться фермерами.

Кэйд безудержно хохотала. Выехав за пределы Парижа, они с Сильваном зашли в большой магазин и выбрали там нелепые зеленые непромокаемые костюмы, которые закрывали их от лодыжек до запястий. Как сказал Сильван, так выглядит «en vrai paysan»[144]. Наряды довершили небольшие старомодные шляпы с полями. Также они купили ярко-желтые резиновые боты. Под этими маскарадными костюмами на них были надеты праздничные наряды.

– А зачем вообще надо было вырядиться в такие костюмы? – поинтересовалась Кэйд.

– Полагаю, в нашей семье я единственный представитель, способный удержаться от откровенного хвастовства, – загадочно произнес Сильван, вызвав у Кэйд новый приступ смеха.

– В чем дело? – спросил он.

– Ты не считаешь себя хвастуном? – усмехнулась она.

– В школьные годы я был очень застенчив, – с важным видом заявил Сильван.

Кэйд вспомнила те эффектные зрелища, что он устраивал, изготавливая шоколад. Вспомнила и беззастенчивость, с какой Сильван соблазнял ее в то утро, когда она явилась на его мастер-класс.

– Похоже, тот короткий период закончился очень быстро.

– Я по-прежнему застенчив.

Кэйд не смогла удержаться от смеха.

– Ты скромник?

Сильван кивнул и вновь сосредоточился на дороге. Почему он считает себя застенчивым? Разве его отношение к ней можно назвать хоть в какой-то мере застенчивым или робким?

– А ради чего мы все-таки вырядились в эти жуткие костюмы?

– Им нравятся маскарады. На прошлый Новый год моя мать и сестра приготовили для нас троих коровьи костюмы. Весьма натуральные, даже с выменем.

Кэйд попыталась вообразить элегантного и необузданного Сильвана Маркиза в костюме коровы с выменем. Перед ее мысленным взором возникла фотография из его фотоальбома, на которой он выглядел очень довольным, с усмешкой глядя на свою темноволосую сестру. Почему-то при воспоминании о той фотографии она невольно сжалась, словно летела в пропасть, и от этого ее сердце начало колотиться с такой силой, словно хотело выскочить из груди.

– А когда отец вышел на пенсию, мы придумали шутливую пьесу, где мне за пять минут пришлось сыграть роли гангстера, ковбоя и одной дворняги с коричневыми пятнами – первой папиной собаки. И уверяю тебя, во всем виновата моя сестрица.

Ну да, так она и поверила! Кэйд не сомневалась, что половину этих ролей Сильван придумал сам. Так почему же он считает себя застенчивым?

– Тебе надо посмотреть пьеску, которую мы с сестрой сыграли к восьмидесятилетию нашего деда. Если ты подпоишь меня, то я покажу тебе наш домашний видеофильм.

– Ты считаешь, мне понадобится алкоголь, чтобы добиться от тебя желаемого?

Кэйд с притворным возмущением хлопнула его по плечу. Но оба они улыбались.

– Сельская тема маскарада выбрана потому, что мой кузен всегда мечтал завести козочек.

Кэйд призадумалась, стараясь представить человека, мечтающего о разведении коз. Потом попыталась поуместить его в ранее возникший образ французского замка, в который они ехали. В любом случае перед козами ее воображение пасовало.

– Поэтому нам пришлось объединить усилия… и подарить ему коз. Да вдобавок уток. Он еще хотел осла, но его партнер умолял нас проявить благоразумие. Поэтому мы все наряжаемся фермерами.

Любопытная семейка с богатейшей внутренней жизнью… Если бы они так и не узнали, кто она на самом деле, то там ей удалось бы повеселиться.

– А ты можешь представить меня под вымышленным именем?

Сильван промолчал.

Они ехали по дороге, вьющейся между пологих холмов. Каменные дома группировались в небольшие поселения, где во дворах на веревках даже в ноябре висело выстиранное белье. Вдоль шоссе тянулись тополя, и их устремленное ввысь извечное

изящество поразило Кэйд. Перед отъездом Сильван задумчиво посмотрел на свою миниатюрную «Ауди», но выбрал фургон, поскольку только в него могла поместиться изготовленная им огромная и причудливая шоколадная скульптура, некое невероятное изваяние. Неужели он трудился над этим подарком целый день, пока она наносила визит в компанию «Шаке су гу»? Жаль, что ей не удалось побывать тогда в мастерской, чтобы увидеть Сильвана в роли скульптора по шоколаду.

Зазвонил ее телефон, и Кэйд удивилась, что здесь действует сотовая связь.

– Что ты там наболтала своему отцу? – раздался голос ее деда. – Тебе полагалось воспользоваться передышкой! Какие, к черту, исследования?! И не пытайся обосноваться в Европе!

– Дедуля, по-моему, ты давно выражал недовольство тем, что папа не позволяет мне повидать мир и провести пару месяцев в свое удовольствие. – Кэйд покосилась на Сильвана: понимает ли он, о чем она говорит?

– Мне восемьдесят два года, – обиженно заявил дедушка Джек. – Как ты думаешь, сколько еще раз я смогу тебя увидеть, если ты будешь жить в Европе?

Прежде они с дедом виделись ежедневно. Семья Кори жила в огромном белом особняке, стоявшем на холме над городком. Дед заглядывал в рабочий кабинет внучки. А дома врывался даже к ней в спальню и, сияя восторженными голубыми глазами, будил ее, чтобы дать попробовать новейший образец шоколада. Если она переедет в Париж, то они станут встречаться очень редко.

Пролетающие мимо платаны сливались перед ее рассеянным взором в сплошное размытое пятно.

– Я уверена, что буду постоянно летать туда-сюда, – заверила Кэйд, чувствуя, будто в сердце ей вонзается нож.

Руки Сильвана вдруг напряженно сжали руль. Он посмотрел на нее.

– Ты должна сначала вернуться домой. Я покажу тебе один трюк тайного проникновения во французские шоколадные кондитерские.

– Если бы я осталась в Европе, то… И вообще, пока я говорила просто о новых возможностях.

Сильван вновь бросил на нее пристальный взгляд.

– В Европе полно снобов, – заявил дед.

Да, но ей понравились эти снобы. Кэйд посмотрела на четкий профиль Сильвана, тонкие чувственные губы, брови, способные выражать самые разные эмоции. Она будто видела лица других встреченных ею шоколатье, пекарей и сыроваров. Ей нравились их отношения и вера в то, что они лучшие.

– А кого бы ты предпочла видеть каждый день? – вкрадчивым тоном спросил Джек Кори. – Толпу снобов или своего дедушку?

У Кэйд возникло ощущение, будто ее внутренности медленно перемалываются между двумя сдвигающимися каменными жерновами.

– Дедуля, я просто хотела… – Что просто хотела? Какие свои желания она осмеливалась произнести даже мысленно самой себе, не говоря уже о том, чтобы признаться в них деду? – Я просто ищу новые варианты.

Губы Сильвана сжались в узкую полоску.

– Что ж, поищешь их через несколько лет! Когда я умру, – резко возразил дед. – Почему такая спешка?

Жернова продолжали терзать ее внутренности.

– «Марс», – пробормотала Кэйд. – Удельный вес компании в обороте рынка…

А если Сильван… А что Сильван? Она вновь взглянула на него. Черт побери, порой она жила с такой устремленностью к цели, что даже не представляла, как можно закрутить легкий роман с мужчиной.

– Знаешь, Кэйди, я и сам раньше переживал из-за «Марса». И из-за этого дурацкого «Марса» превратил твоего отца в отвратительного трудоголика. В общем, я не собираюсь утомлять тебя, утверждая, что к старости стал более сообразительным, чем все вы… Ты это и сама знаешь. Мне по-прежнему хочется заткнуть «Марс» за пояс. Но теперь семья для меня важнее любых оборотов рынка.

После окончания разговора в салоне повисла тишина, и Кэйд быстро сунула мобильник в сумку.

– Ты подумываешь остаться в Европе? – наконец поинтересовался Сильван. Его голос звучал равнодушно.

Неужели это настолько сразило его, что он не смог даже выразить надежду и восторг?

– Я ищу возможности.

Его пальцы обхватили руль. Губы напряженно сжались.

Кэйд отвернулась к боковому окну и стала смотреть на платаны.

При подъезде к замку они свернули с шоссе на узенькую улочку между каменными домами. Сильван вел машину уверенно, несмотря на то, что расстояние между боковыми зеркальцами фургона и каменными стенами домов не превышало дюйма. Вскоре извилистая улочка привела их к высоким зеленым воротам, ширина которых с трудом позволила фургону проехать внутрь.

– Очевидно, бывшие владельцы побоялись сделать ворота пошире, чтобы приехавшие на грузовике грабители не смогли вывезти все подчистую, – шутливо заметил Сильван.

Он припарковал машину на белой гравиевой дорожке у края двора. Кэйд внимательно разглядывала красивый белый фасад с облупившейся кое-где побелкой, но поддерживаемый в хорошем состоянии, защитные железные оградки украшали дюжину огромных окон, занавешенных белыми кружевными вуалями.

– Napoléon III[145], – сообщил Сильван.

Сам он возвышался над людьми, суетившимися во дворе.

Все они ринулись к ним. Кэйд пригнулась, желая избежать удара дергающихся вил.

– Oup, pardon[146], – сказал один из владельцев вил и всадил их зубьями в гравий.

Она оказалась включенной в круг таких причудливо наряженных фермеров, каких ей не приходилось еще видеть в жизни. Одни облачились в странные рубахи и покусывали соломинки. Другие прятались под огромными мягкими шляпами и держали огромные подсолнухи. На третьих красовались яркие подтяжки и резиновые сапоги. Остальные, слегка смущенные, просто надели джинсы и, не придумав ничего лучшего, дополнили обычные наряды яркими бейсболками. В дальнем конце двора появился высокий, худощавый мужчина с тяпками и лопатами, которые он, похоже, собирался раздавать гостям.

– Не называй им моего имени, – шепнула Кэйд на ухо Сильвана.

– Мама! – воскликнул Сильван. – Где папа? Как вы доехали?

Женщина, воплощение элегантности, выглядевшая так, будто ее ввели в заблуждение, нарядив в бесформенный огромный балахон, крепко обняла Сильвана и поцеловала его.

– Ça va, mon petit choux?[147]

– Мама, познакомься с Кэйд Кори.

Негодяй, подумала Кэйд.

Мать Сильвана выглядела как более зрелая версия Шанталь – волосы немного короче, подобающе возрасту, крашеная блондинка, но прическа безупречна и изысканно уложена. Ее наряд отличался тем сдержанным шиком, каким так искусно владеют парижанки, будто их элегантность лишь дело вкуса и не имеет ничего общего с деньгами, пусть даже Сильван, возможно, подарил ей шарфик от Диора, добавивший к костюму изысканное цветовое пятно. Почти незаметный макияж искусно подчеркивал достоинства, а очки скрывали лучики морщинок. Она приветствовала Кэйд парой поцелуев, едва соприкоснувшись с ней щеками.

– Так вы и есть та самая похитительница? – поинтересовалась мадам Маркиз.

Сильван уже отвернулся, чтобы обменяться рукопожатием с каким-то фермером и со смехом получить еще чьи-то поцелуи.

– Все не так просто, – ответила Кэйд.

Идеально выщипанные брови приподнялись. И замерли в ожидании продолжения.

– Мне пришлось совершить нечто поразительное, чтобы привлечь его внимание, – поспешно добавила Кэйд. – Он говорил, что шоколад важнее меня.

– И оказался прав?

Кэйд молчала, пытаясь подыскать верный ответ, когда раздался чей-то радостный голос:

– Bonjour![148] Неужели вы та самая Похитительница Шоколада? Je m'appelle Natalie[149].

– Моя сестра, – вновь появляясь рядом, пояснил Сильван, пока стройная брюнетка лет двадцати целовала Кейд в щеки.

Перед ними остановился мужчина, раздающий тяпки и лопаты. Большая мягкая шляпа не скрывала идеальной стрижки его красивых серебристых волос. Громоздкие черные резиновые сапоги покрылись грязью с примесью соломы, старой и новой, будто ими часто пользовались.

– Вы, наверное, Кэйд Кори. А я Фредерик Делоб. Добро пожаловать в наш замок. – Склонившись, он поцеловал ее с радушием, и Кэйд мгновенно успокоилась. – Не желаете ли получить тяпочку?

– Держи. – Сильван вручил Кэйд пару старых рабочих перчаток. – И для завершения общей картины… Ты ведь еще не знакома с моим отцом. Кэйд, je te présente Hervé, mon père[150].

Высокий седеющий мужчина с букетом смешливых морщинок вокруг глаз подарил ей несколько «безешек» – а точнее четыре «безешки», вложив в них гораздо больше восторга, чем его жена.

– И как это Сильвану удается всегда находить очаровательных женщин? – воскликнул он с такой сердечностью, что Кэйд невольно прониклась к нему симпатией за эту попытку сделать ей комплимент.

Потом, конечно, она подумала, что комплимент имел обобщенное значение. Сколько же хорошеньких женщин Сильван регулярно представлял на семейных вечеринках?

– Спасибо, папа, – отозвался Сильван, довольный этим замечанием, не обратив внимание на то, что Кэйд могло быть обидно попасть в число многочисленных красоток. – Ты не поможешь мне затащить в дом скульптуру? Фред говорит, что Тьерри подъедет через пятнадцать минут.

Присутствующие бурно отреагировали на фантастическую скульптуру Сильвана: огромные крылья и причудливые завитки белого, темного и разноцветного шоколада рельефно обвивали фигурку искусно вырезанной шоколадной козы, сидевшей на задних ногах в центре композиции. Толпа ряженых крестьян выстроилась в два ряда, образовав рукоплещущий коридор, и щелкала фотоаппаратами, пока Сильван и Эрве шествовали с драгоценным подарком к дверям замка.

– Как долго вы пробудете в Париже? – спросила Маргерит, когда мужчины скрылись в доме. – Вы же не можете надолго забывать о своей компании? Собираетесь покинуть Европу со дня на день?

Похоже, эти выходные будут очень долгими!

Пока Сильван с отцом устанавливали скульптуру на задрапированный красной скатертью стол в центре гостиной девятнадцатого века, Маргерит любезно устроила Кэйд экскурсию по другим достопримечательностям зала. Антикварные застекленные шкафы поблескивали драгоценным хрусталем и семейными фотографиями.

– Вот один из моих любимейших снимков, – сообщила Маргерит, открывая стеклянную створку и вытаскивая карточку, чтобы Кэйд разглядела ее. – Наш последний новогодний праздник. Мы нарядились коровами – это получилось очень весело… просто à mourir de rire[151].

Очевидно, и правда «à mourir de rire», поскольку все на фотографии помирали со смеху. Все три «коровы» – Маргерит, Натали и Сильван – и вдобавок четвертый персонаж. И на этом снимке Сильван улыбался не своей сестре, как воображала Кэйд. Заливаясь смехом, он смотрел вниз, на Шанталь, которой не досталось коровьего костюма, зато она, сверкая глазами, цеплялась за его коровье копыто в каком-то соблазнительно открытом черном наряде.

Кэйд пристально посмотрела на мать Сильвана. Маргерит ответила ей невинным взглядом.

– Изумительно, – промолвила Кэйд.

– Что именно?

– Изумительно, что кто-то может выглядеть так мило в костюме коровы.

Кэйд вернула снимок Маргерит и отошла от нее, размышляя, восприняла ли она комплимент на свой счет или на счет своих детей.

Козы и крестьяне имели огромный успех. Тьерри, настолько же малорослый и пухлый, насколько высок и худощав был его партнер Фред, едва не прослезился от счастья, обнаружив

крестьян, ожидавших его приезда. Вспышки камер слепили глаза.

– Кэйд Кори? – воскликнул Тьерри, когда Сильван познакомил их. – Неужели? Voleuse de chocolat?[152] Я поражен. Наконец-то ты привез кого-то интересного.

Только такие знаки внимания и не давали Кэйд совсем упасть духом. Она чувствовала себя воином, переоценившим свои силы. Увы! Сильван, очевидно, привык привозить своих подружек на семейные вечеринки. Она оказалась не менее симпатичной, чем прочие, и, возможно, чуть более интересной, в понимании его родни, но ни в коей мере не являлась своего рода исключением.

Увязая в грязи, Кэйд еле переставляла ноги, когда вся компания отправилась по красивому, пропитанному влагой саду к огороженному выгону, где содержались четыре козы.

– Расскажите мне немного о взломе с проникновением, – попросила Натали, останавливаясь рядом с Кэйд. – Вы пробрались туда через окно по веревке?

– В сущности, я ничего не взламывала.

– Как же?

– Ее адвокаты не хотят, чтобы она делала признания, – пояснил подошедший к ним Сильван. – Прошу тебя, Кэйд, не рассказывай моей сестре, как ты совершила взлом.

– Я могла бы проникнуть к тебе только ради шутки, Сильван, – заявила Натали. – И вообще, у меня нет времени на подобные глупости. Всю жизнь отнимает учеба. Он говорил вам, что я учусь в бизнес-колледже? – обратилась она к Кэйд.

На внимание Сильвана, видимо, общего любимца в семье, уже предъявил свои права другой кузен.

– Правда? – Кэйд почувствовала себя так, словно, слетая с небес на парашюте, приземлилась в комфортную зону.

Она ощущала неловкость, общаясь с матерью своего сегодняшнего кавалера. Зато вполне понимала людей, пытавшихся устроить свою карьеру, разговаривая с ними на приемах.

– А в какой сфере вы будете специализироваться?

– Я пока в процессе поиска, – ответила Натали. – Прохожу разные производственные стадии.

Ах! Симпатичная козочка с большими озорными глазами вдруг слизнула с руки Кэйд немного сена. От неожиданности та ахнула и рассмеялась.

– Значит, пока стажируетесь?

Она – или, вернее, компания «Шоколад Кори» – считалась своеобразным источником поставок практикантов со времен ее учебы в средней школе.

– Но у меня уже есть небольшой опыт работы в шоколадном

деле. Сильван позволил мне поработать у него, пока я училась в средней школе. Поэтому я намерена объединить сферу бизнеса с производством шоколада.

– А она неугомонна, – сухо заметил Сильван, вновь подходя к ним. – Предупреждаю: никаких деловых бесед.

– Хорошо! – рассмеялась Кэйд. – Мне как раз нравится настойчивость практикантов.

«Если и есть положение хуже, чем у женского избранника, то это участь благодарного избранника», – подумал Сильван, слишком сильно сжимая ручку большого кухонного ножа, так что резать стало непривычно и даже больно.

В окружении веселой семейной компании он мог ненадолго забыть о своих заботах. Он поставил Кэйд рядом, поручив ей нарезать грибы, отчасти потому, что как только он предоставлял ей свободу действий, то переставал владеть ситуацией. Его матушка могла подсыпать отраву ей в вино. Сестра Натали могла всучить ей свое резюме. И имелись еще безграничные возможности для сложных комбинаций, обусловленных слишком большим количеством выпивки и избыточным наличием задействованного в этом маскараде острозубого садового инвентаря.

Но главное, Сильвану нравилось, что Кэйд стоит рядом с ним, нарезая грибы. Ему нравилась столь тесная близость, позволяющая в любой момент невзначай коснуться ее руки или плеча. Нравилась сосредоточенная осторожность ее резки, словно она боялась отвлечься, чтобы случайно не отрезать плохой ломтик.

И вообще ему было приятно, что Кэйд участвует в общей радостной жизни этой теплой кухни, что они все вместе помогают готовить блюда для сервировки столов и праздничной трапезы.

Он любил подобные сборища. Ни за что на свете не согласился бы пропустить семейный праздник. Все пребывали в хорошем настроении, шутили и смеялись, стараясь, чтобы пятидесятилетие Тьерри стало лучшим днем рождения в его жизни.

– Да уж, Сильван, тебе надо приглядывать за своей похитительницей! Не позволяй ей стащить тут у нас что-нибудь! – воскликнул один из его кузенов.

Сильван рассмеялся, а Кэйд грустно улыбнулась. Не удержавшись, он привлек ее к себе и поцеловал в губы. Заметил, что по крайней мере пятеро присутствующих откровенно оценивали их поведение – включая его мать, отца и сестру. Причем никто из них не выглядел смущенным. Его мать даже из

вежливости не отвернулась, а продолжала наблюдать за ними.

Сильван вышел из кухни в ту самую главную гостиную девятнадцатого века, чтобы добавить поднос с очередными закусками на расставленные там большие столы. Вернувшись, он увидел, что один из дядюшек уже пристроился рядом с Кэйд и режет хлеб на его доске.

– Я понял, что вас интересует кустарное производство пищевых продуктов. Мой сын хочет стать пекарем, – верещал шустрый дядюшка.

– Пекарь и шоколатье в одной семье? – Кэйд улыбнулась. – Можно ли желать большего?

– Но в наши дни так трудно раздобыть деньги на открытие собственной пекарни, – деликатно намекнул отец будущего пекаря. На его щеках заиграл легкий румянец.

Сильван догадался, что Тонтон Фабиан старается ради сына, собираясь попросить едва знакомую миллиардершу инвестировать средства в будущую пекарню двадцатилетнего отпрыска. Предприимчивость дядюшки заставила его поморщиться. Кэйд, однако, воспринимала этот разговор как должное.

– Да, финансирование малого бизнеса – дело рискованное. Во Франции ведь сложно открыть новое дело?

– Оно потребовало бы огромных вложений… для кого-то, – объяснил Тонтон Фабиан. – А он у меня талантливый пекарь. Сейчас вот как раз закончил обучение.

– Позволь мне слегка подвинуть тебя, Тонтон, – произнес Сильван, протягивая руку к своему ножу. – Мне нужно нарезать лимоны для лосося. Ах да… будь добр, загляни, пожалуйста, в погреб, посмотри, нет ли там еще crème fraîche?[153] В холодильнике я не нашел.

Дядя Тонтон удалился, выразительно взглянув на племянника, а Кэйд, приподняв бровь, удивленно посмотрела на Сильвана.

– С тобой часто ведут подобные разговорчики на вечеринках? – тихо спросил Сильван, чтобы не ставить своего дядюшку в неловкое положение перед остальной родней.

– Какие именно?

– Часто ли незнакомцы пытаются склонить тебя к финансированию их проектов?

– Конечно. А о чем еще могут говорить люди с незнакомцами на вечеринках?

– Ну, во Франции обычно о еде.

Кэйд рассмеялась.

– Что ж, понятно, тогда я соединила обе темы в одном

разговоре. – Она закончила резать грибы и стала мыть руки. – Однако он поднял интересный вопрос, – продолжила Кэйд. – Boulangers, fromagers[154], шоколатье – вероятно, кустарное пищевое производство нуждается в том же, в чем нуждаются другие, – людям хочется вкладывать деньги в таланты ради процветания искусства. Быть спонсорами.

– Спонсорами? Ты имеешь в виду нечто вроде того, что noblesse oblige?[155]

– Спонсоры помогают развитию искусства.

– Меня лично никто не опекал, – заметил Сильван. – И я тоже не испытываю в этом потребности по отношению к кому-либо.

– Тебе и не нужно, – раздраженно произнесла Кэйд, не понимая, что ее раздражение – признание его таланта.

Сильван подавил улыбку, сжав зубы, чтобы никто не заметил, как распирает его дурацкая гордость. Но его отец, проходивший мимо и услышавший слова Кэйд, многозначительно улыбнулся.

– Не могу поверить, что ты привез ее сюда! – возмущенно заявила Маргерит Маркиз сыну, позвав его во двор покурить.

Сильван не курил. В то время, когда начинали курить все подростки, он увлекся шоколадом. Он слишком дорожил своим тонким обонянием.

– Ты не забыл, что эта женщина обокрала тебя? И мне, видите ли, нужно любезничать с ней?

В гостиной присутствующие еще толпились вокруг закусок, но Натали уже пыталась включить музыку.

– Хотя бы постарайся, мама.

На самом деле Кэйд внешне восприняла спокойно едва прикрытую враждебность матери Сильвана. Означало ли это, что ей наплевать на то, как его мать относится к ней, или просто она ожидала худшего?

– А мне она понравилась, – неожиданно заявил его отец.

Маргерит бросила на мужа негодующий взгляд.

– Juste parce qu'elle est jolie?[156] У него бывали подружки и посимпатичнее, тебе не кажется? Но они не вспыхивали как маков цвет от его взглядов, добиваясь желаемого, а просто флиртовали в приличной манере. Не похищали его сердце.

– Мне нравится, что она высокого мнения о нем, – спокойно ответил Эрве.

– Tu penses![157] – Сильван пристально глянул на отца, удивляясь, как его отец мог заметить то, что ему не удалось.

Сильван почувствовал, что краснеет. Вот черт, этого еще не хватало. На глазах родителей.

– И мне нравится, что она так рисковала из-за него. Тюрьмой,

публичным скандалом. Что она говорила тебе, Марго? Что иначе она не могла никак привлечь его внимание?

Сильван вздрогнул, точно его ударило током.

– Верно, – признала Маргерит, склонив голову. – Откровенное преступление – безусловно, мелодраматический поступок, – произнесла она с видом римской императрицы. – Хотя и грубоватый. Неужели в ее стране женщинам некому преподать науку флирта?

– Она стремилась завоевать меня, – весело заметил Сильван. – А что, она правда говорила, что сделала это для привлечения моего внимания? А не ради моего шоколада?

Мать с досадой посмотрела на него.

– Тебе хочется жить с разбитым сердцем?

– Нет. Не хочется.

– Ты понимаешь, что сам во всем виноват? – обратилась Маргерит к мужу.

– Я раз двадцать говорил ему, что необходимо повысить охрану его кондитерской.

– Да при чем тут кондитерская? В том, что он остался таким naïf[158] в восприятии женщин! Ты и сам такой же.

– Знаешь, – сказал Эрве сыну, – я не хотел рассказывать тебе кое-что о твоей матушке, пока ты не повзрослеешь, но она была и остается… весьма difficile[159].

– Я и не думала привередничать, – возразила Маргерит. – Все получалось само собой.

– Может, я и наивен, но мне нравится твоя Кэйд, – произнес Эрве.

Его Кэйд… Сильван задумался, как сама Кэйд может отнестись к такому притяжательному местоимению.

– Она поняла, как дипломатично обойтись с твоей матерью, легко поддерживала разговоры о международных сделках, а пару минут назад спокойно спустилась в кишащий пауками погреб, чтобы помочь нам достать шампанское, и она умеет вовремя вставить нужное слово. Отличный набор качеств. По-моему, нашей семье удалось освоить только одно из них – смелость в извлечении шампанского.

– Как раз я обошлась с ней дипломатично, – раздраженно заявила Маргерит. – Просто на всякий случай.

Сильван, перехватив взгляд матери, слегка улыбнулся.

– На какой, интересно, случай?

Мать негодующе фыркнула, недовольная дотошностью ближайших родственников.

– На тот случай, если она окажется… достойной. – Обиженная тем, что ее вынудили признаться в том, что она

практично рассматривала некоторую возможность, Маргерит погасила окурок и гордо удалилась, намереваясь найти собеседников, чьи вопросы не будут вызывать у нее досады и раздражения.

Отец и сын посмотрели ей вслед.

– Разве я кажусь тебе наивным? – спросил Эрве у сына.

– По мнению матери, а самому-то мне откуда знать? – отозвался тот.

– Ладно… Не смогу гарантировать, что твое сердце не будет разбито, но по крайней мере на сей раз это будет взаимным. Вынужден признать, Похитительница Шоколада достойна тебя.

В гостиной Натали подключила динамики, и музыка загремела во всю мощь. Сильван рассмеялся и, взяв Кэйд за руку, повел ее в танцевальный зал с выложенным белыми мраморными плитками полом, расставленными вдоль стен диванчиками на изящных ножках и обитыми парчой мягкими креслами.

Натали включила в музыкальное меню популярную музыку последних пятидесяти лет. Она гудела басами из одного динамика и потрескивала писклявыми помехами из другого, что не мешало танцевать под нее в ритме сменяющихся мелодий и поднимать воротники воображаемых кожаных курток, разыгрывая, к примеру, песни героев из мюзикла «Бриолин». Сильван и Кэйд танцевали без передышки.

Около часа ночи они выскользнули в затихший двор, где под звездным небом слышалось лишь шуршание гравия под их ногами. Сильван повел Кэйд в раскинувшийся за особняком сад, который полого спускался к берегу Марны. Они проскользнули в калитку рядом с конусообразным, почти сказочным домиком, который когда-то служил часовней, и оказались на грязной тропинке, бегущей вдоль берега живописной и широкой реки.

– Морозно. – Сильван подтянул шарф Кэйд, убедившись, что укрыл шею. – Но мне хотелось, чтобы ты увидела окрестные красоты.

Озаренные сиянием полной луны темные воды Марны текли обманчиво медленно, ее волны переливались отраженным светом. Они остановились на берегу рядом с плакучей ивой, помахивавшей по-зимнему оголенными тонкими ветвями. Прижавшись к Сильвану, Кэйд завороженно смотрела на воду.

Может, ей захотелось близости или просто согреться от холода? Может, у нее заболели от танцев ноги? Сильван ни о чем не спрашивал, да ни о чем и не думал, ему просто нравилось согревать, поддерживать ее, давая возможность отдыха.

А ведь пару недель назад Сильван воспринимал жизнь по-

иному. Жизнь казалась ему прекрасной. А сейчас, когда он, оглядываясь назад, вспоминал ту жизнь без Кэйд, то думал, что жизнь он в этом мире вел самую несчастную и никудышную.

– Мне понравилась твоя родня, – произнесла она.

Он вскинул брови.

– Неужели? Даже моя мать?

– Да. Она совсем не пыталась понравиться мне.

– И ты сочла это подкупающей чертой?

Кэйд кивнула.

– Большинство матерей с ходу начинают проявлять ко мне симпатию вне зависимости от того, смогут ли их сыновья быть счастливы со мной.

– Так ты умеешь подкупать даже чужих матерей?

Она пожала плечами.

– Не удивительно, что ты так упорно считаешь, будто сможешь купить весь Париж.

– На самом деле, – вздохнув, отозвалась Кэйд, – горю желанием заполучить хоть одно местечко в нем.

Сильван не знал, что на это ответить. Сам он не продается, но с удовольствием в любой момент предоставил бы ей местечко в своем доме, если бы она попросила. Неужели теперь это так очевидно?

Господи, он не мог больше выносить неопределенность, страх того, что Кэйд может бросить его. Но как он мог попросить человека, которого знал менее двух недель, обещать ему отказаться от привычной роскоши ради жизни с ним?

Сильван покрепче обнял Кэйд и загляделся на реку, призывая себя к терпению. «Так же терпеливо надо темперировать шоколад, – мысленно сказал он себе. – Твое время еще впереди». Может, он сумеет сделать ей смелое предложение после трех недель? Достаточно ли такого срока для положительного ответа?

Легкое облачко набежало на лунный лик, создав на речных волнах причудливые переливы света и тени. Сильван почувствовал, как глубоко вздохнула прижавшаяся к нему Кэйд. Она мягко взяла его за руку.

– Нет, серьезно, неужели я не смогу убедить тебя отдать мне твое имя?

Сердце успело дважды гулко ухнуть, пока Сильван размышлял, о чем именно она говорит. Он едва не ответил согласием. Но промолчал, вспомнив, чего именно Кэйд добивалась от него.

– Ты имеешь в виду, не продам ли я тебе свое имя для выпуска новой коллекции дурацкого шоколада? – Сильван резко отстранился от нее, шагнув к кромке темной, позолоченной воды.

Его вдруг пробрала дрожь, особенно остро ощущалась внезапная потеря близости с Кэйд.

Она нахмурилась, когда до нее дошел смысл этого уточнения. Вероятно, осознала возможность двусмысленности собственного вопроса. Кэйд смутилась, опустила голову и ухватилась за ивовые ветви.

– Да.

Его рука еще хранила память о ее мягком пожатии, но он засунул ее в карман.

– Ты хоть о чем-нибудь еще можешь думать? Неужели мы не можем здесь просто наслаждаться жизнью? Почему это дело так много значит для тебя? Тебе же не нужны деньги. Не нужна Европа.

Кэйд отступила за ветви плакучей ивы. Весной или летом ей удалось бы спрятаться за массой узких стрельчатых листиков, но глубокой осенью листва уже опала.

– Ты не хочешь, чтобы я осталась в Европе?

– Ты знаешь, чего я хочу.

– Или ты…

– Кэйд… Ты способна не смешивать личные отношения с деловыми?

Внезапно ему пришло в голову, что сам он, родившись в обычной семье, рос предоставленный самому себе и лишь в юности решил стать шоколатье. Она же родилась в деловом мире и, вероятно, сейчас впервые пыталась проанализировать свои личные интересы.

– Ты хочешь, чтобы я уехала домой? – тихо спросила она.

Иногда откровенность бывала единственным достойным выходом, неважно, насколько он мог быть опасным.

– Нет.

Кэйд стояла поодаль, настороженно глядя на Сильвана, держась рукой за голые ветки, точно смущенная испуганная нимфа, случайно пробудившаяся до прихода весны.

– Видишь ли, ты можешь приобщиться к тому, чем не владеешь. – Он не сводил с нее глаз. – В любой угодный тебе момент ты можешь, ничего не покупая, стать частью моей жизни.

Ее глаза расширились. Она пристально смотрела на него.

– Я не понимаю тебя, – произнес Сильван. – Разве ты не можешь поступить так, как хочешь?

Ее брови сошлись у переносицы.

– С полной беспечностью, следуя внезапному капризу? Нет. А сколько людей могут пострадать от последствий моего необузданного решения? Думаешь, я просто позволю себе расслабиться и отдаться на волю собственных прихотей?

– Речь не об этом. Я имел в виду, можешь ли ты решить, чего желаешь от жизни, и исполнить свое желание? До сих пор, по-моему, тебе это удавалось. Неужели ты не можешь продолжать в том же духе?

Кэйд нахмурилась.

– В школе нас учили тому, что представляет собой некая американская мечта – погоня за успехом или… счастьем. – Сильван неловко, по буквам произнес это английское выражение, излишне хрипя и грассируя. – Я даже не знаю, как это адекватно перевести на французский.

– На французский лад это звучит скорее эгоистично, – усмехнулась она. – И в том-то все дело. От меня зависят судьбы людей.

– А я и не говорил, чтобы ты поступала безответственно.

Но Кэйд именно так и поступала. Что весьма интересно, учитывая то, как упорно она сопротивлялась проявлению собственного легкомыслия.

– Хотя я лично не против того, что ты тайно проникла в мой бизнес, дала шанс любителям скандалов пополоскать ваше имя в прессе, подвергаясь риску тюремного заключения, – улыбнулся Сильван.

– И, вероятно, этим я истощила фонды безответственного поведения на следующие двадцать четыре года жизни, – промолвила Кэйд.

Сильван вздрогнул.

– Не говори так. Это я вырос на задворках жизни, а ты живешь как принцесса, пойманная в ловушку собственного королевства и не осмеливающаяся осознать своих собственных мечтаний. Кэйд, по-моему, тебе вовсе не нужно покупать Европу или внедряться в европейский бизнес. Наверное, ты просто решила позабавиться, но могу поклясться, что тебе нравится бывать в моей лаборатории, ощущать жизнь во всей ее полноте. Похоже, ты наполовину подавляешь собственную натуру, сосредотачиваясь на фабриках и финансах.

А вторая половина заполнена радостью и страстью. Если она не могла остаться в Париже ради Сильвана, то могла бы ради его шоколада.

Кэйд внимательно посмотрела на него. Потом перевела взгляд на реку, устремив его на дальний берег широкой Марны.

– Моему дедушке уже восемьдесят два года, – вздохнула она.

Сильван мог уговаривать Кэйд выбрать Париж, забыв о жизни в компании, производящей проклятый ширпотреб, но он не в силах убедить ее выбрать его, отказавшись от того, кого она любила. Даже если она позволит себе отдаться чувству любви к

нему, он не в силах так поступить с ней. Не вправе сказать, что ей предстоит выбор между ним и кем-то, кого она любила с детства.

– И… я могу сделать многое. Очень многое, – произнесла Кэйд с таким отчаянием, словно это стало ее проклятием, а не подарком судьбы. – Я могу спасать людей. Менять их жизни. Улучшать условия труда целых стран. Работая над шоколадом в Париже… я стану бесполезной. Я просто… полюбила его. Но это не имеет значения ни для кого, кроме меня.

– А ты когда-нибудь делала что-нибудь только ради самой себя?

Брови Кэйд сошлись на переносице, словно вопрос ее озадачил. Сильван понимал, что она размышляет над его словами.

– Я тайно проникла в твою лабораторию, – наконец произнесла Кэйд.

– Мне кажется, что ты преуспела на этом пути, – усмехнулся он. – Может, тебе следует попробовать пойти еще дальше? Перестать думать обо всем, что ты должна делать. Наслаждайся моментом, прочувствуй то, что тебе хочется делать. Безусловно, тебе позволят пару лет просто пожить в свое удовольствие.

Она положила голову ему на плечо и задумчиво посмотрела на струящуюся речную гладь.

– А ты живешь тем, что доставляет тебе удовольствие? – вдруг спросила Кэйд.

Сильван вглядывался в ее лицо, такое бледное на фоне ночи, ощущал приятную тяжесть прижатого к нему тела, стремившегося к его душе. Единственного, чего недоставало этому моменту для полного счастья, так это гарантии, что он сумеет удержать ее.

– Да. – Он ласково убрал с ее лица непослушные волосы, именно так, как ему захотелось в то первое утро в пекарне. – Je suis très content[160].

Глава 26

В понедельник Кэйд, ощущая похмелье после семейных празднеств и мысленно ругаясь, поливала себя хилой струей в неудобном душе ванной съемной парижской квартирки, когда вдруг услышала звонок своего мобильного телефона. Одновременно к этому звону подключился колокольный сервис лэптопа, сообщая, что множество посланий начали поступать одно за другим. Телефон сдал на время позицию голосовой почте, но незамедлительно затрещал снова, когда Кэйд, завернувшись в полотенце, подбежала к нему, дрожа от холода.

– «Тотал фудс» сделала враждебный выпад, предложив покупку контрольного пакета акций «Девон канди», – сообщил отец, и Кэйд охватило возбуждение. Адреналин взыграл так, словно, выйдя из душа, она обнаружила в комнате разъяренного, готового к прыжку тигра.

– Вот мерзавцы! – бросила она. – Я вылетаю.

Прижав к уху телефон, Кэйд спешно бросила вещи в сумку, одновременно поручая служащему в Мэриленде забронировать ей место на первый же рейс частного самолета. Плюшевого медвежонка она спрятала в сумочку. Оставив большинство вещей в съемной квартире, Кэйд вышла на улицу и поймала такси.

– Attendez[161], – велела она водителю. – Я все оплачу, не волнуйтесь.

Адреналин перехлестывал через край, ее мысли сосредоточились на разъяренном тигре. Но ей нужно повидать Сильвана. Он был ей необходим как воздух. Но Кэйд не могла увезти его с собой. Не могла никакими силами оторвать его от стильного демонстрационного стола, соблазнить богатством и увезти в Америку. Даже если бы ей удалось забрать Сильвана из его кондитерской и его города, то она поступила бы как палач, топором отрубивший ему конечности.

«Ты можешь приобщиться к тому, чем не владеешь. В любой

момент можешь, ничего не покупая, стать частью моей жизни…»

– Упакуйте мне… десять коробок, – обратилась Кэйд к продавцу.

Она знала свой деловой мир, знала, что будет происходить в следующие несколько недель. Они станут бодрствовать сутками, питаться урывками, упорно добиваться цели, изредка посылая кого-нибудь за закусками и кофе. В холодильнике у нее было двадцать коробок от других шоколатье. Но она не положила ни одну из них в дорожную сумку. Ей хотелось ежедневно иметь в своем распоряжении лишь эти замечательные маленькие шедевры, вместившие в себя частицы души Сильвана Маркиза. Возможно, даже одних конфет окажется мало, если вдали от него ей станет совсем плохо.

Они даже не смогут… чего же они сейчас достигли в своих отношениях? Взволнует ли его ее отъезд? Станут ли они перезваниваться и чмокать друг друга на прощание по телефону? Может, он даже… ладно, до чего же фактически они дошли? Да, Сильван представил ее своей семье, но, очевидно, он представлял родне многих женщин. Может, он просто пожмет плечами и забудет ее? Вокруг столько женщин, обожающих и шоколадные конфеты, и готовых самозабвенно, как она, броситься в его объятья. Как раз сейчас в магазине Сильвана стояли две стильные парижанки.

Кэйд взглянула на них, сжав губы. Они смерили ее холодным взглядом и усмехнулись. «В любой момент ты можешь, ничего не покупая, стать частью моей жизни».

Зайдя в лабораторию, Кэйд осмотрелась, но не заметила любимую темноволосую голову. Чувствуя, что становится уже сплошным комком нервов, она попыталась слегка сбросить заряд адреналина, но ее так трясло и подташнивало, словно она только что одним махом заглотила четыре крепчайших энергетических напитка.

– Sylvain n’est pas là[162], – сказал Паскаль, оторвавшись от устройства водяной бани. – У него совещание в городе с мэром и другими шоколатье, они обсуждают его идею устройства «Journée du Chocolat»[163] в плане знакомства младших школьников с разными кулинарными профессиями.

– Когда?..

– Он появится во второй половине дня.

Если и могло быть что-то мучительнее раздумий о том, как Сильван отнесется к ее двухнедельному отсутствию, так это невозможность увидеться с ним перед отъездом и получить напоследок хоть какую-то определенность. Ведь он мог и поцеловать ее крепко на прощание, мог попросить не уезжать, а

мог и просто сказать: «Чао»…

Кэйд вошла в его кабинет и, вытаскивая вместо бумажного блокнотика одну из визиток, пыталась придумать, как лучше все объяснить. Господи, как можно описать на бумаге бурю охвативших ее чувств?

Невозможно даже позвонить ему, ведь тогда она помешает совещанию. Воспитание не позволяло. И ей вовсе не хотелось, чтобы он считал ее наглой идиоткой все то время, пока сама она будет обсуждать проблемы с акционерами «Девон канди».

– Вы уезжаете? – спросил Паскаль, появляясь в дверях.

– Возникла одна проблема с… – Как же сказать по-французски про коварное поглощение компании путем скупки ее акций без согласия руководства? – По-гло-ще-ние ком-па-нии? Ску-пить ак-ции? – попыталась она произнести по слогам.

С французами ни в чем нельзя быть уверенной. Иногда при четком произношении они понимали английские деловые термины. Паскаль уставился на Кэйд так, точно у нее вдруг выросли рога и она заговорила на дьявольском наречии. Судя по выражению его лица, он ничего не понял. И не только о ее проблеме с «Девон канди».

Кэйд повернулась к нему боком и написала на своей карточке: «Я тебе позвоню». И подписалась своими инициалами: КК. Если и он не поймет ее послания, то она вернется лишь для того, чтобы высказать ему возмущение.

Ей хотелось оставить Сильвану что-нибудь реальное, нечто такое же убедительное, ценное и символичное, как пакетик с горьким шоколадом, что он недавно оставлял на ее дверной ручке. Но ничего подобного у нее не было.

Кэйд помедлила, сжимая в сумочке «Плитку Кори». Это не представляло для него ни малейшей ценности. Внезапно она вытащила шоколадку из сумочки и подложила под свою визитку. Как он это оценит? Вероятно, никак.

Она направилась к кассе, на ее плече покачивалась роскошная дорожная сумка.

– Мадемуазель Ко-рии. – На лице молодого элегантного продавца, при первой встрече унизившего ее, отразилась озабоченность. – Даже не знаю, будет ли доволен месье Маркиз, если я позволю вам оплатить покупки.

– Все в порядке. – Кэйд протянула ему кредитку. – Снимите со счета стоимость еще десяти коробок и отдавайте ежедневно по одной из них бездомному в новой куртке из Люксембургского сада, пока я не вернусь. Договорились?

Близилась зима, и шоколад поможет тому парню пережить холодный сезон. Наряду с шерстяными носками и эластичным

термобельем, что она передала ему на днях. Кэйд размышляла, какими доводами можно убедить бродягу отправиться в приют.

– Мадемуазель, месье Маркиз уже сам попросил меня об этом. И я не могу принять у вас деньги.

Уже попросил? Лицо ее озарилось улыбкой. Вернувшись, она обязательно поговорит с ним. У Кэйд возникла одна идея по поводу организации «Дня шоколада» для бездомных, и раз у него выделено время для школьного дня, то он станет отличным партнером в ее задумке.

Когда она вернется. Отныне ей, похоже, придется постоянно подбадривать себя этими тремя словами.

Кэйд уложила подаренные коробки в полупустую сумку и села в такси.

Но Кэйд пришлось вернуться через два часа. Как она умудрилась в такое время забыть свой паспорт? Обычно он постоянно находился при ней. Неужели переложила его в другую сумочку и забыла о нем? Нет. Может, засунула его в кармашек чемодана? Нет. Куда же он подевался, черт побери?

Продолжая лихорадочные поиски, Кэйд заглядывала во все, даже самые невероятные места в своей квартирке и одновременно говорила по телефону со своей помощницей, сообщая, что опоздала на первый рейс и постарается успеть на второй через два часа. А еще будучи в такси и перерывая вещи в сумке, из разговора с отцом и взволнованным дедулей она узнала все подробности домогательств «Тотал фудс» и предпринятые ими действия.

Наконец у нее мелькнуло одно подозрение. Даже не подозрение, а любопытная мысль. Либо паспорт украли, и она не заметила, и придется через посольство срочно добывать новый документ, либо… Ей надо проверить один вариант.

Кэйд опять вернулась в лабораторию, не обращая внимания на ледяные взгляды персонала. Сильван стоял за мраморным столом. Наверное, Паскаль соврал насчет длительности его отсутствия, или совещание у мэра закончилось раньше, чем ожидалось. Обе возможности равно вероятны.

Положив руки на мраморную столешницу, Сильван просто стоял с опущенной головой и застывшим взглядом. Похоже, он пребывал в оцепенении, не в силах пошевелиться. Сильван даже не облачился в поварскую куртку, колпак и фартук, и Кэйд очень удивилась. Ее захлестнула волна облегчения, отчаянно захотелось броситься в его объятия. Он резко поднял голову, и их взгляды встретились. Его глаза пылали яростью. В сравнении с этой пылающей яростью его гневная реакция на предложение

использования его имени для новой продукции компании Кори казалась легким раздражением по пустяковому поводу.

– Вы что-то забыли? – спросил он, четко выговаривая каждое слово, точно его ярость могла материализоваться в кристаллическую форму интеллектуального бриллианта. Возможности французского языка безграничны.

– Свой… паспорт, – ответила Кэйд.

Сейчас, когда она увидела Сильвана, ее подозрение внезапно перестало казаться нелепым. Он сунул руку в задний карман джинсов, вытащил паспорт и бросил его на стол. Документ шлепнулся на мрамор с громким стуком.

– Я знал, что вы так и поступите, – тихо произнес он, и его слова даже не нарушили напряженную атмосферу лаборатории. – Знал, что вы можете запрыгнуть в самолет, если у вас вдруг возникнет подобное желание. А так по крайней мере вам пришлось бы сказать мне об этом в лицо.

– Я собиралась позвонить… – начала Кэйд и замолчала, не позволив своему глупому оправданию спровоцировать вспышку ярости.

Его вторая ладонь поднялась со стола, и из нее выпала скомканная визитная карточка с этим самым обещанием.

– Спасибо, – отозвался Сильван, и это слово резануло ее будто клинок дамасской стали. А последовавшее за ним проклятие напоминало удар стенобитного орудия. – Va te faire foutre![164]

– Нет, ты ничего не понимаешь. – Приблизившись к нему, Кэйд протянула руку.

Сильван отпрянул от нее. Вот и ответ на вопрос: ему не безразлично. Правда, все остальное просто валится в пропасть.

– Это чрезвычайное положение, «Тотал фудс» только что предпринял попытку мошеннического поглощения компании «Девон канди». Ты понимаешь, что это означает?

– Нет, – процедил Сильван, глядя на нее.

Не удивительно, Кэйд не знала, как объяснить это по-французски.

– Мы не можем допустить, чтобы «Тотал фудс» поглотила «Девон канди». Нам необходимо что-то предпринять.

Кэйд обдумывала возможные варианты. У них в резерве есть три миллиарда наличными. «Тотал фудс» предложил цену в 17,6 миллиарда, и, вероятно, это не окончательное предложение. Финансирование можно организовать с помощью…

– Для тебя это более важно, чем… – Сильван рубанул ладонью воздух.

Кэйд молчала, пытаясь придумать достойное объяснение,

размышляя, какие осложнения могут вызвать ее оправдания.

– Ты говоришь о том, что у меня есть выбор? Я могу остаться Кори Кэйд из известной компании либо могу стать твоей… Кем? – Кем она может стать для него? – Могу остаться здесь с тобой, но не сумею находиться одновременно в двух местах.

Лицо Сильвана застыло, и безукоризненность его сурового профиля разбивала ей сердце, словно сама она только что разбила ценнейшее произведение искусства.

– Я здесь. Ты улетаешь в Штаты. Океан велик.

Потирая пальцами лоб, Кэйд осознавала, что она слишком взвинчена сейчас, чтобы разреветься, зато полна глубочайшей ответственности.

– Сейчас я должна быть там. Не предпочтешь ли ты…

«Не предпочтешь ли ты в мое отсутствие выбрать среди своих клиенток одну из тех очаровательных парижанок? Хочешь ли ты дождаться меня?»

Какое она имела право спрашивать об этом человека, которого знала всего несколько дней? Какие между ними отношения? Кэйд даже толком не знала, какие чувства Сильван питает к Шанталь. Сохранял ли он Кэйд верность в то время, что они провели в страстных любовных свиданиях.

– Я вернусь, – твердо пообещала она, взглянув в Сильвану в лицо.

Возможно, она не имела права ничего просить, но умела отвечать за свои слова. И знала, что ее обещание нерушимо. Она имела частичную власть над судьбами гораздо большего числа людей, чем тридцать тысяч непосредственных служащих компании Кори, и уже в юности прекратила попытки точного подсчета. Да, она умела отвечать за свои слова.

Кэйд протянула к нему руки:

– Ты можешь… делать то, что хочешь. Но я обязательно вернусь.

Сильван выпрямился, отстранившись от мраморного стола, и обвел сотрудников обжигающим взглядом.

– Je vous dérange peut-être?[165] – язвительно спросил он. – Вам что, нечем заняться?!

Кое-кто из них пошевелился или, скорее, нервно дернулся, однако всеобщее внимание по-прежнему было приковано к Сильвану и Кэйд. Он вышел из-за стола и, взяв Кэйд за руку, повел ее к такси. Ветер пробежал волной по его тонкой шелковой рубашке. Наверное, он почувствовал холод, но не показал этого. Сильван продолжал смотреть на Кэйд.

– Je suis tombé amoureux de toi[166], – произнес он с такой мукой, словно разбередил рану, сознавая, что она обязательно

начнет кровоточить. – Ты… можешь делать что хочешь. Больше мне нечего сказать… Но я люблю тебя.

Кэйд вдруг будто ударило волной взорвавшейся где-то бомбы, она точно оглохла и ослепла.

– Между тобой и Шанталь что-то серьезное? – внезапно вырвалось у нее.

Сильван изумленно посмотрел на Кэйд.

– Нет. А ты полагала, что могло быть нечто серьезное, и только сейчас спросила об этом?

Плечи Кэйд поникли.

– Может, люди для тебя подобны игрушкам и, наигравшись, ты их просто выбрасываешь? – продолжил Сильван.

Она потрясенно открыла рот. Какая несправедливость! Ей просто… так отчаянно хотелось его близости, что она ни о чем не спрашивала. Не хотелось позволить ничему – никаким его или ее отношениям или возможным обидам – помешать им быть вдвоем.

– Я лишь… пыталась делать то, что желала, – прошептала Кэйд.

– Я понял, – произнес Сильван, развернулся и двинулся обратно в лабораторию.

Кэйд нырнула на сиденье такси, но вдруг обернулась и, взявшись за дверцу, высунулась из машины.

– А ты разве не так ведешь себя? – крикнула она ему вслед. – Попытайся понять, чего хотел ты сам?

Сильван замедлил шаг. Обернувшись, он проводил взглядом удалявшееся такси.

По дороге в аэропорт Кэйд Кори даже не вспомнила о проблемах с «Тотал фудс» и «Девон канди».

Глава 27

Едва она успела передать свой посадочный талон, как ей вновь позвонил отец.

– Новое развитие событий, – сообщил он. – Мы провели переговоры с Фирензе о приобретении контрольного пакета акций «Девона». Как удачно, что ты еще в Европе. Твой французский может оказаться очень кстати. Вылетай в Бельгию. Мне необходимо, чтобы ты переговорила с братьями.

Целых три дня Кэйд и все ее сотрудники поддерживали свои силы только кофе, хотя сама Кэйд еще иногда баловала себя конфетами Сильвана. В одиночку, ни с кем не делясь. Братья Фирензе предложили ей партию банок известного местного шоколада одного бельгийского производителя, и все ее бухгалтеры, юристы и ассистенты, как прилетевшие из Мэриленда, так и вытащенные из маленького местного филиала в Брюсселе, не капризничая, пользовались этими бельгийскими щедротами.

Когда Кэйд прилетела в Лондон, в «Девон канди» ее пытались накормить батончиками и рыбой с картофелем во фритюре. Она просила своих помощников приносить ей фрукты, салаты и необработанные цельнозерновые смеси, но большей частью игнорировала эту низкокалорийную пищу. Зато при ней постоянно находилась коробка конфет Сильвана, и время от времени, когда Кэйд хотелось почувствовать его близость – примерно каждые пятнадцать минут, – она съедала по конфетке.

Каждый кусочек дарил ей маленькую вспышку радости и надежды на то, что она сумеет во всем разобраться. Разобраться с кооперативным приобретением контрольного пакета акций, с происками «Тотал фудс», со всей своей ответственностью и с тем, что отчасти она глубоко переживала за семейное дело, с тем, что она так многого хотела от жизни, и со своим возвращением к Сильвану…

Однако Кэйд не знала, что скажет ему. Закончив переговоры с братьями Фирензе и представителями «Девон канди» и взглянув на свой телефон, Кэйд все еще сомневалась, как лучше поступить: позвонить и поговорить, послать сообщение или отправить письмо на его электронную почту.

«Неужели? – так, казалось, можно начать удачный разговор. – Ты уверен…»

Увы, как он мог быть в чем-то уверен, если они и знали-то друг друга так мало? Могла ли быть уверенность в его словах: «По-моему, я люблю тебя?» Может, тогда лучше спросить: «Что ты хотел этим сказать?»

Как же трудно говорить об этом по телефону. Тем более что Сильван все еще злится на нее. С тех пор, как Кэйд уехала и когда прибыла в Брюссель на скоростном поезде, он прислал ей сообщение всего из одного слова: «Да». Она предположила, что утвердительно он ответил на ее последний вопрос: «Да, я тоже пытался делать то, что хотел».

Но это могло быть и подтверждение его негодования или подтверждение того, что из-за ее отъезда не разорваны все связи, подтверждение оливковой ветви мира в его руке. Чертовски трудно истолковать столь лаконичное сообщение.

В итоге она осознала, что не может не позвонить ему; хотя не сомневалась, что это будет ужасной ошибкой. Поэтому Кэйд попыталась начать разговор с одного не слишком изысканного, но распространенного слова:

– Привет.

До нее донесся его вздох и:

– Кайд.

Она умилилась, услышав, как Сильван произносит ее имя, четкое французское «а», казалось, укоротило ее английское имя наполовину. Мгновенно перестала бояться того, что он еще злился.

Закинув ноги на одну подушку, Кэйд улеглась головой на другую. Ее уставшие за день ноги жутко ныли и гудели; и мыслительные способности тоже истощились. В ней жили три отчаянных взаимоисключающих желания: забыться сном, отправиться на долгую, прочищающую мозги прогулку и просто лежать, свернувшись клубочком, разговаривая с Сильваном.

– Я ем одну из твоих шоколадных конфеток.

Тот маленький конус, опушенный у основания крупинками какао-зерен, тот самый, который Сильван называл радостным поклоном детским воспоминаниям о рожках с мороженым. За исключением того, конечно, что вкус у этого чудесного воспоминания был совсем не детский, дробленые какао-бобы

вместо арахиса, а под толстой темной оболочкой скрывалась одна из его нежнейших и изысканнейших жидких начинок. Такую конфетку приходилось есть осторожно, аккуратно откусывать кончик и высасывать содержимое, иначе можно перепачкать руки.

– А-а-ах.

Его голос прозвучал лишь вздохом, легким ветерком в ее ушах. Возможно, Кэйд разбудила его. Может, Сильван в постели, обнаженный, и его матово-смуглые мускулистые плечи выделяются на фоне белых простыней. Положил ли он телефон рядом с собой, ожидая звонка? И перестал ли злиться, услышав ее голос?

– Вкусно, – проворковал он, и несмотря на все разделяющие их расстояния, их объединили пробудившиеся желания и душевная теплота.

– Всегда вкусно, – прошептала Кэйд.

– А какую именно ты ешь?

– Ту самую, из детства – cornette de ganache[167].

– А-а… – Тихий вздох.

Даже по телефону она ощущала, как дыхание Сильвана ласкает ей кожу. У нее возникло ощущение, будто он воображает во всей живости и полноте каждый оттенок тех вкусов, что таяли у нее на языке. Он осознавал их изысканность и нежность. Представлял, как осторожно высасывают ее губы начинку, не давая ей пролиться на пальцы. Знал, какие отпечатки оставляет шоколад на ее пальцах и как она старательно слизывает их.

И он точно знал, как вкусна его начинка.

Господи, Сильван очень эротичен. Как он мог возбуждать ее даже по телефону?

– Что ты делаешь? – спросил он.

– Почти сплю. Кому-то поручено выдернуть меня из постели ровно через шесть часов. Мы придерживаемся той теории, что раз в три дня каждому надо дать возможность отдохнуть в фазе быстрого сна.

– Так ты еще не завоевала этот мир? Я смотрел новости, но ничего не выяснил.

– Мы не можем позволить «Тотал фудс» слопать «Девон канди». А настоящие завоеватели мира гораздо более прожорливы.

Более того, ее скорее волнует вопрос отпора завоевателям. Однако это не телефонный разговор, и им не следует углубляться в него сейчас.

– Но пока у нас решены далеко не все проблемы, – произнесла Кэйд и быстро спросила: – А ты что делаешь?

– Я спал, вернее, начал дремать. Сомневаюсь, что моя

усталость сравнима с твоей. Но до Рождества осталось всего пять недель, поэтому со следующей недели мы начинаем готовить рождественские сладости.

В магазине Сильвана Маркиза не продают старые конфеты. Они не лежат там четыре или даже две недели. Но люди начинают покупать новогодние подарки с начала декабря.

– И я уже начал делать заготовки для рождественского украшения магазина.

Пять недель до Рождества. А День благодарения ей, похоже, придется отмечать на совещаниях с «Девоном» и «Фирензе». Какая ирония судьбы!

Глаза у нее прояснились, когда она попыталась представить, что он может выдумать из шоколада для украшения своих витрин и прилавков.

– Они уже появятся к моему возвращению?

Легкая заминка.

– Это зависит от того, скоро ли ты вернешься.

Кэйд перевернулась на живот и уткнулась лицом в подушку. Она понятия не имела, когда сумеет вернуться. И она очень устала. Но его голос звучал чарующей мелодией для ее уха.

– Как тебе понравились братья Фирензе? – спросил Сильван.

– У меня не возникло искушения тайно пробраться в их лабораторию, если тебя это интересует.

Услышав его тихий смех, Кэйд почувствовала себя кошкой, которую погладили по спинке.

– Именно это и интересует. Умница, съешь-ка еще одну мою конфетку.

Она закрыла глаза и мысленно оживила его чувственный образ, словно он сам – во плоти – перенесся к ней через сотни разделяющих их миль.

Коробка с его конфетами лежала почти рядом с ней, на столике возле кровати. В голове пронеслась стайка ревнивых вопросов. Часто ли Сильван влюблялся? И как быстро разочаровывался? Когда он сказал «по-моему» – его мнение основывалось на опыте прежних влюбленностей? Но, не задав ни одного из волнующих вопросов, Кэйд открыла глаза и, оценивающе взглянув на набор глянцевых коричневых конфеток – едва уловимое внешнее различие каждой из них подсказывало внутреннее содержание, – уточнила:

– Какую именно?

– Любую, какая на тебя смотрит.

Она устала, очень устала, однако возбуждение казалось таким мягким и обволакивающим, словно она могла уютно свернуться в нем, как в кровати, и блаженно уснуть.

– А какая из них, по-твоему, должна сейчас на меня смотреть? – прошептала Кэйд.

Такой же двусмысленный стон он мог бы издать, если бы она протянула руку и завладела его самым чувствительным органом. Или из-за того, что это было невозможно.

– Кайд, где ты сейчас? В Брюсселе? Я могу приехать к тебе на поезде.

– В Лондоне, – с сожалением сообщила она. – В Брюссель я вернусь завтра.

– Вечером? Завтра вечером? – воскликнул Сильван.

– У меня не будет ни секунды свободной. И, вероятно, к ночи я выдохнусь.

– Я найду, чем развлечь себя. В Брюсселе у меня есть знакомые. – Сильван рассмеялся. – Много знакомых, или ты забыла, что эта введенная в заблуждение страна полагает, будто бельгийский шоколад самый лучший? Да тут всего-то полтора часа езды. Я посмотрю, сумею ли вырваться из дебрей моего подрастающего зимнего леса. – Миг настороженной тишины. – Или тебе не нравится такая идея?

– Еще как нравится!

Но все зависит от того, во что выльется эта чудесная мечта. До сих пор в их свиданиях преобладала насыщенная пылкость, они напоминали неожиданные и страстные жаркие… схватки. Кэйд не хотелось разочаровать Сильвана, если после очередного длинного дня она просто бессильно уснет в его объятиях, уставшая и выдохшаяся.

– Так, а во что ты сейчас одета? – поинтересовался он.

– В обычный деловой костюм, – печально призналась Кэйд.

Она рухнула в кровать не раздеваясь. Лучше бы сейчас она лежала в соблазнительном пеньюаре… Сильван рассмеялся.

– Однако какой заманчивый вызов. Сумею ли я раздеть тебя с расстояния в пять сотен километров?

Ее щеки полыхнули жаром. И не только щеки. Она сбросила туфли на пол.

– Я уже избавилась от туфель, – подначила Кэйд.

– Ma chérie[168]. – Он громко вздохнул. – Мне нравится твоя готовность к содействию. Но, полагаю, раз ты так устала, что не смогла сразу снять даже туфли, то, вероятно, мне следует просто дать тебе выспаться.

– Разумеется, но… мне ужасно хочется узнать, как ты будешь раздевать меня дальше.

– Ах так… – Последовало долгое молчание.

Когда Сильван заговорил вновь, его тихий голос зазвучал с глуховатой хрипотцой, соблазнительным шепотом, переносящим

ее в таинственную теплую спальню с запертой дверью.

– Ты обещаешь делать все, что я скажу?

Кэйд выключила свет и нырнула под одеяло. Мир погрузился во мрак. Исчезло все, кроме его голоса, твердости прижатого к уху телефона и мягкой весомости одеяла.

– Да, – прошептала Кэйд.

– Все, все? – уточнил чарующий голос.

– Да.

Глава 28

– Только не говори мне, что потащишься туда на поезде, чтобы сыграть роль ее жиголо на одну ночь, – заявила Шанталь.

Сильван пристально посмотрел на подругу. Как обычно, Шанталь выглядела очаровательно и утонченно. Слишком утонченно, чтобы осуждающе назвать его жиголо, но они дружили так давно, что она прямо высказывала свои мысли, если считала, что их следует высказать.

– Не думаю, что в данном случае я воспользовался бы подобным определением.

Они зашли пообедать в одно из своих любимых местечек, вьетнамский ресторанчик, принадлежавший к роду тех заведений, что обнаруживаются по слухам, или скорее, благодаря усердной любознательности к ни на что не похожим – как снаружи, так и внутри – заведениям: бордовый бархат под тусклым освещением. В данном случае как раз Сильван проявил усердную любознательность, когда впервые увидел открывшийся новый ресторанчик, и благодаря их с Шанталь отзывам теперь он пользовался популярностью.

Одна из совладелиц молча поставила перед ними саке, за счет заведения, как делала уже много лет. В этих маленьких фарфоровых чашечках в легком искажении рисовой водки просматривались крошечные и искушающе развратные порнографические картинки. Учитывалась также гендерная специфика; Шанталь любовалась мужской порнографией.

– Сильван, неужели ты не понимаешь, что в очередной раз наступаешь на те же грабли? Мне казалось, ты научился распознавать красоток, готовых использовать тебя и разбить тебе сердце.

Она затронула болезненную для него тему.

– Полагаешь, что Кэйд использует меня?

Ему вспомнилась прошлая ночь, ее доносящееся из телефона

дыхание, становившееся все более жарким и страстным по мере того, как они оба распалялись от затеянной ими игры. Вспомнилось, как напряженно Кэйд удерживала его взгляд, говоря: «Я вернусь».

– Absolument[169], – безапелляционно бросила Шанталь.

– Так ты думаешь, что она вообще не влюблена в меня?

И почему только люди, знавшие вас со школы, не способны признать, что вы давно выросли и заслуживаете хотя бы уважения?

– Разумеется, я думаю, что она влюбилась в тебя, – возразила Шанталь, неожиданно покраснев. – Да и кто бы не влюбился?

– Что-о?

– Но ведь можно же любить человека и одновременно использовать его.

– Тебе лучше знать, – сухо произнес Сильван.

Красотка Шанталь имела богатую историю манипулирования разными мерзавцами, но потом ей удалось изменить ситуацию, и она сама стала использовать мужчин, что значительно повысило ее самооценку. Шанталь была одной из тех подружек, о которых Сильван грезил в школьные годы и кого он успешно соблазнил однажды с помощью шоколада, когда ему исполнилось шестнадцать лет, а ей восемнадцать.

На следующее утро она заявила, что это была необходимая, но единственная дань их дружбе, исключительный выплеск, скажем так, добрых и снисходительных чувств. Тогда, сходя по ней с ума, Сильван простил ее снисходительность – обиженный, но все равно безумно влюбленный, а Шанталь отправилась к одному из тех коварных мерзавцев, с которыми так любила встречаться в те времена.

Шанталь обиженно вздернула плечи.

– Ты же понимаешь, Сильван, я стала уже… почти на десять лет старше.

Он успел стать старше на четырнадцать лет, но время для Шанталь, упорно не желавшей становиться тридцатилетней, текло по своим законам. Она коснулась пальчиками его руки.

– А ты не думаешь, что я способна оценить твои достоинства?

Шанталь вечно изображала себя с ним собакой на сене, когда речь заходила о женщинах, с которыми он встречался. Если у Сильвана не было любовницы, она оставалась надежной и доброй подругой, но едва кто-то появлялся на его горизонте, Шанталь неизменно стремилась вернуть его в лоно чистой дружбы. Она нуждалась в общении с надежным хорошим мужчиной, но не понимала, как можно связать себя обязательствами с кем-то одним. В школьные годы в семье Шанталь царила очень нервная

атмосфера. Сильван сохранил эту дружескую привязанность, принимая Шанталь такой, какая есть, и поэтому мог терпеть ее выходки. Но всему есть предел.

– Хотя она знает, чего хочет, – внезапно признал он.

– Что? – Шанталь насторожилась.

– Вы с ней поняли бы друг друга. Вероятно, она хочет использовать меня, но выбрала-то она именно меня. Понимаешь?

И он хотел поймать ее в свои сети и использовать. Использовать постоянно, везде и во всем. Но ему также хотелось радовать ее. Защищать ее своим телом от холодного ветра. Усаживать ее на стол в лаборатории и согревать, отпаивая горячим шоколадом.

– Кэйд изначально хотелось меня или моего шоколада, и она добивалась этого, ни разу даже не задумавшись, что ей нужен кто-то другой.

– А как насчет Доминика Ришара? – усмехнулась Шанталь. – Она сама говорила мне, что Доминик Ришар нравится ей больше.

– Кэйд солгала. Она находчивая лгунья.

Очень эротичная лгунья, вот она какая. И от этого ему ужасно захотелось уличить ее… м-м-м, скажем, прижать ее к мокрой стене в своем душе – этот способ они еще не опробовали – и заставить признаться во всех хитроумных выдумках.

– Как ты можешь быть столь уверенным?

– Да, я убежден, что Кэйд солгала насчет Доминика Ришара. Но уверен ли я, что мое сердце не будет разбито, уверен, что все закончится хорошо? Нет, я бы оценил такую вероятность примерно как один шанс из ста.

– Однако ты добиваешься ее любви, – усмехнулась Шанталь.

– Вот именно.

* * *

Охранник в брюссельском главном управлении фирмы «Фирензе» не смог дозвониться Кэйд, чтобы она разрешила пропустить Сильвана, но склонность к романтизму не позволила ему выгнать его. Романтики по жизни обычно поддерживают друг друга. В итоге охранник решил лично сопроводить к ней Сильвана, держа его под бдительным контролем, дабы убедиться, что он тот, за кого себя выдает, а не какой-нибудь фанатик, готовый ради борьбы с глобализацией взорвать бомбу.

Поэтому Кэйд не получила предупреждения о прибытии Сильвана в ее деловой мир. Приближаясь к заветной двери, он почувствовал напряжение, готовясь защитить свою

сентиментальную душу от непредвиденного удара.

Кэйд стояла у окна в стороне от овального стола, поглядывая вниз, на улицу старого города. Сумерки сгустились, превратив окно в темный задник сценического пространства просторной, хорошо освещенной комнаты. В центре стола лежали остатки какого-то апельсинового пирога, разрезанного, казалось, после завершения трудового дня. Кэйд выглядела очень по-деловому – черные брюки, туфли, строгая голубая блузка, локоны ее прически к концу долгого дня слегка раскрутились, но по-прежнему изящно обрамляли лицо. На губах не осталось ни следа ее любимого блеска. На спинке ближайшего стула висел ее черный блейзер. Она как раз говорила что-то одному из братьев Фирензе, сопровождая свою речь резкими жестами, когда открывшаяся дверь отвлекла ее внимание и она мельком взглянула в ту сторону.

Кэйд замерла с приоткрытым ртом, и рука ее застыла в воздухе. Через мгновение ее лицо вспыхнуло.

– Сильван! – крикнула Кэйд.

У него перехватило дыхание. Кэйд вынырнула из круга коллег, словно они перестали существовать, и устремилась к нему, протягивая руки в таком очевидном восторге, что он отступил в сторону, позволил им встретиться на полпути. Эта женщина, прежде буквально бесившая его и вызывавшая настороженность своим нежеланием обмена приветствиями даже в виде легких поцелуев при случайных встречах, жарко обняла и поцеловала его с такой радостью, что он мог бы подумать… Ладно, мысли его могли быть самыми разнообразными.

Если бы Сильван мог сейчас думать. Но ему вовсе не хотелось думать, а хотелось ответить на ее поцелуй.

– Ты приехал, – сказала она и вдруг добавила: – Тебе не следовало приезжать. Тут будет очень скучно.

Ответом ей стала мягкая скептическая усмешка. Он мог бы пролететь полмира, чтобы узнать то, что только что узнал. Он примчался бы к ней ради этого даже за две недели до Рождества или Пасхи, когда не мог позволить себе ни на секунду отвлечься от предпраздничных хлопот.

– Почему ты все-таки приехал? – спросила Кэйд, крепко прижимаясь к Сильвану, словно боялась, что он может внезапно исчезнуть.

Потому что у него имелся один шанс против ста, и он не был настолько глуп, чтобы не воспользоваться им. Отклонившись чуть в сторону, он прошептал ей на ухо:

– Потому что мне захотелось самому снять с тебя туфли.

Прошлой ночью Сильван едва не обезумел от вожделения. И

ему захотелось убедиться, что Кэйд не наваждение, а реальность. Попытаться понять, каков ее мир. И увидеть ее реакцию на его появление в этом мире. Sa réaction était magnifique[170].

И вдруг Кэйд зарделась. Вспомнив, что прошедшей ночью делала практически все, что он велел ей по телефону. Губы Сильвана мягко изогнулись в легкой загадочной улыбке, и ее румянец запылал маковым цветом. Он крепко прижал ее к себе, почувствовав сильнейшее возбуждение. Совсем некстати в зале, полном деловых партнеров Кэйд. Он отодвинулся от нее, избежав опасной близости, но продолжал удерживать перед собой в качестве щита, пока его возбуждение не спало.

Вскоре Сильван обменялся рукопожатиями с уже знакомыми ему братьями Фирензе и с другими присутствующими, которым захотелось с ним познакомиться. В первый момент это позабавило его, поскольку он догадывался, почему корпоративным карьеристам захотелось познакомиться с незнакомцем, которого публично облобызала одна из славных представительниц семейства Кори. Потом его удивление сменилось тревогой. Ему не приходило в голову, что, общаясь с Кэйд, он мог приобрести влияние в ее мире и даже выгодно его использовать.

Отрезвляющая мысль. Сильван начал понимать, как сама Кэйд воспринимала всю эту власть, как беспокоили ее и пренебрежение собственными интересами, и сосредоточенность – по крайней мере пока – на своих желаниях, а не том огромном количестве дел, которые она могла выполнять с помощью своей власти. Просто удивительно, как ее самосознание не разбилось вдребезги. Ему опять вспомнилось, как он, набрав в «Гугле» ее имя, получил множество разнообразной информации. Да, она не представляла, как можно избавиться от всех своих возможностей и обязанностей. Покинув комнату, чтобы позволить Кэйд завершить совещание, Сильван почувствовал себя так, словно бросил ее одну в зыбучих песках, даже не кинув спасительную веревку.

На площади Святой Екатерины он встретился с другом в баре, чтобы выпить местного бельгийского пива, но и сидя там, не мог подавить беспокойство, изводя себя тем не поддающимся логике чувством, призывавшим его вернуться и спасти Кэйд. И сознавая в то же время, что она может разозлиться, если он хотя бы попытается.

Кэйд присоединилась к ним через час, к большому его облегчению. По крайней мере он мог выбросить из головы навязчивый образ зыбучих песков.

Вечером на площади Святой Екатерины зажглась

иллюминация, и церковь предстала во всей своей красоте на фоне темного неба. К рождественскому базару уже начали устанавливаться нарядные киоски, но они еще не заполонили все пространство. Распрощавшись с приятелем, Сильван и Кэйд медленно прогуливались по городу.

– Так кто же она? – резко произнесла Кэйд.

Поскольку во французском языке местоимение «она» может относиться к чему угодно, как из мира одушевленного, так и неодушевленного, Сильван уточнил:

– О чем или о ком ты спрашиваешь?

– О подруге. Ты спишь с ней?

Каблук Кэйд подвернулся на выщербленном булыжнике. Сильван покрепче взял ее под руку.

– С Шанталь? – предположил он.

Только с ней Кэйд однажды видела его… Enfin[171]. Насколько ему известно. Хотя она могла, конечно, нанять частного сыщика, чтобы раздобыть кое-какие фотографии прошлых лет. Ее губы сжались. Сильвану захотелось склонить голову и одним поцелуем развеять ее навязчивое подозрение. Она кивнула.

– Нет. Было пару раз еще в школе.

– Почему только пару раз?

Потому что его бросили, естественно. Но как признаться в этом женщине, на которую ему хотелось произвести приятное впечатление?

– В общем… – Сильван усмехнулся. – Вероятно, ты удивишься, узнав, что я не всегда был так хорош, как сейчас.

Они уже вышли на Гран-Плас, и губы Кэйд, стоявшей перед освещенной ратушей Брюсселя, приоткрылись, когда она догадалась, что подразумевали его слова.

– Она бросила тебя?

– Тогда она была юной и глупой. – Сильван шутливо изобразил скорбь по поводу заблуждений его старой подруги.

– Да, она была юной и глупой, – спокойно повторила Кэйд. – И, по-моему, сейчас жалеет об этом.

Но если их дружба пережила давнюю страсть Сильвана к Шанталь, то переживет, вероятно, и нынешнюю страсть Шанталь к нему. Недавно она рассталась с очередным любовником и прилетела к нему под дружеское крылышко, как всегда в периоды растерянности. Шанталь сумеет найти свою любовь в жизни и встретит нужного ей человека. У Сильвана даже появилась одна идея… Может, ему удастся свести ее с Кристофом и убить двух зайцев одним ударом. Последние дни он часто фантазировал, какой удар лучше нанести настырному Кристофу, чтобы он не

мешался под ногами.

– И сейчас никаких любовниц? – уточнила Кэйд.

Сильвану вспомнилось выражение «бульдожья хватка».

– Я бы так не сказал… – Он хитро усмехнулся.

Она выглядела так, словно получила пощечину. От него. И ему сразу захотелось сжать ее в объятьях. Сильван провел пальцем по груди Кэйд.

– А что ты думаешь о себе?

– Никаких других любовниц, – раздраженно произнесла она.

– Прямо сейчас? Ты усвоила один из расхожих стереотипов в представлениях о французах? Кстати, ошибочна уже сама идея о нашей склонности к случайным связям.

– При чем тут все остальные французы? Тебя постоянно окружают женщины, готовые, не задумываясь, отдаться тебе.

Сильван усмехнулся. Очередной отличный комплимент для его эго.

– Мне казалось, Кэйд, что ты уже поняла мою натуру. Я хорошо разбираюсь только в том, отчего у женщин слюнки текут.

Она смущенно вспыхнула. Он сжал ее руку.

– Alors, comment ça va?[172]

Она молчала, обдумывая ответ.

– Ты знаешь, что приходится выкладываться на работе, которая тебе даже неинтересна, но ты все равно должен выполнять ее?

– Нет, – спокойно ответил он.

Он делал то, что хотел. И не тратил попусту время на прочее.

Кэйд вздохнула:

– А у меня так бывает. И я не знаю, выиграем ли мы на сей раз или проиграем. Я работаю над одним договором с Фирензе, но проблема в том, что и они, и мы в равной мере заинтересованы в контроле на «Девон канди». Поэтому, вероятно, нам не удастся договориться об этом поглощении. Неважно, что мы объединили усилия, «Тотал фудс» поднимет первоначально предложенную цену и перебьет нашу. Торги будут взрывоопасными, и я не знаю, до каких высот мы способны дойти. Анализом финансовой стороны занимается мой отец.

– Давай-ка вернемся к тому, с чего ты начала, спросив о нежеланной работе. Это важная тема. Мне хочется, чтобы ты осознала, ради чего занимаешься этими делами.

Кэйд озадаченно взглянула на него, словно перестала понимать французский или Сильван перешел на фламандский язык. Не часто ли с ней стало это происходить? Обычно, спрашивая, как у нее дела, люди подразумевают, как дела в их компании.

– Мне казалось, ты говорила… о стремлении к чему-то иному. О том, что тебе хочется изменить свою жизнь.

Кэйд хотелось жить так же, как Сильван. Жить тем, что он мог предложить…

Она остановилась перед «Королевским домом» – хотя голландцы когда-то прозвали его «Хлебным домом» – и, запрокинув голову, разглядывала затейливо украшенный симметричный фасад эпохи Ренессанса. За проходящими мимо компаниями струился шлейф смеха с обрывками шутливых разговоров. В это время года по площади гуляло меньше туристов, чем бельгийцев, и большинство из них, отдохнув в барах, продолжали дружеское общение на городских улицах.

После долгого молчания Кэйд наконец тихо произнесла:

– Если я выиграю эту сделку, то смогу остаться здесь. Нам понадобится руководитель для объединенной компании, контролирующий сбыт, и для нового филиала «Шоколада Кори» в Европе.

– Кэйд, почему ты так упорно занимаешься данными проблемами? Ведь ты не желаешь наводнить Европу плитками «Шоколада Кори». Тебе отчаянно хочется заняться чем-то другим.

– Потому что тогда я смогу остаться здесь, – прошептала она.

– Какой смысл оставаться тут, если ты притащишь с собой тот мир, из которого хотела сбежать?

Она сжимала и разжимала кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

– Сильван, а сам ты не можешь догадаться?

Ее вопрос стал для него подобен нокауту.

– Ради… меня? Ты занимаешься нежеланным делом ради меня?

– Это компромисс. Я остаюсь здесь. Но я остаюсь Кори.

– А что с тобой?

– А что со мной?

– Ты не понимаешь. Мне хочется, чтобы ты осталась здесь. Но я не вижу в этом компромиссе твоих личных интересов. Ты остаешься ради меня, ради отца и компании Кори. А что же ты сделаешь ради самой себя?

– Остаюсь здесь, – тихо промолвила Кэйд. – С тобой.

Сильван привлек ее к себе и крепко обнял.

– А помимо этого? Если тебе хочется приобщиться к мастерству кондитерских, то следует сделать это.

Она высвободилась из его объятий и, ссутулившись, сунула руки в карманы куртки.

– Я вполне сведуща в данной области. У нас семейная компания, и на мне лежит большая ответственность перед

множеством людей. Может, мне следовало выбрать жизненный путь, который предпочла моя сестра, и отказаться от этих обязанностей. Но я не выбрала, и теперь… не вижу иного выхода.

– Почему? Если ты способна строить долгосрочные планы и способна организовывать сделки между компаниями, делая общие встречные предложения ради многомиллиардных прибылей, то мне кажется, у тебя вполне хватит способностей разработать тайную стратегию своего постепенного выхода на свободу. Не скажешь же ты мне, что у тебя не хватит ума для принятия решения.

Он уже мог сказать, что у него сложилось четкое и чертовски соблазнительное представление о ее характере, уме и пристрастиях, и, возможно, для нее полезно взглянуть на себя его глазами.

Сильван внимательно смотрел на Кэйд, а она молча стояла посреди роскошной площади Гран-Плас, в окружении исторических зданий городских гильдий. Благодаря высоким каблукам сейчас Кэйд уже доставала Сильвану до подбородка, а не до плеча, но он сомневался, что она надела такие туфли из желания казаться выше. Подобно членам гильдий, строившим эти обрамляющие площадь здания, она казалась уверенной в своей правоте, чтобы владеть любой ситуацией.

Кэйд могла бы надеть джинсы, но позаботилась о строгом деловом костюме. Вероятно, так проявлялась ее гордость. Наверное, это сродни его упорству всегда работать в профессиональном облачении даже в собственной лаборатории.

Кроме того, Кэйд нравилось выглядеть хорошо, подумал Сильван, вспомнив ее наиболее соблазнительные наряды. Она любила наряжаться.

Когда-нибудь она найдет время потрясти модельеров с улицы Фобур де Сент-Оноре, как это обычно удается самым богатым дамам. Его очаровывало то, как случайно купленные вещи показывали, что их приоритеты для Кэйд гораздо ниже, чем, к примеру, выбор шоколада. Но однажды она придет домой в потрясающем наряде.

Сжав кулак в кармане куртки, Сильван укорил себя за разыгравшееся воображение, поскольку оно предполагало, что Кэйд появится на пороге его квартиры, нагруженная легкомысленными покупками, и начнет показывать ему свои обновки. Иными словами, она придет в его дом.

Проблема заключалась в том, что во всех его представлениях о ее будущем он участвовал и сам – либо он слышал об этом от нее в конце дня, либо бывал с ней, когда она что-то делала. В его идеальном представлении им светило совместное будущее.

Представление о желанном мире складывалось у Сильвана из множества прекрасных эпизодов, таких же прекрасных, как сейчас, с подсветкой ратуши, лучи которой обрамляли золотистым ореолом профиль Кэйд и поблескивали на волосах, и ему хотелось в этот холодный вечер крепко прижать ее к себе.

– А ты знаешь, с чем мне еще надо разобраться? – вдруг спросила Кэйд, ее голос дрогнул, словно она хваталась за последнюю соломинку. – С Днем благодарения. Эти братья Фирензе даже не представляют, что такое тыквенный пирог.

– Благо-да-рения. Для тебя это важный праздник? Единственный день в году, когда американцы едят натуральную пищу?

– Сильван, ты меня совершенно не поддерживаешь, – с усмешкой заявила она.

Он обнял ее за плечи.

– Где твой отель?

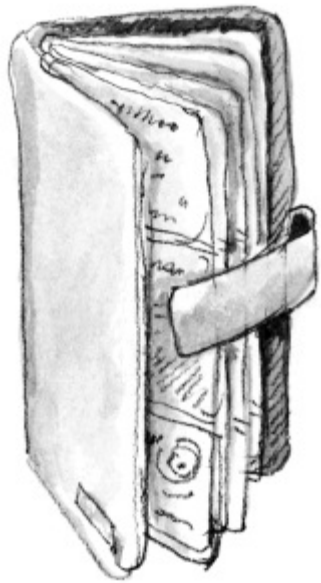
– Похоже, я провалюсь в небытие, едва моя голова коснется подушки, – предупредила Кэйд.

– Уязвимая жертва. Образ мне симпатичен.

Она действительно наслаждалась расслабленным состоянием, улыбающаяся и податливая, как будто каждое прикосновение его руки ласково снимало остатки напряжения, лишая ее жизненных сил. Кэйд напоминала Сильвану детскую игрушку, но живую, теплую, откликающуюся тихими вздохами на его ласку.

Кроме того, такая игра была эротичной. И его стараниями волны оргазма укачивали Кэйд, погружая в сон. Когда спустя всего пару мгновений он сам испытал блаженный взрыв, то она уже, возможно, спала, видя его во сне. Не нарушая близости, Сильван слегка сместился в сторону и, опираясь на локоть, начал нежно поглаживать спину Кэйд. По сравнению с ним она казалась такой маленькой и хрупкой, хотя он знал, что она отнюдь не слаба и далеко не уступчива в своих чувствах. Ее прямые каштановые волосы, освобожденные от накладных локонов, при каждом его вздохе слегка шевелились, приятно щекоча кожу. Сейчас Кэйд принадлежала ему одному, однако ей удалось ускользнуть от него в царство сна, и он не представлял, в какие края перенесли ее сны.

Однажды она спросила его, пытался ли он завоевать женское сердце. Сильван полагал, что Кэйд не понимала, какой это сложный процесс, подобный тому, который предваряет появление изысканной шоколадной конфеты.



Глава 29

Три недели спустя…

В витринах кондитерской «Сильван Маркиз» выросли присыпанные снежной крупкой шоколадные хвойные деревья с игольчатыми лапами, словно грубовато высеченные из глыбы мрамора резцом скульптора. Согласно замыслу, их изготовили в стиле примитивизма, но глубина резкости, гармоническая соразмерность и тонкая подсветка превращали витрины в такое потрясающее и таинственное царство, что у покупателя возникало ощущение, будто он стоит перед дремучим, уснувшим под снегом лесом. Таким прекрасным, притягивающим и даже слегка зловещим, точно манил в свою заснеженную ночную глубину! Казалось, достаточно одного шага, чтобы заблудиться в волшебной лесной чаще. В глубине стоял шоколадный домишко – старая, обветшалая, немного покосившаяся избушка с островерхой крышей, на конце которой красовалась звезда. В такое жилище вполне мог заглянуть погреться Дед Мороз, хотя, с другой стороны, оно напоминало озаренный звездным светом хлев, а может, и просто лесную хижину снежным вечером. Несмотря на кажущуюся примитивность композиции, внимательному взгляду открывались очень искусно выполненные детали, вроде свечки или птичьих следов на подоконнике.

И повсюду, в разных местах, виднелись таинственные знаки, намекавшие, возможно, как на будущий подарок, так и на похищение. Кто-то оставил на «снегу» следы из сахарной пудры. На ветке покачивалась шоколадная шишка для кладовочки в беличьем дупле. Следы санных полозьев, тянувшихся вдоль домика, исчезали в глубине между деревьями. На столе в той хижине лежала крошечная копия коробки шоколадных конфет Сильвана Маркиза – саму крошечную коробочку также приготовили из подкрашенного белого шоколада. Ее крышка находилась рядом, а в коробке не хватало одной конфетки.

Взгляд все искал и искал в лесу наследившего человека или сказочное существо. Но таинственный обитатель оставался незримым.

Кэйд долго стояла перед витриной, одной рукой небрежно поддерживая на плече ремень дорожной сумки. Последняя неделя выдалась сложной. Трудным оказался почти целый месяц. Они потерпели неудачу. «Тотал фудс» предложил большую цену, и они потеряли «Девон канди». Потеряли Европу. Потеряли право Кэйд находиться в ней. Не пытаясь оправдываться, она выдержала долгий разговор с отцом, которому пришлось столкнуться с еще одной потерей.

После Брюсселя она больше не видела Сильвана. На нем лежала ответственность: запросы рождественской шоколадной поры, а на ней – претензии «Девон канди», что сделало случайные поездки из Парижа в Брюссель практически невозможными. Кэйд всегда знала, когда Сильван бодрствует, поскольку каждое утро он присылал ей сообщение – нечто забавное или эротичное, или просто «мне тебя не хватает», а напоследок по вечерам он сам звонил ей или она ему. Хотя Кэйд не предупредила его, что вернется в Париж сегодня вечером. После провала с «Девон канди» она словно выпала из парижской реальности, разговаривая только с отцом и своими родными.

Сейчас Кэйд более всего нуждалась в поддержке, мечтала очутиться в атмосфере вкусов и запахов кондитерской Сильвана.

Она проникла в лабораторию с помощью того дубликата ключа, который Сильван и не думал забирать у нее, и с помощью того же не смененного им кода. От витавших в лаборатории ароматов волосы у нее на затылке приподнялись, и она словно ощутила первое прикосновение домашнего тепла после морозной улицы. Кэйд замерла на мгновение с закрытыми глазами, почти не дыша. Потом, пройдя через пустую лабораторию в магазин, принялась разглядывать уличные витрины изнутри. Следы тропинок виднелись и отсюда. В самом магазине Кэйд будто погрузилась в этот зимний лес; клиентов, возможно, волновала некая магическая пропажа, которую им никак не удавалось найти. В витрине прилавка в продаже появились посвященные ей шоколадные конфеты, такие же, как та конфетка из темного шоколада, что она обнаружила в пакетике на ручке двери своей съемной квартирки. Сильван назвал их «Любовь». Это название подействовало на нее точно удар в солнечное сплетение, лишив способности дышать. Темная, пряная, горькая, дарящая блаженство… так вот какая его любовь.

В его кабинете на аккуратно убранном письменном столе темнел закрытый лэптоп. Но перед ним лежала «Плитка Кори»,

словно перед тем как встать из-за стола, закончив работу, кто-то коснулся напоследок ее золотистой упаковки. Протянув руку, Кэйд повела пальцем по буквам своей фамилии на обертке.

– Итак, ты вернулась, – раздался голос за ее спиной.

По рукам Кэйд к затылку пробежали мурашки. Такую дрожь она чувствовала всегда, когда этот чародей тайно подкрадывался к ней из мрака.

– Ты же знаешь, я не могу жить вдали от Парижа.

Сильван приблизился к ней сзади, и она оказалась в ловушке между ним и его столом.

– Не знаю, говорил ли я тебе, но я ищу новую ученицу.

Ученица чародея. Его голос, бархатистый и исполненный тайны, как сама эта ночь, как его искусство, звучал так, словно побуждал ее продать ему тело и душу. Аромат шоколада проникал повсюду.

– Ты ведь нуждаешься в… maître[173].

Выдержав паузу, он произнес последнее слово. Не сказал: «Maître chocolatier». Только: «Maître».

Кэйд прижалась затылком к его груди. Руки Сильвана лежали на ее бедрах, не давая ей припасть к нему всем телом.

– Tu es cruel[174], Сильван, – промолвила она. – Я так долго не видела тебя.

– Знаю, – отозвался он. – Но я не в силах сдержать свою страсть.

Сильван намотал волосы Кэйд на руку и еще дальше оттянул назад ее голову, так что ее тело изогнулось как лук. Лук для его стрелы. Другая рука, проскользнув от лона Кэйд по изогнутому телу, обхватила грудь. – Оргазм вынуждает меня быть жестоким с тобой.

Повсюду под его ласкающей рукой вспыхивали всепроникающие огненные стрелы.

– О боже, – прошептала Кэйд, – я обожаю твою требовательность ко мне.

– А я обожаю твое à mon merci[175], – выдохнул он ей в ухо.

По-прежнему удерживая в руке волосы Кэйд, Сильван прижал к себе ее бедра так, что тело изогнулось еще больше. Вторая рука, оказавшись между ее ног, прижала Кэйд к восставшему члену. Мочку ее уха щекотало его легкое дыхание.

– Потому что я уже весь в тебе, – простонал он.

Кэйд задрожала от возбуждения. Несчастье их потери с «Тотал фудс», ее последний разговор с отцом перед возвращением в Париж – все унеслось в далекое прошлое ураганным ветром, тот глубокий туманный сумрак рассеялся в живом великолепии настоящего.

– Разве не следует ученице радовать этого учителя? – прошептала она.

Его бедра резкими сильными толчками соприкасались с ее ягодицами, сильная ладонь завладела ее лоном. Возбуждение Кэйд достигло апогея.

– Ты сама – радость, – промолвил Сильван.

Она извернулась и прижала его к письменному столу. Он ухватился за край, глядя на нее горящими темными глазами. Кэйд уцепилась за его джинсы. Его руки покрепче сжали край стола.

– Кэйд… Не надо, ты слишком спешишь. Представляешь ли, как долго длится реальное ученичество? Не играй с этой идеей, если только ты не планируешь одолеть целый курс.

– Я намерена делать с тобой то, что захочу, – заявила она, спуская с него джинсы.

Голова Сильвана запрокинулась, рельефно подчеркнув крепкие мышцы его шеи.

– Позволь мне поступать с тобой так же, как ты со мной.

Он закрыл глаза.

– Кэйд! Ne me touche pas… Bordel… Arrête[176]. – Но он не вмешивался и не пытался физически остановить ее. – Putain…[177] – почти как вздох слетело с его губ.

Она с удивлением разглядывала его напряженное тело, осознавая, насколько он сильнее ее, и тем не менее ощущая свою безграничную власть над ним.

– Ты раньше не пробовал такого наслаждения, – изумленно прошептала она.

Может, другие женщины не настолько безумны в своих чувствах?

Сильван издал протяжные звуки. Не имевшие ничего общего с членораздельной речью.

– Ты не привык, чтобы тебя соблазняли.

– Более утонченно, – хрипло произнес он. – Более завуалированно.

– Я могу надуть губы, – отозвалась Кэйд, продолжая ласкать его и опускаясь на колени.

Он казался таким беспомощным перед ней. И она упивалась своей властью.

– Я знаю лишь, что люблю тебя, – сказала Кэйд и умолкла, вобрав в себя его твердеющую плоть.

– Кэ-э-йд…

– Ты хочешь, чтобы я остановилась или осталась?

Его сильные пальцы впились в ее плечи и вынудили Кэйд слегка отклониться назад. Глаза Сильвана полыхали огнем

расплавленного шоколада.

– Кэйд, в каждом сне я вижу тебя в своей квартире, в моей лаборатории, ты играешь в них с нашими детьми, готовишь нам ужин холодным вечером, танцуешь, танцуешь и… вместе со мной. Каждая конфета, сделанная мной с тех пор, как я встретил тебя, принадлежит тебе. Я видел твой взгляд, делая их, представлял, как она будет таять на твоем языке. Нет… только не играй… со… мной… Я не вынесу этого.

Она посмотрела на Сильвана, уже больше не опьяненная собственной властью.

– Правда? Ты тоже хочешь этого?

Сильван вдруг рассмеялся и одним мощным движением поднял Кэйд с колен и привлек к себе.

– Ты можешь даже взять мое имя, – прошептал он между поцелуями, страстно срывая с нее одежду и вынуждая обхватить ногами свою спину. – Только, пожалуйста, не ставь его на «Плитках Кори».

– Ох!

Даже в тот момент, когда он стаскивал с нее джинсы, Кэйд отвлеклась на эту неожиданную и заманчивую идею:

– «Плитки Кэйд Маркиз»!

Он овладел ею с грубоватым натиском, к безумному вожделению примешивалась месть за эту нелепую идею.

– Нет, – хрипло и решительно произнес Сильван. – Mon Dieu, qu’est-ce que je t’aime[178].

– Moi, aussi. – Ее руки обхватили его мускулистую спину. – Moi, aussi[179].

Глава 30

«Если Кэйд считает мою кондитерскую такой привлекательной, то можно начать подыскивать поблизости новую квартиру, – немного позже подумал Сильван. – Или прикупить диван для кабинета?»

Нынешняя квартира находилась всего в двух кварталах от его лаборатории, что вполне удобно для прогулки на работу и обратно, однако в декабрьскую морозную полночь после секса, когда хотелось скорее лечь в теплую кровать, эта дорога казалась ужасно длинной.

«И квартирка, снятая Кэйд, чтобы шпионить за мной, оставляла желать лучшего в плане комфортного и уютного любовного ложа», – подумал он, ворочаясь там рядом с Кэйд на тесной жесткой кровати. Но пока еще этим гнездышком можно попользоваться. К нему тянулась лестница и, как он только что обнаружил, восхитительно тесный лифт.

Может, Кэйд захочет купить весь верхний этаж и превратить его в роскошный пентхаус? Он сам мог спроектировать кухню со всеми удобствами.

Свет, включенный ими в квартирке, ярко осветил спальню. Натягивая одеяло, Сильван накрыл себя и Кэйд с головой, и они уподобились играющим детям. Его охватил восторг, хотя он никогда прежде не чувствовал себя таким зрелым мужчиной.

Сильван провел пальцем по ее плечу и руке.

– Мое имя с твоим, – удивленно произнес он. – Нет, правда? Ты подумала именно об этом?

Кэйд тоже выглядела удивленной и озадаченной.

– Мы знакомы менее двух месяцев. А я так долго не встречалась ни с кем… практически со школы.

Его сердце сжалось.

– Ты считаешь, что нам надо подождать, устроить проверку совместимости?

Проклятье! Неужели она не чувствует такой же уверенности, как он?

– Нет. – Откровенный взгляд синих глаз Кэйд породил в нем всплеск обжигающего желания. – Я уже проверила все, что нужно. И поняла, чего мне хочется.

Сильван опять посмотрел в ее распахнутые потемневшие глаза с расширившимися зрачками, окаймленными узеньким синим колечком.

– Поняла так же, как я?

Кэйд коснулась кончиками пальцев его обнаженной груди. Он

почувствовал, как бьется под ними его сердце.

– Да, как ты.

– О боже! – Сильван крепко прижал ее к себе. – Может ли человеку выпасть более счастливый случай?

– Случай тут ни при чем.

– Но из множества кондитерских Парижа ты забрела именно в мою!

«И ты поверил, будто я случайно забрела в твою кондитерскую? К кому же еще я могла зайти?»

– Я знаю, Кэйд, что твой приход связан с моими заслугами. И понимаю, почему ты забрела именно в мою кондитерскую. И еще я знаю, как много усилий мне пришлось приложить, чтобы ты захотела от меня нечто большее, чем мой шоколад.

– Похвальная искренность. Я удивилась бы, если ты вдруг начал проявлять скромность.

Хотя он действительно ощутил нечто подобное. Не скромность в плане своих достижений – ими Сильван как раз гордился еще больше, – однако он испытывал странное смирение перед Господом, судьбой или фортуной, какая бы сила ни свела их вместе.

– Мне повезло, что из множества людей, которые могли зайти в мою кондитерскую, в нее зашла ты.

Лицо Кэйд озарилось мягким светом улыбки.

– Значит, я уникальна?

– Кэйд. – Сильван обнял ее.

Женские души непостижимы!

– Как ты могла этого не знать?

Она молча гладила волоски на его груди.

– А ты готова стать моей ученицей?

Она улыбнулась с еле уловимой дерзостью, с преувеличенным вниманием разглядывая его грудь.

– Моей ученицей на курсах по изготовлению шоколада, – пояснил Сильван. – В лаборатории.

– Так ты готов принять меня?

Это было менее надежное основание, чем женитьба. По поводу женитьбы Сильван чувствовал себя уверенным на сто процентов.

– А ты готова подписать некое соглашение, чтобы не пользоваться полученными знаниями в интересах компании «Шоколад Кори»?

– Да. Все равно я оттуда сбежала.

Онемев, он пристально смотрел на нее. Нет, взирал на нее в полнейшем изумлении.

– Я пока доступна для консультаций, поскольку отец уверен,

что они могут быть весьма полезны, и за мной сохраняется прежнее количество акций, что оставляет меня заинтересованной стороной, но мы решили нанять менеджера для выполнения моих прежних обязанностей. Это стало для отца тяжелым ударом.

Лицо Кэйд омрачилось. Горе отца обернулось также ударом и для нее. И от ее выбора Сильван тоже испытывал неловкость.

– И для моего деда, – помолчав, добавила Кэйд. – Но конкурс на высшие руководящие должности проходит в жесточайшей борьбе. И я уверена, что мы найдем человека, который превосходно справится с моей работой.

– Ты пережила тяжелое время, – заметил Сильван.

– Да. – Прижимаясь к ней, он почувствовал, как медленно поднялась и опустилась ее грудь. – Однако, – она решительно взмахнула рукой, – я знала, чего хотела.

Он заключил ее лицо в свои ладони и продолжал просто смотреть на нее в радостном изумлении. Кэйд осознала, что хотела… его.

– Больше всего, – произнесла она, немного помолчав. – Я поняла, чего хочу больше всего на свете.

– Так ты хочешь стать моей шоколадной ученицей? – улыбнулся Сильван.

– По совместительству. А еще я могла бы посвящать немного времени одному рискованному предприятию, вложив в него солидные деньги. Мне хочется работать с людьми, которые мечтают создать собственные небольшие шоколадные кондитерские.

– Неужели ты просто не в состоянии отказаться от ответственности за судьбы мира?

– Экзистенциальное чувство вины, – объяснила Кэйд.

Он откинулся на спину и, уложив ее голову себе на грудь, поглаживал волосы, погружаясь в мир фантазий.

– А ты знаешь, все-таки я выпущу шоколадную плиточку под названием «Кэйд Маркиз». Мы можем объявить о ней на нашей помолвке. И только в нашем магазине мы будем продавать «Кэйд Маркиз».

Ее руки обхватили его с такой силой, что он едва мог дышать, пробуждая в нем еще большее самодовольство по поводу такого подарка. Но Кэйд удалось подпортить его, поскольку, щекоча носом его грудь, она провокационно пробормотала:

– Только дай мне знать, если спрос на нее будет слишком велик и тебе захочется заработать безумные деньги, продав ее какой-то корпорации, способной запустить массовое производство.

Сильван рассмеялся и стал пальцем – словно надписывал

шоколад – выписывать на ее спине какие-то слова, лишь слегка касаясь кожи: «Я тебя люблю».

Эпилог

Через два дня, когда Сильван высекал из шоколадной глыбы рождественское дерево – позже оно будет декорировано всевозможными украшениями с полным набором изысканных конфет для новогодних празднеств в Елисейском дворце, – в его лабораторию ворвались двое мужчин. Поначалу он даже не обратил на них внимания. Сильван считался лучшим шоколатье Парижа, а сейчас началась горячая пора предрождественской подготовки. В этот период посторонние не допускались к нему. Но Кэйд, которая расхаживала вокруг этой скульптуры, с жадным вниманием наблюдая за движениями резца, сильно отвлекала его, лишая привычной ловкости, и Сильван чувствовал себя неуклюжим и напряженным.

Он искоса взглянул на Кэйд и мгновенно насторожился, заметив ее нервозное состояние. Даже его матери не удалось заставить ее нервничать, по крайней мере не так явно. Тогда-то он и отвлекся, обратив внимание на посторонних. Высокими он их не назвал бы, хотя пятидесятилетний мужчина выглядел более внушительно, но оба они вели себя, как Кэйд – будто им принадлежал весь мир.

– Сильван Маркиз, – громко произнес мужчина с аккуратной стрижкой поблескивающих серебром волос. – Меня зовут Мак Кори. Так это вы тот человек, который пытается украсть мою дочь?

Сильван пожал плечами.

– Ей хотелось украсть лучшее. Так же, как и мне. И я не пытаюсь украсть вашу дочь. Я уже украл ее. Поэтому если вы явились сюда, чтобы вернуть ее, то вам лучше покинуть мою лабораторию.

Кэйд удивленно посмотрела на Сильвана. Наверное, она привыкла, что люди ведут себя с ее отцом более вежливо.

Мак Кори долго взирал на него и наконец проворчал:

– Ладно. По крайней мере вы мне нравитесь. Это уже хорошо.

Старик, должно быть, ее дедушка, Джеймс Кори, приглядывался к оборудованию лаборатории. Для своих восьмидесяти двух лет он казался очень энергичным. Его лицо избороздили морщины, и поредела белоснежная шевелюра, но жизнь не согнула горделивую прямую спину. Сильван даже не предполагал, что молочный шоколад оказывает столь благотворное влияние. Видимо, все дело в стеариновых кислотах.

– Настоящий, честное слово, француз, лицемерный шоколадный сноб! – восторженно заявил старший Кори, разглядывая Сильвана, словно тот был картиной, выставленной на продажу и достойной добавления в его коллекцию.

Стиль общения этой семейки раздражал.

– Я ведь предупреждал тебя, Кэйди. Вот уж никогда не думал, что кому-то удастся затащить одного из таких в нашу семью.

– Семья? – оживился Мак Кори. – Вы уже обсуждали семейные дела? – Он бросил на Сильвана внимательный взгляд, будто оценивая его генетические способности к воспроизводству будущих генеральных директоров.

– Не сомневаюсь, что все решено, – встрял старший Кори. – Ей нелегко задурить голову, но уж если она теряет башку, то это подобно удару гильотины. – Он резанул ребром ладони по своей шее, сопроводив жест свистом, которому, вероятно, отводилась роль озвучивания падающего клинка. – Р-р-раз и навсегда!

– О чем ты говоришь? – возмутилась Кэйд. – Когда это раньше я теряла голову?

Сильван усмехнулся.

– Никогда, – признал Джеймс Кори, – обычно ты бывала невозмутимой и сдержанной.

– Какой? – удивился Сильван.

С момента знакомства он видел со стороны Кэйд лишь безудержную пылкость и безрассудство. Неужели она так изменилась из-за него?

– Я уже беспокоился, что она станет копией своего папочки, – доверительно сообщил Джеймс Кори.

Мак Кори бросил на его обиженный взгляд. Кэйд, решив, что на этой неделе отец получил чрезмерную для человеческой выдержки серию ударов, отошла от Сильвана и обняла его.

Когда отцовские руки обвились вокруг нее, Сильван испугался, что этот чужак может внезапно запихнуть ее в свой лимузин и исчезнуть вместе с ней.

– Папа, ты прилетел в Париж, чтобы опять попытаться отговорить меня? – спросила она.

– Нет, чтобы подыскать приличные апартаменты. Мы с твоим

дедом решили, что нам пора обзавестись pied-à-terre[180].

Увидев, какая радость озарила лицо Кэйд, Сильван осознал, что до сих пор не понимал, как дорого ей стоило расставание с родными.

– К тому же у нас был отвратительный День благодарения, поэтому я подумал, что будет здорово, если вся наша семья отметит вместе Рождество в Париже. Надо же познакомиться с новыми родственниками. И Кот-д'Ивуар отсюда значительно ближе, поэтому мы сможем даже вытащить Джейми из Африки ради таких праздников.

– Я прожил восемьдесят два года и ни разу не праздновал Рождество в Париже, – заявил Джеймс Кори. – Вы можете в такое поверить?

Мать Сильвана прожила пятьдесят три года и никогда не принимала на Рождество четырех миллиардеров, но ей придется сделать это.

– И ты даже не станешь отговаривать меня? – спросила Кэйд.

– Я уже всячески пытался, – с горьким смешком отозвался Мак Кори. – Ничего не получилось.

– Не изводи себя, сынок, – с преувеличенным сочувствием произнес его отец. – Это не получилось даже у меня, поэтому ты вряд ли можешь себя винить.

Мак Кори молча посмотрел на него, проигнорировав завуалированную издевку.

– Вдобавок ты постоянно обманывала меня на сей счет, Кэйд, что еще больше усугубило положение. Ведь могла же ты хоть изредка говорить об этом прямо, не пудря мне мозги какими-то деловыми решениями?

Кэйд тоже промолчала.

– Итак, мы прибыли в гости. Ты еще не подыскала здесь опытного агента по недвижимости?

Кэйд обрадовалась и заулыбалась. Отец и дочь проработали бок о бок много лет, но у более опытного отца имелось преимущество в тридцать лет, и ему, очевидно, еще удавалось иногда поражать ее.

– Кстати, чисто из любопытства, чего вы хотите от жизни? – спросил он будущего beau-père[181].

– Счастья для своих дочерей, могущества Кори на шоколадном рынке, а также оставить моей семье в наследство эту землю, – заявил Мак Кори. – Не думаю, что я хочу слишком многого, не правда ли? Какой смысл в больших деньгах, если твои дети из-за них несчастны. Верно, папа? – довольно ехидно добавил он. – Между тем было бы великолепно, если бы вы двое смогли хорошенько потрудиться на семейной ниве, тогда мне не

придется пахать на ней до девяноста пяти лет, дожидаясь заслуженного отдыха.

Сильван встревоженно замер.

– Что за намеки? Надеюсь, вы не рассчитываете, что кто-то из моих детей возглавит «Шоколад Кори»?

– Каких детей? – раздался голос со стороны двери в магазин.

Сильван посмотрел за спины представителей двух поколений Кори и увидел своих родственников, мать и сестру Натали, нагруженных пакетами с рождественскими покупками. За ними еще на пороге маячила и Шанталь, тоже с фирменными пакетами. Эта женская компания давно стала ходить за праздничными покупками сообща.

– Так это вы двое тут рассуждаете о детях?

Маргерит пристально взглянула на Кэйд, как бы оценивая ее гены. Враждебность исчезла, сменившись восторгом.

– Ваш… сын, я полагаю… хочет жениться на моей дочери, – сообщил ей Мак Кори, протягивая руку.

Маргерит покосилась на протянутую руку и, решив не заметить ее, расцеловала Мака Кори в обе щеки.

– Mariage? Sylvain, tu veux te marier? Enfin? Enfin![182]

Она развернулась и запечатлела множество поцелуев на щеках Кэйд.

– Ваше поколение очень эгоистично, никто не желает обременять себя семьей! Сильван, я уж и не надеялась, что ты решишься! А ты, милая, собираешься нарядиться в белое платье? – обратилась она к Кэйд.

Всплеснув руками, Маргерит воздела очи к небесам, вызывая у Сильвана подозрение, что она возносит за него благодарственную молитву.

– Свадьба! – воскликнула Маргерит.

– Правда? – разволновалась Натали. – Вот повеселимся! А я могу быть demoiselle d'honneur[183]?

– Свадьба? – раздался мужской голос, и Сильван поморщился.

Кристоф. Нет, серьезно, больше он не допустит ни одного кулинарного блогера в свои владения. Этот парень хуже блохи. Надо же с такой блошиной назойливостью продолжать вламываться в лабораторию Сильвана! Кристоф остановился у порога рядом с Шанталь и пристально посмотрел на Кэйд.

– Полагаю, этого следовало ожидать, – обратился он к Шанталь как к ближайшей слушательнице. – Они оба склонны к мелодраме.

– Увы, – кивнула та. – Полагаю, мне тоже следовало этого ожидать. Но я никак не ожидала.

– Ну кто же нынче женится? Это чертовски старомодно.

– Сильван – романтик, – заметила Шанталь. – И никому не под силу изменить его.

– Меня зовут Кристоф, – объявил он присутствующим. – Я – приятель Сильвана. А вам нравятся романтики?

«Приятель?» – с возмущением подумал Сильван, но, правда, его тут же нежно отвлекли. Пальцы Кэйд обвили его запястье, и она подняла на него глаза, излучавшие такое счастье, что внезапно ему захотелось запечатать этот момент в волшебную бутылку и открывать ее, когда станет грустно.

– По-моему, никто здесь пока не собирался жениться, – пробормотала Кэйд.

– Нынче это, в общем, не принято, – признал Сильван. – Большинство людей живут вместе всю жизнь, не думая ни о каких формальностях. Но мы уже обручились, поэтому лучше не отпираться.

– Да, не надо! – вмешалась Маргерит. Она едва не пританцовывала от радости. – Погодите, вот я еще поделюсь этой новостью с друзьями. Никто из их отпрысков не собирается жениться. А можно, Кэйд, я помогу вам выбрать свадебное платье?

Кэйд стрельнула оценивающим взглядом по многочисленным фирменным пакетам.

– Конечно, – ответила она.

Она сразу поняла, как можно подружиться с будущей belle-mère[184].

– Я как раз собиралась прогуляться по Фобур де Сент-Оноре. – Кэйд упомянула парижскую улицу, где располагались дорогие магазины.

Мать Сильвана тяжело опустилась на стул, а Шанталь взяла Кристофа под руку, и они быстро направились к выходу.

– Боже милостивый, – пробормотала Кэйд по-английски, с беспокойством поглядывая на будущую свекровь. – Надеюсь, наконец-то деньги помогут мне купить хоть что-то в этом городе.

– Можно мне тоже отправиться с вами за покупками? – спросила Натали, но ее вниманием сразу завладел влиятельный бизнесмен, и она, следуя американской традиции, протянула ему руку. – Значит, вы и есть отец Кэйд? Меня зовут Натали Маркиз. Я подумываю о стажировке у вас будущим летом.

Кэйд с усмешкой взглянула на Сильвана, который, судя по виду, гордился сестрой.

– А вы знаете, чего я хотел бы больше всего в жизни? – обратился к Сильвану дед Кэйд. – Тайно проникнуть в лабораторию швейцарского шоколатье, в чем Кэйд могла бы помочь мне, благодаря полученным у вас навыкам взлома. И еще

сделать шоколад со шпинатом. А это, по-моему, уже сфера вашего мастерства, поэтому…

Глаза Кэйд тревожно сверкнули. Она посмотрела на Сильвана и приложила палец к губам. А ее дед продолжил:

– Уверен, вы не откажетесь помочь своему будущему дедушке в этом скромном проекте.

– На мой взгляд, идея со шпинатом звучит заманчиво, – добавил Мак Кори, словно доказывая, что владельцы международных корпораций не имеют ни стыда, ни совести. – Особенно если этот проект осуществится здесь, в Париже, в лаборатории Маркиза. Но больше никаких взломов и проникновений. Не хватало только, чтобы вас поймали на шпионаже на какой-то швейцарской фабрике. Не приведи господи, если вы оба попадете в прессу как похитители шоколада… – Он сжал кулаки. – Да еще и Джейми к тому времени, вероятно, арестуют за участие в очередной демонстрации против засилья Международной финансовой корпорации. – Он прижал кулаки ко лбу и тихо застонал.

Джеймс Кори положил худощавую руку на плечо внучки. Она с усмешкой взглянула на него, и Сильван понял, как сильно любит Кэйд своего авантюрного деда.

– Чертовски трудно быть белой овцой в паршивом семействе, – с сочувствием сказал Джеймс Кори своему сыну. – Не представляю, как тебе это удается. Но не волнуйся за нас с Кэйд. Вскоре все газеты большими буквами напечатают имя Маркиза, объявив его в каком-то смысле шоколадным похитителем.

Сильван вздрогнул, с ужасом представив, что его имя могут связать с попыткой стащить рецепты другого шоколатье.

Дед Кэйд с усмешкой посмотрел на него.

– Но вряд ли я сочту столь привлекательными владельцев той швейцарской фабрики, и поэтому нас никому не удастся поймать.

Кулинарные
эксперименты
Сильвана Маркиза

Фирменные конфеты ручной работы с вяленой вишней

Количество порций: 8

Время приготовления: подготовка ингредиентов (8–12 часов); собственно приготовление – 2 часа +

Сложность: одна звездочка (из пяти)

Вам потребуется:

250 г шоколада превосходного качества (с содержанием какао не менее 75 %)

250 мл сливок жирностью не менее 35%

50 г сливочного масла

35 вяленых вишен

75 мл французского коньяка

миндаль, фисташки и вишня для украшения

4 ст. л. какао

Глазурь:
150 г шоколада

Способ приготовления:
Предварительно:

1. Залейте часть вишни коньяком (23 ягодки), накройте пищевой пленкой и оставьте минимум на 12 ч для пропитки.

2. Очень мелко порубите шоколад и положите в миску. Налейте сливки в сотейник и доведите до кипения. Залейте шоколад кипящими сливками и хорошо размешайте – шоколад должен полностью раствориться. Добавьте сливочное масло и остудите. Накройте массу пищевой пленкой и уберите в холодильник на 8 ч.

В день подачи:

3. Достаньте заготовки из холодильника. Лучше доставать частями, чтобы масса не успела растаять.

4. Если в вишне осталась жидкость, откиньте ягоды на дуршлаг, а потом обсушите бумажными полотенцами.

5. Из застывшей шоколадной массы скатайте шарики величиной с грецкий орех. В центр каждого шарика положите вишню. Чтобы конфеты были одинакового размера, используйте одну и ту же ложку, когда отщипываете массу.

6. Готовые трюфели сложите на тарелки, накрытые пергаментом, или на силиконовый коврик и уберите в холодильник минимум на 15 мин.

7. *Украшения*: мелко порубите несколько ягод вяленой вишни, миндаль и фисташки. Не забудьте предварительно удалить темную кожицу с орехов.

8. *Глазурь*: растопите шоколад на водяной бане и остудите – он не должен быть горячим, иначе трюфели начнут плавиться. Накалывайте трюфели на шпажки и опускайте в глазурь. Перекладывайте на решетку (лишняя глазурь стечет) и украшайте вишней и орехами.

9. Оставьте до схватывания шоколада. Этого количества глазури должно хватить на 20 конфет. Оставшуюся шоколадную массу обваляйте в какао. Конфеты с разными текстурами выглядят в одной коробке изумительно!

10. Положите конфеты в контейнеры, проложенные пергаментом, и уберите в холодильник минимум на 1 ч.

11. За 30 мин. до подачи достаньте коробки из холодильника.

Дайте расцвести великолепному вкусу!

Советы Сильвана Маркиза:

1. Не скупитесь! Качество приготовленных вами

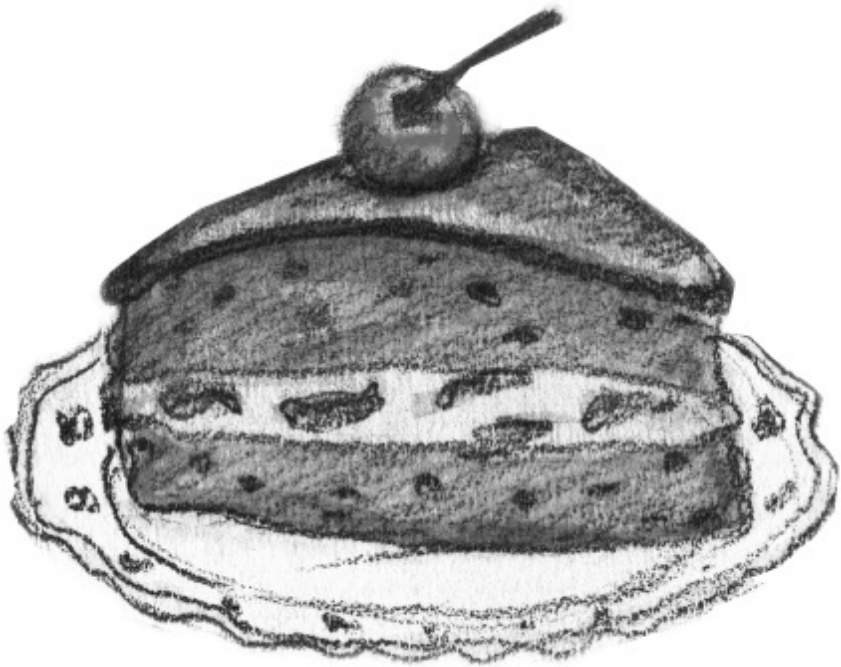
конфет напрямую зависит от качества купленного шоколада.

2. Работая с шоколадом, включите кондиционер на 23 градуса или откройте окно – пусть в кухне будет прохладно.

Конфеты ручной работы – неповторимое изысканное лакомство и великолепный подарок!

Bon appétit!

Торт «Похитительница шоколада»



Количество порций: 8
Время приготовления: 1,5 часа
Сложность: три звездочки (из пяти)

Вам потребуется:
Тесто:
100 г муки
150 г шоколада с содержанием какао не менее 75%
150 г сливочного масла
150 г сахара
4 яйца
0,5 ч. л. ванильного порошка
1/4 ч. л. разрыхлителя
щепотка соли
Глазурь:
150 г шоколада 30 г сливочного масла 2 ст. л. молока
Крем:
100 мл сливок жирностью 35 % (или более)
2 ст. л. сахарной пудры
Начинка:

1 стакан свежей вишни без косточек

2 ст. л. сахара

2 ч. л. картофельного крахмала

50 мл французского ликера (например, Джозеф Картрон Мараскин (вишня)

Способ приготовления:

1. *Вишневая начинка:* Положите вишню в сотейник, добавьте сахар и доведите до кипения, влейте ликер. Крахмал разведите в 2 ст. л. воды и добавьте к вишне, варите 2 мин., до загустения. Остудите.

2. *Тесто:* Теперь приступим к самому важному! Порубите сливочное масло на кусочки и положите в сотейник. Добавьте сахар и ваниль, поставьте на медленный огонь. Помешивайте до полного растворения сахара.

3. В сотейник поломайте шоколад и, помешивая, растопите его. Снимите с огня шоколадную массу и слегка остудите.

4. Отделите белки от желтков. Муку просейте с разрыхлителем и солью. Добавьте в шоколадную массу сначала желтки, а потом муку. Каждый раз нежно и аккуратно добивайтесь однородной консистенции. Белки взбейте в крутую пену и медленно подмешайте в тесто.

5. Разогрейте духовку до 180 ˚С. Смажьте маслом разъемную форму диаметром 24 см. Вылейте тесто в форму и поставьте в духовку на 40 мин.

6. Выньте форму и дайте ей постоять вместе с коржом (20 мин.). Затем выньте корж и полностью остудите. Разрежьте пропеченное тесто на два коржа.

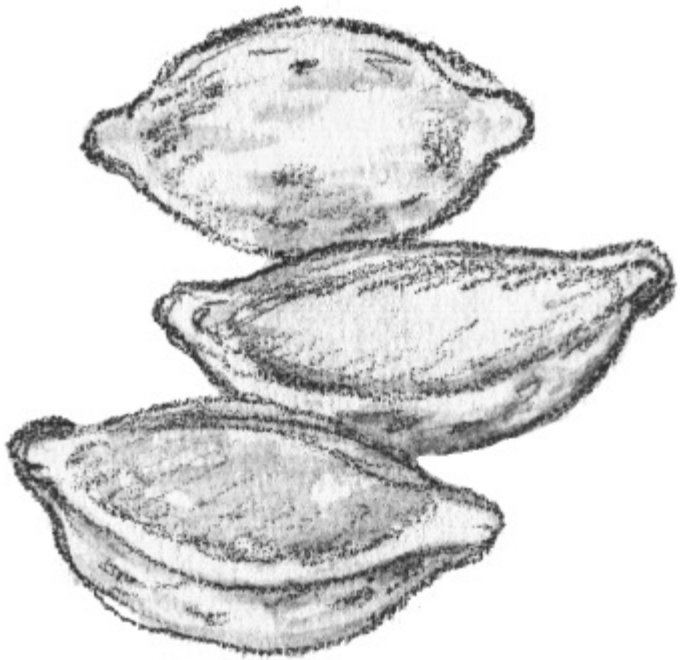
7. Взбейте сливки с сахарной пудрой в пышную массу. Положите первый корж на блюдо. Выложите вишневую начинку и взбитые сливки, накройте вторым коржом.

8. *Глазурь*: растопите шоколад со сливочным маслом и молоком, постоянно помешивая. Затем дайте глазури «отдохнуть»: слегка остудите. Полейте торт глазурью. Оставьте до застывания. Храните в холодильнике.

Советы Кэйд Кори:

Запаситесь терпением и ни в коем случае не режьте этот торт до прихода гостей. Вы не успеете оглянуться, как блюдо с этим шоколадным лакомством окажется пустым!

Лимонные корзинки с суфле



Количество порций: 12
Время приготовления: 30–40 минут
Сложность: две звездочки (из пяти)

Вам потребуется:
6 крупных лимонов
4 яйца
5 ст. л. сахара
1 ст. л. лимонной цедры
щепотка винного камня[1]

Способ приготовления:[185]

1. Разрежьте лимоны вдоль на половинки. Удалите ложкой мякоть, чтобы получились корзинки. Сохраните 2 ст. ложки лимонного сока. Мякоть можно выбросить. Подровняйте дно каждой «корзинки» так, чтобы придать ей устойчивость.

2. Миксером взбейте 3 желтка с 4 ст. ложками сахара до загустения. Добавьте лимонный сок и цедру.

3. В отдельной чистой посуде взбейте 4 белка и винный

камень (лимонную кислоту). Затем добавьте туда же 1 ст. ложку сахара. Продолжайте взбивать в крепкую пену.

4. Аккуратно смешайте взбитые желтки и белки.

5. Наполните получившейся массой половинки лимона и выложите на противень. Поставьте противень в предварительно разогретую до 190 °C духовку. Выпекайте 15–20 минут до образования сверху золотисто-коричневой корочки.

Советы Кэйд Кори:

Подайте это восхитительное суфле вместе с вашим любимым шоколадным десертом, и получите необыкновенное сочетание вкусовых оттенков. Главное – не передержите лимонные половинки в духовке – суфле должно быть не коричневым, а слегка золотистым!

Кофейное парфе

Количество порций: 6
Время приготовления: 1 час
Сложность: две звездочки (из пяти)

Вам потребуется:
2 ст. л. кукурузного крахмала
135 г сахара
щепотка соли
2 ст. л. молока
2 белка
2 ч. л. крепчайшего кофе
1 ст. л. воды
1,5 ст. сливок жирностью не менее 35%
Способ приготовления:

1. Смешайте кукурузный крахмал с сахаром и солью. Добавьте молоко.

2. Взбейте миксером белки и смешайте с крахмальной смесью.

3. Сварите крепкий кофе и добавьте пару ложек во взбитую смесь. Поставьте смесь на водяную баню.

4. Непрерывно помешивая, варите на среднем огне до загустения около 5 минут. Снимите с огня.

5. Накройте крышкой и поставьте на 30 минут в холодильник.

6. Слегка взбейте сливки.

7. Введите взбитые сливки в заварную смесь.

8. Разложите получившееся парфе в 6 высоких бокалов.

9. Украсьте зернами кофе, тертым шоколадом или взбитыми сливками.

Советы Кэйд Кори:

Летний вариант воздушного десерта. Очень вкусно есть парфе с печеньем!

Apprécier par le goût délicieux!

Меренги «Облака над Парижем»

Количество порций: 8
Время приготовления: до 30 минут
Сложность: пять звездочек (из пяти)

Вам потребуется:
3 ч. л. кукурузного крахмала
1 стакан сахарной пудры
1 ч. л. белого винного уксуса
4 белка комнатной температуры
Украшение:
150 г малины (или любой другой ягоды)
500 мл сливок жирностью не менее 35%

Способ приготовления:

1. Разогрейте духовку.
2. Вырежьте по форме противня пергамент и застелите его.
3. Просейте отдельно сахарную пудру и крахмал. Миксером на небольшой скорости взбейте белки, постепенно всыпая сахарную пудру (10 мин.). В самом конце добавьте крахмал и уксус.
4. Белковую смесь переложите в кондитерский мешок.

Выложите смесь по форме будущих меренг: прямоугольником шириной 5 см, «цилиндрами» высотой 4 см или «розочками».

5. *1-й способ:* Выпекайте меренги в разогретой до 150 ˚С духовке 40 мин.

6. Выключить духовку, открыть дверцу и оставить пирожные до полного остывания.

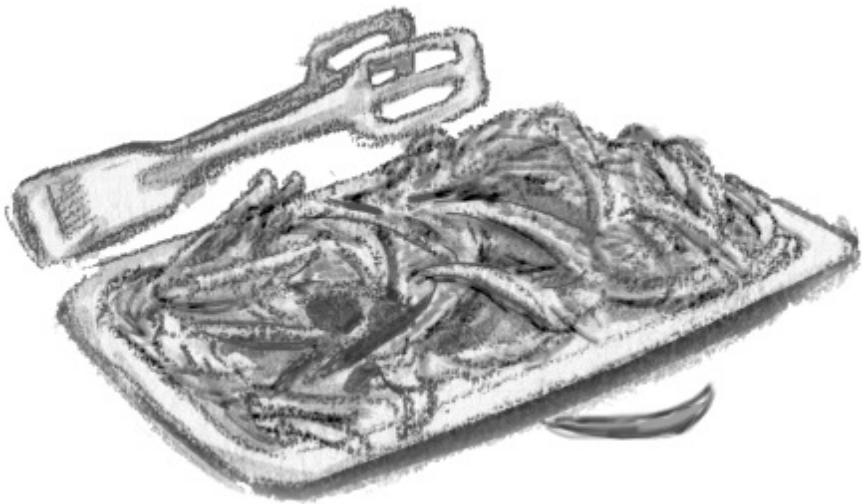
7. *2-й способ:* Разогрейте духовку до 120 ˚С. Затем выключите ее и оставьте включенным свет. Поставьте противень с будущими меренгами в остывающую духовку и оставьте на ночь. Включенный свет подсушит пирожные.

8. *Украшение*: Взбейте сливки в пышную блестящую пену, переложите в кондитерский мешок с насадкой и украсьте верх меренг. Если вы приготовили меренги прямоугольной формы, то их можно соединить, а между половинками положить сливки с ягодами. Только не забудьте тщательно обсушить ягоды после мытья на бумажном полотенце!

Советы Сильвана Маркиза:

Готовьте меренги в сухую погоду – излишняя влажность может помешать их подсушиванию. Приготовление этого простого на первый взгляд десерта требует определенных навыков. Зато потраченные усилия будут вознаграждены: нежнейшие кусочки пирожного растают во рту!

Цукаты в шоколаде



Количество порций: 10
Время приготовления: 2 часа +
Сложность: одна звездочка (из пяти)

Вам потребуется:
5 апельсинов
перец черный молотый
1 стручок ванили
1 л воды
1 ст. л. лимонного сока
500 г сахарной пудры
1 звездочка бадьяна
Украшение:
150 г шоколада с содержанием какао не менее 75%

Способ приготовления:

1. Апельсины вымойте специальным средством для мытья фруктов и обсушите. Срежьте с плодов цедру лентами шириной 3–3,5 см так, чтобы на цедре оставалось немного мякоти.

2. В сотейнике вскипятите воду, положите цедру. Когда закипит, убавьте огонь и варите пару минут. Отбросьте на дуршлаг, обдайте холодной водой. Снова опустите в кипящую воду, проварите пару минут. Опять отбросьте на дуршлаг и обдайте холодной водой. Теперь горечь ушла из корочки.

3. Выложите цедру на решетку и дайте обсохнуть.

4. В сотейник поместите разрезанную пополам ваниль с семечками, раздавленные горошины перца, сахар, лимонный сок и бадьян. Залейте водой, доведите до кипения.

5. Положите в полученный сироп цедру и на минимальном огне варите, прикрыв крышкой, 1 час 30 мин.

6. Снимите сотейник с огня, дайте остыть. Затем поставьте в холодильник на ночь.

7. Утром отбросьте цедру на дуршлаг и оставьте подсыхать на 1 час.

8. Нарежьте цедру полосками шириной 1 см.

9. *Украшение*: При желании вы можете растопить на водяной бане шоколад, обмакнуть в него цукаты и положить на блюдо, накрытое листом пергамента. Поставьте в холодильник на часок – и *voil*à!

notes

Примечания

1

Тысяча благодарностей (*фр*.).

2

Лаборатория, рабочее пространство (*фр.*).

З

Разврат, разгул, оргия (*фр.*).

4

Шоколадные конфеты (*фр.*).

5

Фунт – 0,454 кг.

6

Добрый день (*фр.*).

7

Образцы, маркетинг, товарная специализация (*англ.*).

8

Меня зовут (*фр.*).

9

Около 18 кг.

10

Гигиена. Я готовлю шоколад. Чем я могу вам помочь, мисс Кори? (*фр.*)

11

Вы… (*фр.*).

12

До свидания (*фр.*).

13

Наглость (*фр.*).

14

Нормандское пирожное (*фр.*).

15

Шоколадная коврижка (*фр.*).

16

Круассан с миндалем (*фр*.).

17

Для легкого завтрака? (*фр.*).

Американцы (*фр.*).

19

Тарталетка, пирожное (*фр.*).

20

Милашка (*фр*.).

21

Черт возьми! Глупая американская капиталистка. Проклятая чертовка (*фр.*).

22

В пригородном городке, в деревне (*фр.*).

23

Здесь – беспородный юнец (*фр*.).

24

Шоколадная фабрика, кондитерская (*фр.*).

25

Клошар (*фр.*) – бомж.

Здесь: Дерьмовая подделка (*фр.*).

27

Волшебный лев Аслан из книг «Хроники Нарнии» Клайва Льюиса.

Это не важно (*фр.*).

Неужели? (*фр.*).

30

Приятного аппетита (*фр.*).

31

У тебя что, проблема выбора, мой милый? (*фр.*)

32

Прошу прощения. Да. Равиоли (*фр*.).

33

Дорогой, любимый (*фр.*).

34

Тем хуже для тебя (*фр.*).

35

Однако, мадам, вы же заказали комплексный обед (*фр.*).

Разумеется, спасибо (*фр.*).

Вы жестоки, мадам (*фр.*).

Ладно (*фр.*).

Так это правда? (*фр*.)

40

С таким милым акцентом… (*фр.*).

41

Я, Паскаль Гюйо, помощник шеф-повара, нашего шоколадного маэстро (*фр*.).

42

Горький черный шоколад; молочный шоколад (*фр.*).

Слава тебе господи (*фр.*).

44

Болезнь плодоносных деревьев, вызываемая грибами и вирусами.

45

Вы позволите (*фр.*).

Безукоризненная парижанка (*фр.*).

47

Держите (*фр.*).

48

Разновидность шоколадного дерева, плоды которого отличаются более тонкой оболочкой и высоким качеством.

Пряный и сладострастный (*фр.*).

50

Не желаете ли помочь мне изрубить этот шоколад, мадемуазель? (*фр*.)

51

Попробуйте (*фр.*).

52

Вы предпочитаете традиционность (*фр.*).

53

Как угодно (*фр.*).

На малом огне (*фр.*).

55

«Человек на шесть миллионов долларов» (1973) – приключенческий телевизионный сериал о космонавте и летчике-испытателе полковнике Стиве Остине.

Внимание компании, с ума сойти можно (*фр.*).

Это очень старо (*фр.*).

А теперь взбивайте (*фр.*).

Ладно, для начала вернемся к столу. Держите (*фр*.).

А теперь мы приступим к замесу (*фр.*).

61

Попробуем еще разок (*фр*.).

И затем голыми руками (*фр*.).

63

Франт, денди, волокита (*фр*.).

Это была не беда (*фр.*).

65

Гитара (*фр.*).

Успокойтесь, подождите (*фр.*).

Дурак (*фр*.).

Само собой, разумеется (*фр.*).

69

Шикарная парижанка (*фр.*).

Свежие сливки, взбитые сливки (*фр*.).

71

Тринадцать градусов по Цельсию.

Доходы, поступления (*фр.*).

Черный рынок (*фр.*).

На месте преступления (*фр.*).

Наглые (*фр*.).

76

«Похитительница щоколада в кондитерской Сильвана Маркиза!» (*фр.*)

77

Похитительница, воровка (*фр*.).

Это противозаконно (*фр.*).

В уменьшенном виде, в миниатюре (*фр.*).

Король олухов, круглый дурак (*фр.*).

81

Котел (*фр.*).

Возможно (*фр.*).

83

Восхищенный (*фр.*).

Спасибо, большое спасибо! (*фр.*)

85

Знаменитая песня Эдит Пиаф на музыку Луи Гульельми.

Радость бытия, наслаждение жизнью (*фр.*).

Совсем одна, милая? (*фр.*)

Дорогуша, значит, ты вроде бы не возражаешь? (*фр.*)

89

«Когда он обнимает меня и шепчет мне на ушко…» (*фр.*)

Договорились? (*фр.*).

91

Горячий шоколад (*фр.*).

Караул! На помощь! (*фр.*)

Ягодицы (*фр.*).

О боже! (*фр.*)

95

Истинная правда (*фр.*).

Право же, не за что (*фр.*).

Надо же… как по-дурацки получилось! (*фр*.).

98

Дьявол в образе женщины, нападающий на мужчин во сне и совокупляющийся с ними.

99

Вот уж действительно идиотство, настоящее идиотство (*фр.*).

100

Маман, так шумиху поднял только «Гугл»? (*фр.*)

101

Вам нельзя… (*фр.*).

102

Вы ведь – Кэйд Ко-рии? (*фр.*).

103

Сюда, пожалуйста, мадемуазель (*фр.*).

Слабоумный, дурак (*фр.*).

105

Фартук (*фр.*).

106

Одна женщина; барахляный шоколад (*фр.*).

107

Паршивый шоколад (*фр.*).

Водный канал (*фр.*).

109

Знаменитый фонтан Медичи со скульптурами циклопа Полифема и Галатеи с пастухом Ацисом.

110

Прости меня (*фр.*).

111

Мэтр (*фр.*).

112

Маленькие женские привидения (*фр.*).

113

Мадемуазель Кори. Могу я пригласить вас в кафе? (*фр.*)

114

Бакалейный магазин (*фр.*).

115

Тебе понравилась конфета? (*фр*.)

116

Ку-ку, а вот и я! (*фр.*)

117

Твой паспорт? (*фр.*)

118

Пекарня, булочная (*фр.*).

119

Пешеходная улица (*фр*.).

120

Эй, послушай-ка! (*фр*.)

121

В каких-то супермаркетах… (*фр*.).

122

Ловкость рук, или маленький профессиональный секрет (*фр.*).

123

Виноградарь (*фр.*).

Нет, погоди-ка (*фр.*).

125

Наивный простак? (*фр.*)

Здесь – винный погреб (*фр.*).

127

Слойки с шоколадом (*фр.*).

Стажер (*фр.*).

129

Глазировочная машина *(фр.)*.

130

Ванильный ганаш; крем ганаш – ароматная шоколадная масса с различными наполнителями и рецептурой, используемая при производстве шоколадных десертов как для начинки, так и для обливки.

131

Что, Малик, силенок не хватает? *(фр.)*.

Шоколадные кремы ганаши *(фр.)*.

133

Черный шоколад; молочный шоколад *(фр.)*.

Ну да, конечно *(фр.)*.

135

Chacun son goût. – У каждого свой вкус.

Сыроварня *(фр.)*.

137

Ты хочешь прогуляться? *(фр.)*.

138

Тогда так ему и надо! *(фр.)*.

139

Дураки *(фр.)*.

140

Очевидно, имеется в виду домашний видеофильм «Одна ночь в Париже», который бывший бойфренд Пэрис Хилтон продал порнокомпании.

141

Говядина, жареный картофель и сырная подливка с рокфором *(фр.)*.

142

Весь мир *(фр.)*.

143

А у тебя есть альтернативная личность? *(фр.)*.

Настоящий крестьянин, деревенщина (*фр.*).

145

В стиле Наполеона Третьего (*фр.*).

Упс, простите (*фр.*).

147

Как дела, голубчик? (*фр.*)

Добрый день!.. (*фр.*)

149

Меня зовут Натали (*фр.*).

150

Представляю тебе Эрве, моего отца (*фр.*).

151

Умора (*фр.*).

152

Та самая похитительница шоколада? (*фр*.)

153

Сметана (*фр*.).

Пекари, сыровары (*фр.*).

155

Положение обязывает? (*фр.*)

Только потому, что она смазлива? (*фр.*)

157

Да ты что, как бы не так! (*фр*.)

158

Наивный (*фр.*).

159

Привередливая (*фр.*).

160

Жизнь радует меня (*фр.*).

161

Подождите (*фр.*).

Сильвана пока нет (*фр.*).

163

«День шоколада» (*фр.*).

Да пошла ты… Плевал я на тебя! (*фр.*)

165

Я вам не мешаю? (*фр.*)

Я влюбился в тебя (*фр.*).

167

Рожок, трубочка с начинкой (*фр.*).

168

Моя дорогая, любимая (*фр.*).

169

Абсолютно (*фр.*).

Ее реакция оказалась великолепной *(фр.)*.

171

В конце концов *(фр.)*.

172

Итак, как твои дела? *(фр.)*.

173

Учитель, маэстро, мэтр *(фр.)*.

Ты жесток (*фр.*).

175

Милосердие ко мне *(фр.)*.

Не трогай меня… Черт побери… Остановись.

177

Чертовка…

178

Мой бог, как же я тебя люблю *(фр.)*.

179

Я также… *(фр.)*.

180

Временное пристанище *(фр.)*.

181

Тесть *(фр.)*.

182

Женитьба? Сильван, ты хочешь жениться? Наконец-то? Наконец-то! *(фр.)*.

183

Подружка невесты *(фр.)*.

Свекровь *(фр.)*.

Внимание: 1 ч. л. винного камня можно заменить сухой лимонной кислотой в соотношении 1:2.